

ISSN 2500-2988

ЛОКУС

люди
общество
культура
смыслы

2025 / Том
Vol. 16 / 3

2025. Т. 16. № 3

Учредитель

и издатель:

Московский
педагогический
государственный
университет

Издаётся с 2010 г.

Выходит 4 раза в год

Свидетельство

о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Политические науки

- 5.4.5. Политическая социология
- 5.5.1. История и теория политики
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики
- 5.5.4. Международные отношения

Исторические науки

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Сайт журнала: j-locus.ru

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2025. Vol. 16. No. 3

**The Founder
and Publisher:**
Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:
Moscow, Russia, Verh-
nyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list
of the leading peer-reviewed scholarly
journals the Higher Attestation
Commission of the Ministry
of Science and Higher Education
of the Russian Federation recommended
to PhD candidates and those working
for their habilitation who wish to publish
the results of their research

The journal has been published
since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be
accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Ольга Викторовна Ерохина – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Виленович Бруз – доктор исторических наук; профессор кафедры государственных закупок, менеджмента и государственного управления экономического факультета Государственного университета просвещения, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Москва

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Татьяна Владиславовна Каширина – доктор исторических наук, профессор; заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; руководитель проектов Экспертного института социальных исследований, г. Москва; доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Алек Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Olga V. Erokhina – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Chief Researcher at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir V. Bruz – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Public Procurement, Management and Public Administration of the Faculty of Economics, State University of Education, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Alek Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Tatyana V. Kashirina – Dr. Hab. in History; Head at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia the of Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Associate Professor at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; project manager, Expert Institute of Social Research, Moscow; Associate Professor at the Department of Comparative Political Science of the Faculty of Management and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History of the Institute of History and Philology, Federal State University of Education, Russian Federation

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

А.Б. Ананченко

- Социоподобные технологии как проблема нового этапа мировой истории и его понимания 11

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

П.А. Рыбаков

- Коллективизация и раскулачивание в Калужском крае в 1930 г.
(на материалах Калужского округа Московской области) 23

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

С.В. Гусарова

- Избрание Николая Мистика (901–907; 912–925) Константинопольским патриархом 37

М.А. Ковалёв

- Британский путешественник Ч. Макфарлейн о «мягкой» и «жесткой» силе в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. 46

Г.И. Рыбкин

- К вопросу о причинах убийства президента Франции Поля Думера в 1932 г. (по материалам эмигрантской газеты «Возрождение») 55

А.М. Родригес-Фернандес

- Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия внутри региональных конфликтов XX в. 68

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е.Е. Юдин

- От «монархической» солидарности к формированию образа «врага»: политические контакты российской и австрийской имперских элит в 1885–1914 гг. 80

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

B.A. Подольский

- Философия ХХ в. о социальной политике
как средстве урегулирования конфликтов 100

E.A. Осипов

- «Имперский фашизм»
britанского политика Арнольда Лиза 116

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

A.A. Орлов

- Британский «зритель» у замочной скважины

русской дипломатии второй трети XVIII в.

Рецензия на книгу: Лабутина Т.Л.

Британские послы в России

- в эпоху дворцовых переворотов. СПб., 2025 128

Contents

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY, METHODOLOGY OF HISTORY

A.B. Ananchenko

- Socio-like technologies as a problem of a new stage
in world history and its interpretation 11

RUSSIAN HISTORY

P.A. Rybakov

- Collectivization and dispossession
in the Kaluga region in 1930 (a case study
of the Kaluga district of the Moscow region) 23

GENERAL HISTORY

S.V. Gusanova

- Election of Nicholas Mystikos (901–907; 912–925)
as Patriarch of Constantinople 37

M.A. Kovalyov

- The British traveler Charles MacFarlane
on the “soft” and “hard” forces
in the Russian-Turkish War of 1828–1829 46

G.I. Rybkin

- On the causes of the assassination
of French President Paul Doumer in 1932
(based on the materials of the Russian emigrant newspaper
“Vozrozhdenie”) 55

A.M. Rodriges-Fernandes

- The United Arab Emirates, Oman,
and Saudi Arabia of intra-regional conflicts
of the 20th century 68

INTERNATIONAL RELATIONS: HISTORY AND PRESENT DAY

E.E. Yudin

- From “monarchical” solidarity to the formation
of the image of the “enemy”: Political contacts
between the Russian and Austrian Imperial elites
in 1885–1914 80

THEORY AND HISTORY OF POLITICS

*V.A. Podolskiy*20th century philosophy on social policy
as a means of conflict resolution 100*E.A. Osipov*“Imperial Fascism”
by British politician Arnold Leese 116

CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

*A.A. Orlov*The British “Spectator” at the keyhole of Russian diplomacy
in the second third of the 18th century.Read on: Labutina T.L. British ambassadors in Russia
during the Era of Palace Coups.

St. Petersburg, 2025. 128

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-11-22

УДК 930.1

А.Б. Ананченко

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Социоподобные технологии как проблема нового этапа мировой истории и его понимания

Актуальность исследования проблемы связана с изменением исторического процесса и появлением в нем новых факторов, процессов, явлений, не существовавших раньше в качестве важного, заметного, а иногда и определяющего явления, – социоподобных технологий. Основная цель предлагаемой работы – выделение, анализ и фиксация нового явления современного исторического процесса, определяющего начало перехода от естественно-исторического процесса к сознательно управляемой стратегии развития. Исследование включает анализ проблемы теоретического и эмпирического уровней познания истории; констатация появления новых исторических явлений, фиксируемых только теоретическим уровнем познания; фиксация увеличения доли НИОКР, науки в современных технологиях и экономике до определяющих значений; анализ появления и значения природоподобных и социоподобных технологий для прогрессивного развития общества; необходимость разработки международного кодекса и выработки содержания его принципов для регулирования социальных технологий. В статье используются методы теоретического анализа и моделирования исторических процессов, качественный анализ феномена социоподобных исследований. Статья относится к сфере теоретической

истории, которая наряду с эмпирическими историческими исследованиями, составляет необходимый элемент научного изучения истории.

Ключевые слова: история, история России, социальные технологии, природоподобные технологии, социоподобные технологии, гуманизм, нравственность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ананченко А.Б. Социоподобные технологии как проблема нового этапа мировой истории и его понимания // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 11–22. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-16-3-11-22

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-11-22

A.B. Ananchenko

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Socio-like technologies as a problem of a new stage in world history and its interpretation

The relevance of the study of the problem is related to the changes in the historical process and the emergence of new factors, processes, and phenomena that did not exist before as an important, noticeable, and sometimes defining phenomenon – socio-like technologies. The main purpose of the proposed work is to identify, analyze, and record a new phenomenon of the modern historical process, which captures the beginning of the transition from a natural historical process to a consciously managed development strategy. The research problems under consideration include the analysis of the problem of theoretical and empirical levels of knowledge of history; the establishment of new historical phenomena that are fixed only by the theoretical level of knowledge; the increase in the share of R&D and science in modern technologies and economics to defining levels; the analysis of the emergence and importance of nature-like and socio-like technologies for the progressive development of society; the need to develop an international code and develop its content principles for regulating social

technologies. The article uses methods of theoretical analysis and modeling of historical processes, a qualitative analysis of the phenomenon of socio-like research. The article relates to the field of theoretical history, which, along with empirical historical research, is a necessary element of the scientific study of history.

Key words: history, Russian history, social technologies, humanism, socio-like technologies, nature-like technologies, morality

CITATION: Ananchenko A.B. Socio-like technologies as a problem of a new stage in world history and its interpretation. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 11–22. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-11-22

Существуют современные проблемы исторической науки, конкретно-исторические проблемы и теоретические проблемы науки, но существуют и проблемы самой истории, исторического развития современности. Важно подчеркнуть, что проблемы науки и самого исторического процесса не совпадают и это не одно и то же.

Для современной исторической науки и российского общества важными проблемами являются не только вопросы понимания и моделирования исторического прошлого, но и необходимость научных ответов на вызовы самого исторического процесса. Основная цель предлагаемой работы – это выделение, анализ и фиксация нового явления современного исторического процесса, демонстрирующего начало перехода от естественно-исторического процесса к сознательно управляемой стратегии развития.

Исследование включает следующее: анализ проблемы теоретического и эмпирического уровней познания истории; констатация появления новых исторических явлений, фиксируемых только теоретическим уровнем познания; увеличение доли НИОКР, науки в современных технологиях и экономике до определяющих значений; анализ появления и значения природоподобных и социоподобных технологий для прогрессивного развития общества; обоснование необходимости разработки международного кодекса и выработка содержания его принципов для регулирования социальных технологий.

Необходимость серьезных результатов и прорывов в области понимания исторического процесса, исторического знания и памяти понимается и в российском государстве. Вспомним хотя бы стратегический и действующий документ недавнего времени, когда Распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 3684-р

была утверждена Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.)¹.

Программа включает в себя план фундаментальных и поисковых научных исследований на 2021–2030 гг. В нем есть раздел «6.1.1. Теория, методология и история исторической науки», посвященный теории исторической науки и разработке новых теоретико-методологических подходов понимания прошлого². Интересно, что, по сути, этот план исторических исследований не предполагает ничего в области теории истории как исторического процесса, а только направление изучения в области теории самой исторической науки. Но это совершенно разные объекты исследования. Да и в программе перспективных исследований Российской академии наук в предмет теории истории не входят теоретические проблемы развития социальной формы движения материи, а только некоторые гно-сеологические проблемы понимания прошлого.

Но в новейшую историческую эпоху сохранялись и развивались классические научные методы, методология познания истории. В исторической науке, как и в других фундаментальных науках, изучающих различные формы материи, сферы существующего мира, используются различающиеся методы познания, включая теоретические и эмпирические уровни исследований.

Теоретические проблемы исторического процесса имеют давнюю историографию, в том числе и отечественную. Традиционной проблемой отечественной историографии стал вопрос о предметной области теоретической истории и определении области ее научного знания. Например, известный русский религиозный философ, историк Л.П. Карсавин относил теорию истории именно к философии [7]. Другой известный российский историк, философ и социолог Н.И. Карабев совсем не случайно вводил различие, в том числе и терминологическое, исторического знания (истории) и теории исторического процесса (историологии) [6]. К сожалению, это направление не сложилось в научную отечественную школу исторической науки рассмотрения теоретических вопросов истории.

Очень часто теоретическая история рассматривается сегодня как философская дисциплина и не попадает в качестве обязательной

¹ Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы). URL: https://ds-skazka-nyagan.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/Rasporyazhenie_Prativelsvta_RF_ot_31_dekabrya_2020_g_N_3684_r_Ob_utverzhdenii_Progr.pdf (дата обращения: 15.07.2025).

² План фундаментальных и поисковых научных исследований на 2021–2030 годы // Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы). URL: https://new.ras.ru/upload/iblock/99c/9frkgxa05o_kzm2mp6ovcpg5b2o61p5bc.pdf?ysclid=mepr8lc4k9798364509 (дата обращения: 15.07.2025).

и развернутой дисциплины, как для подготовки будущих историков, так и не всегда рассматривается самими историками как важный и необходимый уровень научного познания исторического процесса. Такой разрыв теоретического и эмпирического уровней познания особенно усилился и был закреплен в советском гуманитарном и историческом познании, которое рассматривало теоретическую историю в форме исторического материализма, как часть марксистской философии [2; 8].

В постсоветское время теоретические проблемы истории по-прежнему привлекают внимание как исследователей, так и издателей [1; 3–5; 9–11; 13]. Но существуют такое рассмотрение и понимание очень часто не как необходимая и важная часть исторической науки, а чаще всего как смежная область познания.

Не буду здесь анализировать эту проблему, она представляет самостоятельный научный интерес и значимость. Отмету только важность ее обсуждения в науке и необходимость организационного и концептуального конституирования в современной исторической науке наряду с эмпирическим уровнем познания теоретического направления.

Важным фактором осмыслиения проблемы теоретического изучения истории, понимания соотношения разных уровней научного познания в гуманитарных и исторических науках, стали новые явления в современном развитии исторических процессов. Стали появляться и фиксироваться новые социальные явления, которые раньше не представляли собой чего-то существенного или специально выделяемого академической наукой в историческом процессе, – социоподобные технологии. Явление существует эмпирически, но для его выделения и понимания необходимы теоретические методы анализа. Для выделения, характеристики и изучения нового часто необходимы методы именно теоретического качественного анализа для того, что выделить это новое явление как отдельную сущность, зафиксировать ее как качественно новое явление.

В XX–XXI вв. в мире стали создаваться имитационные технологии, как в области воспроизведения природных процессов, так и в области воспроизведения, искусственного создания и запуска социальных явлений. Изменение нашего мира, способов его функционирования и развития предполагает и другое содержание знаний новых поколений, их умение видеть, понимать, создавать и контролировать явления, которых раньше не существовало в истории.

Необходимо подчеркнуть, что исторически сложившиеся типы взаимодействия человека и природы, агрессивное и подавляющее использование обществом окружающей среды (человек – «царь природы»),

породили в индустриальную эпоху глобальную проблему сохранения и воспроизводства природы, ее защиты. А осознание этих вызовов, невозможность принципиально изменить ситуацию при сохранении существующего технологического вектора развития человечества привело к появлению в современности такого синтетического научно-производственного и социального явления, как природоподобные технологии.

Президент НИЦ «Курчатовский институт», член-корреспондент РАН Михаил Ковальчук На Петербургском международном экономическом форуме – 2022, специально обратил внимание на принципиально новый масштаб участия науки в создании современных технологий в постиндустриальном мире, ее роль в том, что называется современной экономикой: «Когда развивалось индустриальное общество, 1920–1930-е годы, тяжелая индустрия, металл, чугун лили, машиностроение, тогда доля НИОКР, интеллекта, была не более 5%, все остальное – цена материала и энергии. Далее появились полупроводники – и доля стала 30%. А сегодня, переходя через нанотехнологии к тому, что мы называем природоподобием, доля НИОКР становится 90–95%»³.

Президентом НИЦ «Курчатовский институт» специально подчеркивается как то, насколько важна роль науки в современном обществе, экономике, так и то, что современность, ее технологии и типы производства искусственно создаются на основе нового знания и существуют как научно-техническая революция. Мир становится «тварным», но созданным именно человеком: «Экономика и политика всегда, с самого начала развития цивилизации, определялись технологиями. Уровень современной науки стал таков, что мы вторглись в то, что прежде считалось уделом Бога»⁴.

Сегодня существует несколько различающихся понятий природы. Например, природа, понимаемая как весь мир в целом или как сущность тех или иных явлений нашего мира, не является элементом содержания нового термина – природоподобные технологии. В понятии «природоподобные технологии», появившемся в последние десятилетия, используется понимание природы, господствовавшее большую часть человеческой истории: это противостоящий человеку объективный мир, существующий как «внешнее» по отношению к человеку и обществу.

³ Большие вызовы Десятилетия науки и технологий. 17 июня 2022 года // Петербургский международный экономический форум – 2022. URL: <https://roscongress.org/speakers/kovalchuk-mikhail/quotes/> (дата обращения: 21.07.2025).

⁴ Михаил Ковальчук: «Колонизация заменилась технологическим порабощением» // Аргументы и факты. 14.10.2020. URL: https://aif.ru/society/opinion/mihail_kovalchuk_kolonizaciya_zamenilas_tehnologicheskim_poraboshcheniem (дата обращения: 11.07.2025).

Природоподобные технологии фиксируют осуществившееся превращение науки в фундаментальную, необходимую и определяющую основу жизнедеятельности общества, в том числе и экономики, когда сфера общественного «производства вещей» начинает строиться на основе «производства идей» (наука), научном понимании физических, химических, биологических и информационных процессов, и искусственном их воспроизведении в технологиях человеческой жизнедеятельности. Природоподобные технологии – это искусственное воспроизведение естественных процессов в неживой и живой природе в технологиях человеческой деятельности.

В современной России создается взаимосвязанная научно-техническая структура «мегасайенс», включающая информационные системы, уникальные научные установки и установки класса «мегасайенс» для фундаментальных исследований и технологических разработок на передовом мировом научном уровне. Развитие природоподобных технологий в стране поддерживается федеральными программами. Планируется, что в течение пяти-шести лет в России в этой области будет создана самая совершенная исследовательская инфраструктура в мире⁵.

Природоподобные технологии должны преобразовать современную техносферу и создать условия для объединения человеческой техносферы и биосферы (живой окружающей среды) в новой реальности – экосфере, принципиально изменяющей как способы производства в обществе, так и способы его существования в мире, взаимодействия с миром, решаяющей проблемы защиты окружающей среды не отдельными мероприятиями и проектами, а изменяющими сам способ существования человечества в мире. Применение принципиально новых, природоподобных технологий должно восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой⁶. Новые подходы будут реализованы в России в виде национального проекта, который разрабатывается в российском правительстве.

В России создан комплекс конвергентных НБИКС-природоподобных технологий в НИЦ «Курчатовский институт». К сложившейся в мировой науке традиции аббревиатуры НБИК: нано-, био-, инфо- и когнитивные науки и технологии, в России добавили букву «С», что означает включение социогуманитарного направления исследований в эту

⁵ См.: Ковальчук рассказал о новейших прорывах российской науки // МИЦ «Известия». 26.10.2024. URL: <http://nrcki.ru/product/mic-izvestiya/-50278.shtml> (дата обращения: 11.01.2025).

⁶ См.: Генетический кодекс: на Курчатовском форуме обсудили развитие биоэкономики // МИЦ «Известия». 22.10.2024. См.: URL: <http://nrcki.ru/product/mic-izvestiya/-50242.shtml> (дата обращения: 09.06.2025).

научно-технологическую метасистему. Название НБИКС должно отражать междисциплинарный подход в исследованиях и симбиоз технологий, которые работают на главную цель – создание новой, природоподобной экосферы.

В то же время название НБИКС не только пытается соединить в междисциплинарном подходе естествознание и гуманитарное знание, но и отражает сложившееся в современной науке упрощенное представление о возможности механического объединения естественного и социального под одним названием «природоподобные». Такое представление сформировалось прежде всего в западной науке, и оно отражает их уровень понимания как подобных технологий, так и уровень понимания социального, исторического. Традиционный уровень развития современных социальных наук на западе не включает, как правило, понимание фундаментальных проблем социального и идеального, и исходит из прикладного прагматичного понимания социальности. Такое понимание не включает в себя восхождение и Преобразование человека, а исходит из узко функционального и прагматичного понимания человеческого, когда духовность сводится к мышлению (интеллекту, рациональному), идеальное – к работе органа тела (мозгу), а прогресс – к техническому развитию.

При таком объединении в понимании неживого, живого и социального происходит подмена сущности социального, а сверхсложные процессы его развития сводятся к более простым процессам предшествующего развития мира. Прогрессивное развитие, усложнение систем означает включение их предшествующих этапов развития, стадий и составов в качестве составной (снятой), но не определяющей части нового этапа и качества развития. Социальное не сводится к живому, или природному. Социальная форма движения материи и социальные процессы принципиально отличаются от неживой материи и от первичных форм живого существования материи.

Обеспечить технологический суверенитет страны в наше время невозможно, оставаясь только в границах природоподобных технологий в сфере живой и неживой природы. Для сохранения не только технологического суверенитета, но и исторической субъектности общества сегодня обязательно необходимы разработка и использование социоподобных технологий как способа управления прогрессом и не катастрофического направления развития общества.

Для характеристики исторического места социоподобных технологий важно подчеркнуть принципиальное изменение характера исторического процесса в новейшую историческую эпоху, *переход от естественно-исторического развития к технологиям искусственного управления*.

историческими процессами. Создаются условия для общественного развития на основе ценностей социальной справедливости и сознательного социально-позитивного управления историческим развитием общества. Это обнаруживается и фиксируется не на эмпирическом, а на теоретическом уровне понимания истории, исторических процессов.

Соционподобные технологии – это искусственное сознательное воспроизведение процессов социальной формы движения материи, у которых появляется возможность принципиально нового типа гармоничного взаимодействия с окружающим миром и некатастрофичного саморазвития. Природоподобные технологии – основа для обеспечения технологического суверенитета, соционподобные технологии – необходимый элемент обеспечения исторической субъектности России в современности.

В Российской Федерации понимание нового этапа в развитии человеческого существования и цивилизации отразилось, в частности, в государственной программе 2024 г. «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», где поставлены задачи «перехода к развитию природоподобных технологий, воспроизводящих системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов, интегрированных в природную среду и естественный природный ресурсооборот»; «опережающей разработки принципиально новых научно-технологических решений, в том числе основанных на природоподобных технологиях и обеспечивающих конкурентоспособность и развитие российской экономики в стратегической перспективе»⁷.

Движение общества в сторону экосферы и принципиальное изменение роли науки в жизни общества и его экономическом развитии делают необходимым элементом такой эволюции сознательные этические ограничения, нравственное преображение человека, развитие фундаментальных и прикладных этических исследований.

В 2018 г. мы впервые сформулировали появление на современном этапе истории нового социального феномена и ввели термин для его поименования – соционподобные технологии [12].

Мы вступаем в новую историческую эру – переход от естественно-исторического к искусственно управляемому развитию. Широко известные сейчас «цветные революции» – это один из первых и зримых признаков нового исторического времени, тектонических сдвигов

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358/page/1> (дата обращения: 10.01.2025).

в истории человечества. Это принципиальное изменение как исторического процесса, так и субъектности в истории, возможности ее сохранить и остаться с ней.

В условиях появления современных социальных технологий, использующих скрытые формы воздействия на людей, сообщества, их взаимодействие для достижения не объявляемых людям целей, манипулирования ими и их сообществами, необходимо широкое обсуждение принципов использования таких технологий и нравственных принципов, которые должны ограничивать использование таких социальных технологий.

«Не навреди» – этот всеобщий нравственный принцип, распространяемый не только на сферу медицины, но рассматриваемый как всеобщая гуманистическая ценность, мог бы стать одним из принципов международного этического регулирования создания и использования социальных технологий.

Разработка международного кодекса и выработка содержания его принципов стали бы заметным и важным шагом на пути регулирования новых и опасных социальных технологий. Само принятие такого документа и его обсуждение могли бы задать очень важную международную повестку, содержательно инициированную Россией и формирующую новый тренд международного развития, его ценностей и границ.

Так вышло, что сейчас все, происходящее в обществах, упирается в знания людей об истории, обществе и человеке. Кроме того, люди впервые столкнулись с социальными технологиями, которые бессознательно для людей используют их сознательные идеалы, устремления и действия.

А что из такого понимания взаимодействия в развитых социальных системах следует? Очень простые выводы:

- экономическая сфера общества не является безусловно определяющей на всех исторических этапах развития;
- экономические принципы выгоды или конкуренции не являются всеобщими, остаются временными и действующими в неразвитых социальных организмах или на их неразвитой стадии;
- по мере развития и усложнения социальных организмов (обществ) увеличивается роль (вплоть до определяющей) духовных элементов и систем общества;
- прогресс в развитии социальных систем определяется не только технологиями производства вещей, но и идеальными технологиями, обеспечивающими духовное восхождение человека и общества, более сложные цели, смыслы, ценности и духовные технологии развития людей и общества и его отдельных сфер.

Библиографический список / References

1. Бердинских В.А. Ремесло историка в России. М., 2009. [Berdinskikh V.A. Remeslo istorika v Rossii [The craft of a historian in Russia]. Moscow, 2009.]
2. Бернштейн Э. Исторический материализм. СПб., 1901. [Bernshteyn E. Istoricheskiy materializm [Historical materialism]. St. Petersburg, 1901.]
3. Буллер А. Введение в теорию истории. М., 2020. [Buller A. Vvedenie v teoriyu istorii [Introduction to the theory of history]. Moscow, 2020.]
4. Гросул В.Я. Труды по теории истории. М., 2014. [Grosul V.Ya. Trudy po teorii istorii [Works on the theory of history]. Moscow, 2014.]
5. История и математика: модели и теории / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М., 2008. [Istoriya i matematika: modeli i teorii [History and mathematics: Models and theories]. L.E. Grinin, A.V. Korotaev, S.Yu. Malkov (eds.). Moscow, 2008.]
6. Карапеев Н.И. Историология: теория исторического процесса. М., 2011. [Kareev N.I. Istorilogiya: teoriya istoricheskogo protsessa [Historiology: Theory of the historical process]. Moscow, 2011.]
7. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. [Karsavin L.P. Filosofiya istorii [Philosophy of history]. St. Petersburg, 1993.]
8. Келле В.Ж., Ковальzon М.Я. Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981. [Kelle V.Zh., Kovalzon M.Ya. Teoriya i istoriya: (Problemy teorii istoricheskogo protsessa) [Theory and history: (Problems of the theory of the historical process)]. Moscow, 1981.]
9. Мизес Л. фон. Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции / пер. с англ. М.; Челябинск, 2013. [von Mises L. Teoriya i istoriya: interpretatsiya sotsialno-ekonomicheskoy evolyutsii [Theory and history]. Trans. from English. Moscow, Chelyabinsk, 2013.]
10. Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. Кн. 3. М., 2009. [Polyakov Yu.A. Istoricheskaya nauka: lyudi i problemy [Historical science: People and problems]. Book 3. Moscow, 2009.]
11. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004. [Fukuyama F. Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii [Our posthuman future: Consequences of the biotechnology revolution]. Moscow, 2004]
12. Что надо знать о «цветных революциях»: учебное пособие / под общ. ред. А.Б. Ананченко. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. [Chto nado znat o «tsvetnykh revolyutsiyakh» [What you need to know about “color revolutions”]. A.B. Ananchenko (ed.). Moscow, 2018.]
13. Шпант О. Философия истории. СПб., 2005. [Spann O. Filosofiya istorii [Geschichtsphilosophie]. Transl. from German. St. Petersburg, 2005.]

Статья поступила в редакцию 04.04.2025, принятa к публикации 22.05.2025
The article was received on 04.04.2025, accepted for publication 22.05.2025

Сведения об авторе / About the author

Ананченко Алексей Брониславович – кандидат исторических наук; директор Института истории и политики, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Alexey B. Ananchenko – PhD in History; Director at the Institute of History and Politics, Head of the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: ab.ananchenko@mpgu.su

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-23-36

УДК 94(47).084.6

П.А. Рыбаков

Московский финансово-юридический университет МФЮА,
115191 г. Москва, Российская Федерация

Коллективизация и раскулачивание в Калужском крае в 1930 г. (на материалах Калужского округа Московской области)

Сегодня в российской исторической науке сохраняется повышенный интерес к сложной и драматичной эпохе социалистической модернизации страны в 1920–1930-е гг., одним из направлений которой являлась политика массовой коллективизации сельского хозяйства. Однако несмотря на значительные результаты, достигнутые отечественными исследователями в изучении коллективизации, рассмотрение многих ее аспектов, особенно на региональном уровне, остается недостаточным и фрагментарным. Это касается и Калужского края. В статье на основе сведений опубликованных документов, архивных источников, материалов прессы освещается политика коллективизации и раскулачивания в Калужском округе Московской области на ее начальном этапе. Показываются масштабы коллективизации и раскулачивания в данном регионе, их методы. Особое внимание уделяется рассмотрению протестного движения крестьян в Калужском округе, раскрываются его масштабы и основные формы. Отмечается, что по количеству крестьянских выступлений зимой-весной 1930 г. Калужский округ был в числе «лидирующих» по Московской области. Также освещаются основные мероприятия партийных организаций округа по исправлению

допущенных ошибок и перегибов. В заключение подводятся итоги коллективизации в Калужском крае к концу лета 1930 г.

Ключевые слова: коллективизация в Калужском округе, раскулачивание крестьянства, колхозы, насилие против крестьян, крестьянское сопротивление, исправление перегибов при коллективизации

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рыбаков П.А. Коллективизация и раскулачивание в Калужском крае в 1930 г. (на материалах Калужского округа Московской области) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 23–36. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-23-36

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-23-36

P.A. Rybakov

Moscow University of Finance and Law MFUA,
Moscow, 115191, Russian Federation

Collectivization and dispossession in the Kaluga region in 1930 (a case study of the Kaluga district of the Moscow region)

Today, Russian historical science continues to show a heightened interest in the complex and dramatic era of the country's socialist modernization in the 1920s and 1930s, one of the key aspects of which was the policy of mass collectivization of agriculture. However, despite the significant results achieved by Russian researchers in the study of collectivization, the examination of many of its aspects, especially at the regional level, remains insufficient and fragmentary. This also applies to the Kaluga region. The article, based on information from published documentary collections, archival sources, and press materials, highlights the policy of collectivization and dispossession in the Kaluga District of the Moscow Region at its initial stage. The scale of collectivization and dispossession in this region and their methods are shown. Particular attention is paid to the examination of the protest movement of peasants in the Kaluga district, revealing its scale and main forms. Moreover, in terms of the number of peasant

uprisings in the winter and spring of 1930, the Kaluga District was among the “leaders” in the Moscow Region. The main activities of the district’s party organizations to correct the mistakes and excesses committed are also covered. In conclusion, the results of collectivization in the Kaluga region by the end of the summer of 1930 are summed up.

Key words: collectivization in the Kaluga district, violence against peasants, dispossession of the peasantry, collective farms, peasant resistance, correction of excesses during collectivization

FOR CITATION: Rybakov P.A. Collectivization and dispossession in the Kaluga region in 1930 (a case study of the Kaluga district of the Moscow region). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 23–36. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-23-36

Тема коллективизации, ее причин, этапов, результатов и последствий – одна из самых востребованных в современной историографии. Однако исследований, посвященных коллективизации в Калужском крае, совсем немного. В 1967 г. вышли «Очерки истории Калужской организации КПСС», в которых отдельная глава посвящена деятельности Калужской партийной организации в 1920–1930-е гг., в т.ч. в период коллективизации [1]. Авторы «Очерков», не выходя кардинально за рамки общепринятой концепции коллективизации, указали на сложности, которые возникали в ходе социалистического переустройства деревни, выявили некоторые недостатки колхозного строительства на его начальном этапе, осветили мероприятия партийных организаций края по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Однако в целом вопросы, посвященные коллективизации, носят обзорный и описательный характер, содержат определенные стереотипы и традиционные подходы к поставленным проблемам.

В новейшей российской историографии проблеме коллективизации в Калужском крае посвящена только статья И.Б. Беловой [2]. В ней автор, опираясь на региональные архивные материалы, рассмотрела особенности и масштабы коллективизации в Калужском округе в 1930 г., основные методы ее проведения, упомянула некоторые формы крестьянского протesta. Однако в статье не освещены вопросы, связанные с раскулачиванием крестьянских хозяйств, масштабы противодействия крестьян политике насилиственной коллективизации. Некоторые сведения о ходе коллективизации в Калужском крае содержатся в монографии Е.А. Кирьяновой, посвященной аграрным преобразованиям в Центральном регионе страны на рубеже 1920–1930-х гг. [3].

12 июля 1929 г. вышло постановление Президиума ВЦИК «О составе округов и районов Московской области и ее центрах», которое предусматривало образование на ее территории 10 округов, в числе которых был и Калужский округ. Сам округ включал 9 районов [6, с. 10–11].

На 1 января 1930 г. в Калужском округе было коллективизировано 6% крестьянских хозяйств¹. 5 января 1930 г. Президиум Калужского окрискома принял постановление о завершении сплошной коллективизации трех районов (Бабынинского, Малоярославецкого и Пере-мышльского) к предстоящей весенней посевной кампании 1930 г., а всех остальных районов округа – к весне 1931 г. [2, с. 451]. Однако вскоре эти планы были пересмотрены. 3 февраля 1930 г. Калужский окружком ВКП(б) принял постановление о сплошной коллективизации всего округа к 1 марта 1930 г. [Там же].

После этих решений во всех районах округа началась нездоровая «погоня» за высокими процентами коллективизации. Так, Черепетский райком партии принял решение коллективизировать район уже к 20 февраля. На обсуждение пленума райкома вопрос этот не ставился и совершенно не обсуждался в советских органах. Некоторые партийные ячейки, получив директиву райкома, решили сроки сократить до 17 февраля... Предварительная массовая подготовительная работа, мобилизация батрацко-бедняцких масс вокруг лозунгов коллективизации отсутствовала. Аналогичное положение было в Бабынинском, Детчинском, Угодско-Заводском, Калужском и других районах². Как создавались колхозы, можно представить по следующим примерам. В селе Гордиково Пере-мышльского района колхоз организовался поднятием рук. Желающих было 36 хозяйств, а представитель райисполкома авторитетно заявил: «Раз у вас 36 хозяйств за колхоз, то считайте себя все колхозниками». В селе насчитывалось 150 дворов и больше половины из них не было на собрании³. В деревне Воронино Бабынинского района запись в колхозы производилась путем обхода по дворам. Записывали: кто «за» и кто «против» колхоза. Смысл второй записи был примерно таков: если ты против колхоза, значит ты против мероприятий советской власти. Понятно, что все записывались в первый раздел⁴. В деревне Булгаково Калужского района вопрос об организации колхоза во время голосования был поставлен так: «Кто против колхоза?» Ни одна рука

¹ В погоне за большой цифрой // Рабочая Москва. 1930. № 59 (2273). 12 марта.

² Там же.

³ Козлов А. Извлечь политический урок // Коммуна. 1930. № 77 (3456). 19 марта.

⁴ «Мы все можем», «нам все напочем»! // Там же. № 73 (3452). 15 марта.

не поднялась. После этого докладчик безапелляционно заявил: «Поздравляю вас с колхозом»⁵.

В целях ускорения коллективизации местные работники позабыли о принципе добровольности и широко прибегали к најиму и угрозам. В деревне Новосаковское Калужского района организатор колхоза В. Диков вместо разъяснительной работы запугивал крестьян, заявляя им: «Если вы не пойдете в колхоз, то мы вас загоним туда, куда и кулаков»⁶. Во Фроловском сельсовете того же района бригадир Макеев при организации коллектива заявил крестьянам: «Кто не войдет в колхоз в течение трех дней, того будут выселять»⁷. В Дольском сельсовете Детчинского района бригадиры запугивали женщин, которые не шли в коммуну, говоря им: «Если вы не пойдете в коммуну, то ваших мужей снимут с производства, а вас выселят из деревни»⁸.

Широко использовались и аресты несогласных сельчан. Так, секретарь Малоярославецкого райкома ВКП(б) при посылке членов партии в деревню предлагал им не останавливаться перед арестом «мешающих проводить коллективизацию» [7, с. 323]. По сведениям секретаря Калужского окружкома партии Н.М. Блинова, озвученным им на совещании секретариата МК ВКП(б) 19 февраля 1930 г., в округе было арестовано 912 человек⁹. О том, что незаконные и беспорядочные аресты крестьян на местах получили широкий размах, в т.ч. и в изучаемом регионе, отмечал даже заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода [Там же, с. 105].

Весьма распространенным явлением было лишение избирательных прав. Например, только в Угодско-Заводском районе за 2–3 недели были лишены избирательных прав свыше 300 чел., из них 250 – незаконно [1, с. 219]. Так, в деревне Огубь был лишен избирательных прав портной Снитков, использовавший наемный труд в 1905 г., а после исключительно занимавшийся личным трудом. Жительница деревни Овчинино Иванова была лишена избирательных прав только потому, что ее муж был торговцем. При этом Иванова с мужем не жила с 1917 г. и с этого же времени занималась своим трудом. В деревне Величково был лишен

⁵ Не дадим кулачью развалить колхоз // Коммуна. 1930. № 75 (3454). 17 марта.

⁶ Головотяпство // Там же. № 81 (3460). 23 марта.

⁷ Булычев. Фроловские сельсоветчики – вредители коллективизации // Там же. № 84 (3463). 26 марта.

⁸ Вопреки директивам партии // Там же. № 81 (3460). 23 марта.

⁹ Стенограмма совещания при секретариате Московского комитета ВКП(б) о ходе весенней посевной кампании и коллективизации в Московской области 19 февраля 1930 г. // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы. Ф. 3 (Московский комитет ВКП(б)). Оп. 12. Д. 136. Л. 51.

избирательных прав как барышник Михаил Коноплев. Впоследствии выяснилось, что с десятилетнего возраста до 1929 г. он был пастухом и только в 1929 г. один раз перепродал пару лошадей¹⁰.

Недопустимые перегибы происходили при обобществлении скота и имущества. В Перемышльском районе обобществлялось все, вплоть до кур. В отдельных селах обобществление дошло до вопиющих безобразий. Так, в деревне Торчево особо ретивые работники в первый день решили обобществить лошадей, на другой день – коров, на третий – мелкий скот и на четвертый – птицу. В результате этого в районе наблюдался массовый убой мелкого скота и птицы. В селе Нижние Подгоричи только в одну ночь перерезали 200 штук племенных гусей¹¹. В деревне Городня Калужского района в одном из колхозов при обобществлении производили обыски, обобществляли все, вплоть до ложек¹².

Серьезные нарушения фиксировались и при сборе семенного фонда. В Березовском сельсовете Черепетского района бригадой была создана чрезвычайная комиссия по сбору семифонда, которая делала обыски и запугивала тем, что за его несдачу будут брать штраф в пятикратном размере¹³. Фроловский сельсовет Калужского района при сборе семенного фонда требовал от бедняков его полной ссыпки под страхом описи имущества¹⁴.

Насилие и принуждение во многом способствовали стремительному росту колLECTIVизации в Калужском округе. Уже к 20 февраля 1930 г. 4 района округа (Перемышльский, Малоярославецкий, Бабынинский, Ферзиковский) вплотную подошли к окончанию колLECTIVизации, имея более 95% колLECTIVизированных хозяйств. Еще в трех районах (Калужский, Детчинский, Боровский) уровень колLECTIVизации составлял более 80%¹⁵. Выступая в феврале 1930 г. на совещании окружных и районных секретарей руководитель Калужского округа Н.М. Блинов отмечал: «Мы подтянулись за время, прошедшее после январского пленума МК, как следует: 80 процентов колLECTIVизированных хозяйств в середине февраля» [4, с. 195]. По уровню колLECTIVизации Калужский

¹⁰ Мало признать свои ошибки, надо смело по-большевистски исправить их // Коммуна. 1930. № 113 (3492). 24 апреля.

¹¹ Козлов А. Извлечь политический урок // Там же. № 77 (3456). 19 марта.

¹² Скворцов. Закрепим успехи колLECTIVизации. Бороться с оппортунизмом на практике и делячеством // Там же. № 83 (3462). 25 марта.

¹³ Белов. Перегибы, ошибки, недочеты // Там же. № 78 (3457). 20 марта.

¹⁴ Булычев. Фроловские сельсоветчики – вредители колLECTIVизации // Там же. № 84 (3463). 26 марта.

¹⁵ Кто и какими темпами движется к округу-колхозу // Там же. № 52 (3431). 22 февраля.

округ к 1 марта вышел на третье место в области [7, с. 325], а сама Московская область поднялась на шестое место в РСФСР (72,8%), опережая даже ряд зерновых регионов, где предусматривалась коллективизация в первую очередь [Там же, с. 289].

Одновременно с коллективизацией на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. [Там же, с. 126–130] осуществлялась политика раскулачивания. Постановление предусматривало деление кулаков на три категории, которые подлежали либо ликвидации путем заключения в концлагеря или расстрелу (первая категория), либо высылке в отдаленные местности СССР и отдаленные пределы края (вторая категория), либо расселению в пределах района на новых участках (третья категория) [Там же, с. 126–127]. Постановление определяло также порядок конфискации у кулаков имущества и характер его дальнейшего использования [Там же, с. 126, 128–129].

В Калужском округе репрессивные мероприятия в отношении кулацких хозяйств развернулись еще до принятия этого постановления. Уже на начало февраля 1930 г. в Калужском округе было раскулачено 247 хозяйств. В Бабынинском районе было раскулачено 60 хозяйств, в Детчинском – 10, Калужском – 21, Малоярославецком – 27, Перемышльском – 70, Ферзиковском – 24 и Угодско-Заводском – 35¹⁶.

При проведении данной политики нередко под раскулачивание попадали не только хозяйства зажиточных крестьян, но и хозяйства середняков, сельской интеллигенции и т.д. Такие случаи фиксировались и в Калужском округе. Так, в деревне Дубровка Детчинского района было раскулачено хозяйство Майоровой – середнячки, у которой сын служил в Красной армии. Поводом для раскулачивания послужило то, что Майорова до революции торговала нитками, иголками и т.д. В селе Пересоловики Черепетского района подверглась раскулачиванию учительница, имевшая 25-тилетний стаж. В селе Черепети того же района была раскулачена семья Троицкого как служителя культа. Впоследствии выяснилось, что Троицкий умер в первые годы революции, а его сын работал агрономом¹⁷.

Сама же политика раскулачивания сплошь и рядом носила мародерско-грабительский характер, когда у раскулаченных производилась конфискация порой всего имущества, вплоть до домашних мелочей.

¹⁶ Говорят цифры. Раскулачивание // Коммуна. 1930. № 33 (3412). 3 февраля.

¹⁷ Бор. Как нарушались директивы партии о раскулачивании // Там же. № 113 (3492). 24 апреля.

Так, в Угодско-Заводском районе при конфискации имущества прихватывали имущество и личного пользования: постельное белье, горшки, чугуны, платье и т.д.¹⁸ В Калужском районе был ряд случаев раскулачивания лишенцев, у которых фактически ничего в хозяйстве уже не было. В изъятие входили даже такие вещи, как деревянные ложки¹⁹.

Нередко значительная часть имущества раскулаченных крестьян растаскивалась и расхищалась местными работниками. Так, в Угодско-Заводском районе имущество личного пользования, изъятое у кулаков бригадами, производящими раскулачивание, описывалось, вкладывалось в сундуки, опечатывалось и направлялось на хранение в склад угодско-заводского потребительского общества. В течение нескольких дней на складе появились горы таких сундуков, вопрос о распределении которых должны были решить вышестоящие районные организации. Ответственность за хранение складываемого имущества была возложена на председателя угодско-заводского потребобщества Акимова. Ему же были переданы ключи от склада. Акимов, воспользовавшись доверием, вместе со своим заместителем Хохловым, их женами и еще тремя рабочими решили поживиться. В течение двух дней содержимое сундуков растаскивалось преступной пятеркой. Отбиралось лучшее и передавалось женам, кумовьям и родственникам²⁰.

Разгул насилия и беззакония, захлестнувший деревню, вызвал резкое нарастание антиколхозных настроений со стороны крестьян. Так, одним из проявлений таких настроений стало широкое распространение всевозможных слухов. Слухи были одной из наиболее распространенных форм пассивного сопротивления крестьян колхозному строительству. Широкое хождение они получили и в Калужском округе. Так, в Детчинском районе кулаки распускали слухи о том, что «колхозникам будут ставить печать на лбу и животе», «спать колхозники будут вместе – мужчины и женщины на общих нарах под одним 70-ти метровым одеялом», «загонят в коммуну, все обобщат, а потом выгонят – иди куда хочешь»²¹. В деревне Темешево Бабынинского района циркулировали слухи о том, что «в колхозе заставляют бедняков и середняков собак водить, драть их и мясом их кормиться»²². В деревнях Спас, Угра

¹⁸ Крымский Г. К сурою ответственности вредителей революционных мероприятий // Коммуна. 1930. № 37 (3416). 7 февраля.

¹⁹ Белов. Перегибы, ошибки, недочеты // Там же. № 78 (3457). 20 марта.

²⁰ Крымский Г. К сурою ответственности вредителей революционных мероприятий // Там же. № 37 (3416). 7 февраля.

²¹ Кулакские агитпропы (Информсводка Как прошла отчетная кампания в округах Московской области) // Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2157 (Мособлисполком). Оп. 1. Д. 655. Л. 14.

²² Карапес И. Бабынино сегодня // Коммуна. 1930. № 27 (3406). 28 января.

и Городок Калужского района среди колхозников кулаками распространялись такие слухи: «Отберут скоро у вас скотину, будут осматривать сундуки и излишки отбирать для бедноты»²³.

Широкое распространение в Калужском округе Московской области получили и радикальные формы протеста. Причем Московская область относилась к тем регионам страны, где антиколхозное движение приобрело особенную остроту, вплоть до вооруженных столкновений и погромов [7, с. 324]. Только в январе–марте 1930 г. в Московской области произошло 230 массовых выступлений на почве насилиственной коллективизации [Там же, с. 326]. В самом Калужском округе за этот период произошло 25 массовых выступлений против коллективизации, в которых приняло участие более 1800 чел. [Там же]. По количеству массовых выступлений Калужский округ «уступал» только Рязанскому и Бежецкому округам области [Там же]. За тот же период в округе было совершено 9 терактов [7, с. 327]. За период с 1 января по 17 февраля 1930 г. в Калужском округе было также зарегистрировано 4 случая распространения антисоветских листовок [5, с. 692].

К середине весны 1930 г. положение в деревне настолько обострилось, что руководство страны вынуждено было принять экстренные меры по успокоению и стабилизации ситуации. Так, 2 марта 1930 г. вышла статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов»²⁴, а 14 марта – постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» [7, с. 303–305]. В них назывались главные ошибки в колхозном движении: организация «бумажных» колхозов, нарушение принципа добровольности, нежелание учитывать разнообразные условия в различных районах страны, перескакивание через артель к коммуне, принудительное обобществление жилых построек, скота и др. ЦК ВКП(б) обязал местные парторганизации прекратить насилие и устранить допущенные ошибки.

С появлением статьи Сталина и обнародованием постановления ЦК насилиственно созданные колхозы стали стремительно разваливаться. Только за первую половину марта 1930 г. процент коллективизированных хозяйств в Калужском округе упал с 82 до 15,6%, а сам округ по уровню коллективизации откатился на последнее место в области [Там же, с. 325].

В апреле 1930 г. ЦК ВКП(б), заслушав отчет о работе Калужского окружкома партии, резко осудил ошибки окружкома в деле коллективизации сельского хозяйства. Вот что говорилось в постановлении ЦК:

²³ Клевета и сплетня – орудие кулака // Коммуна. 1930. № 73 (3452). 15 марта.

²⁴ Stalin I.V. Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Stalin I.V. Сочинения. Т. 12. Апрель 1929 – июнь 1930. М., 1949. С. 191–199.

«Калужский окружком не учел отсталости сельского хозяйства округа и совершил политическую ошибку, поставив перед партийными организациями задачу добиться 100-процентной колLECTIVизации округа к 1 марта 1930 года. В ходе колLECTIVизации имелись элементы администрации и командования, отсутствовало внимание к закреплению колхозов, распространялась установка на обобществление мелкого скота и птицы» [1, с. 219–220].

Подобные постановления принимались и районными комитетами партии Калужского округа. Так, в резолюции пленума Черепетского райкома ВКП(б) говорилось: «В процессе хода колLECTIVизации были допущены грубые головотяпские искривления линии партии: нарушался принцип добровольности в колхозном строительстве, наблюдались случаи администрации и запугивания, обобществления всего молочного и мелкого скота, случаи неправильного раскулачивания и лишения избирательных прав середняков, недопустимое администрирование при закрытии церквей без достаточной подготовительной работы среди масс и т.д. Все эти перегибы и погоня за дутыми процентами колLECTIVизации, при слабой работе с батрацко-бедняцкими массами и особенно среди женщин и сезонников, дали... огромный отлив из колхозов»²⁵.

Основные ошибки при проведении колLECTIVизации и раскулачивания были озвучены и в статье руководителя Калужского окружкома партии Н.М. Блинова, опубликованной в газете «Коммуна» в конце мая 1930 г. В этой статье он писал: «Наряду с достижениями у нас имелись недостатки и крупные политические ошибки, искривляющие линию партии. Первая политическая ошибка, которую допустил окружной комитет партии, выражается в том, что на январском пленуме был подменен важнейший и совершенно правильный лозунг партии о ликвидации кулачества как класса на базе сплошной колLECTIVизации – лозунгом: “ликвидация кулачества и новой буржуазии в целом, как класса”. Это привело на практике к грубейшему искривлению линии партии. Вторая крупная политическая ошибка была допущена в деле колLECTIVизации сельского хозяйства. Окружной комитет, не учтя крайнюю отсталость сельского хозяйства округа и его потребительский характер, как это указано в решениях ЦК ВКП(б), не учтя слабо поставленной массовой политической работы с батрацкими, бедняцкими и середняцкими массами, с отходниками и женщинами, стал ориентировать организацию на 100% колLECTIVизацию округа весной этого года, вопреки

²⁵ Против отстающих и против забегающих вперед. Из резолюции расширенного пленума Черепетского районного комитета ВКП(б) // Коммуна. 1930. № 108 (3487). 19 апреля.

решениям ЦК ВКП(б) от 6 января 1930 г. Эти политические ошибки, погоня за вздутыми цифрами коллективизации, привели на практике к антисередняцким перегибам, к извращениям линии партии, подмене принципа добровольности коллективизации – администрированием, насилием по отношению к середнякам и даже беднякам... Эти антисередняцкие перегибы и слабость массовой политической работы среди батрацко-бедняцких и середняцких масс в округе привели к... массовому выходу из колхозов»²⁶.

Несмотря на признание ошибок, многие местные работники были привлечены к административной и судебной ответственности. Так, только по 4 районам Калужского округа на 13 апреля за незаконное лишение избирательных прав и неправильное раскулачивание было привлечено к ответственности 47 работников [2, с. 455].

В то же время некоторые местные работники и организации выражали недовольство и гнев за то, что вся вина за допущенные ошибки была возложена только на них. Так, Утешевская ячейка комсомола Бабынинского райкома партии вообще отказалась признавать свои ошибки в деле коллективизации: «Мы не виноваты, не виноват и райком, потому что мы ваши исполнители, а виноват в этих ошибках окружком, областком, да и вообще линия партии, в частности линия ЦК ВКП(б) неверна. Никаких ошибок мы исправлять не будем, потому что мы их не делали и у нас их нет»²⁷. В деревне Сашкино Ферзиковского района секретарь ячейки ВКП(б) Греков 1 мая в своем приветствии сказал: «Вся партия делала ошибки при коллективизации и нельзя критиковать низовые звенья, потому что они не виноваты»²⁸.

После выхода постановления ЦК от 14 марта по всем районам округа развернулась деятельность различных комиссий по исправлению допущенных ошибок. Прежде всего проверялись жалобы на неправильное раскулачивание. Так, в Калужском районе из намеченных сельсоветами к раскулачиванию 71 хозяйства райисполком отменил раскулачивание в отношении 13 хозяйств. Из оставшихся 58 хозяйств окружная комиссия отменила раскулачивание в отношении еще 37 хозяйств²⁹.

²⁶ Под руководством ленинского ЦК ВКП(б) и МК будем по-большевистски бороться за генеральную линию партии (Статья секретаря окружного комитета ВКП(б) товарища Блинова) // Коммуна. 1930. № 142 (3521). 25 мая.

²⁷ Кузнецов М., Марков С. Бабынинский райком комсомола не хочет признавать и исправлять свои ошибки // Там же. № 118 (3497). 29 апреля.

²⁸ Недопустимое затишье. В Ферзиковском районе ошибки исправляются очень пассивно // Там же. № 129 (3508). 12 мая.

²⁹ Решительно исправлять перегибы. Окружная комиссия отменила неправильные решения районных исполнительных комитетов по раскулачиванию // Там же. № 142 (3521). 25 мая.

В Перемышльском районе по спискам сельсоветов и общих собраний предполагалось раскулачить 245 хозяйств. Из них райисполком утвердил раскулачивание 111 хозяйств. Но жалобы на неправильное раскулачивание в райисполком продолжали поступать, и уже на основании этих жалоб при вторичном рассмотрении райисполком отменил раскулачивание еще 68 хозяйств. Из оставшихся 43 хозяйств по этому району окружная комиссия утвердила раскулачивание только 15 хозяйств³⁰. В целом же количество неправильно раскулаченных крестьянских хозяйств в Калужском округе была весьма значительным. Из 1082 раскулаченных хозяйств райисполкомы отменили раскулачивание 875 хозяйств. Из оставшегося количества окружная комиссия утвердила раскулачивание 91 хозяйства³¹.

Также рассматривались жалобы на неправомерное лишение избирательных прав. Так, только по трем районам Калужского округа (Ферзиковский, Бабынинский, Боровский) окружная комиссия из 790 жалоб на неправильное лишение избирательных прав удовлетворила 320³².

Несмотря на исправление некоторых ошибок и перегибов, уровень коллективизации в Калужском округе продолжал снижаться. На 1 июня 1930 г. он составлял всего 4,6%³³. Причем этот уровень сохранялся без изменений вплоть до 10 августа 1930 г.³⁴ В самой Московской области уровень коллективизации к 1 августу 1930 г. составлял всего 7% [7, с. 572].

Таким образом, начальный этап коллективизации был одним из самых трагичных в истории колхозного строительства в изучаемом регионе. Выполняя директивы и планы вышестоящих органов по вовлечению крестьян в колхозы, уполномоченные, бригадники и низовые советские работники повсеместно нарушали принцип добровольности и широко прибегали к административному најму, угрозам и репрессиям. Это вызвало широкую волну сопротивления крестьян, за которой последовал массовый распад колхозов. В результате этого процент коллективизации

³⁰ Решительно исправлять перегибы. Окружная комиссия отменила неправильные решения районных исполнительных комитетов по раскулачиванию // Коммуна. 1930. № 142 (3521). 25 мая.

³¹ Сведения о раскулаченных хозяйствах по округам Московской области (по данным на 5 августа 1930 г.) // Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2157 (Мособлсполком). Оп. 5. Д. 493. Л. 100.

³² Мало признать свои ошибки, надо смело по-большевистски исправить их // Коммуна. 1930. № 113 (3492). 24 апреля.

³³ Докладная записка о недочетах колхозного строительства по Московской области (по материалам на 25 августа 1930 г.) // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы. Ф. 3 (Московский комитет ВКП(б)). Оп. 11. Д. 901. Л. 59.

³⁴ Там же.

в Калужском округе к лету 1930 г. снизился до уровня января 1930 г. Однако массовые протесты и развал колхозов не повлияли на планы сталинского руководства завершить коллективизацию сельского хозяйства.

Библиографический список / References

1. Белов В.Д. Калужская партийная организация в период построения и упрочения социализма в СССР (1926 год – июнь 1941 года) // Очерки истории Калужской организации КПСС. Калуга, 1967. С. 191–248. [Belov V.D. The Kaluga party organization during the period of building and strengthening socialism in the USSR (1926 – June 1941). *Ocherki istorii Kaluzhskoj organizacii KPSS*. Kaluga, 1967. Pp. 191–248. (In Rus.)]
2. Белова И.Б. Особенности коллективизации сельского хозяйства в районах бывшей Калужской губернии в 1930 г. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 450–457. [Belova I.B. Features of collectivization of agriculture in the regions of the former Kaluga province in 1930. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2012 god: Tipologiya i osobennosti regionalnogo agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoy Evropy X–XXI vv.* Moscow; Bryansk, 2012. Pp. 450–457. (In Rus.)]
3. Кирьянова Е.А. Коллективизация деревни Центра России (1929–1932 годы). Рязань, 2006. [Kiryanova E.A. Kollektivizaciya derevni Centra Rossii (1929–1932 gody) [Collectivization of the village of the Center of Russia (1929–1932)]. Ryazan, 2006.]
4. Козлова Л.А. К победе колхозного строя. Борьба Московской партийной организации за подготовку и проведение коллективизации. М., 1971. [Kozlova L.A. K pobede kolhoznogo stroya. Borba Moskovskoj partijnoj organizacii za podgotovku i provedenie kollektivizacii [To the victory of the collective farm system. The struggle of the Moscow Party organization for the preparation and conduct of collectivization]. Moscow, 1971.]
5. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1932–1934 гг.): Сборник документов. Т. 8: 1930. Ч. 1. М., 2008. [«Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalini o polozhenii v strane (1932–1934 gg.) [“Top Secret”: Lubyanka – to Stalin about the situation in the country (1932–1934)]. Collection of documents. Vol. 8: 1930. Part 1. Moscow, 2008.]
6. Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг. М., 2011. [Spravochnik po administrativno-territorialnomu deleniyu Moskovskoj oblasti 1929–2004 gg. [Handbook of administrative-territorial division of the Moscow region 1929–2004]. Moscow, 2011.]
7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. [Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. 1927–1939: dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939: Documents and materials]. In 5 vols. Vol. 2. November 1929 – December 1930. Moscow, 2000.]

Статья поступила в редакцию 03.07.2025, принятa к публикации 10.08.2025
The article was received on 03.07.2025, accepted for publication 10.08.2025

Об авторе / About the author

Рыбаков Павел Александрович – кандидат исторических наук; преподаватель колледжа, Московский финансово-юридический университет МФЮА

Pavel A. Rybakov – PhD in History; history lecturer at the College, Moscow University of Finance and Law MFUA, Russian Federation

E-mail: rybakov_ok@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-37-45

УДК 94(3)

С.В. Гусарова

Одинцовская общеобразовательная школа «Надежда»,
143005 г. Одинцово, Московская обл., Российской Федерации

Избрание Николая Мистика (901–907; 912–925) Константинопольским патриархом

Статья посвящена исследованию процесса и причин избрания в Восточной Римской империи патриархом Николая I Мистика (901–907; 912–925). Автор рассматривает различные церковные и политические силы, которые влияли на возведение в сан константинопольского архиерея и приходит к выводу, что кандидатура Николая Мистика являлась компромиссной. Поддерживая его, клирики надеялись обрести предстоятеля Церкви, способного соблюдать баланс интересов ортодоксального монашества и столичной знати. Император Лев VI, в свою очередь, рассчитывал обрести на патриаршем престоле лояльную к нему фигуру.

Ключевые слова: Николай Мистик, патриаршество, Византия, византийский император Лев VI

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гусарова С.В. Избрание Николая Мистика (901–907; 912–925) Константинопольским патриархом // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 37–45. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-37-45

S.V. Gusarova

Odintsovo Secondary School “Nadezhda”,
Odintsovo, Moscow region, 143005, Russian Federation

Election of Nicholas Mystikos (901–907; 912–925) as Patriarch of Constantinople

The article is devoted to the study of the process and reasons for the election of Nicholas I Mystikos (901–907; 912–925) as Patriarch of the Eastern Roman Empire. The author examines various ecclesiastical and political forces that influenced the elevation to the rank of bishop of Constantinople, and comes to the conclusion that the candidacy of Nicholas Mystik was a compromise. By supporting him, the clergy hoped to find a primate of the Church capable of balancing the interests of Orthodox monasticism and the nobility. Emperor Leo VI, in turn, hoped to find a loyal figure on the patriarchal throne.

Key words: Nicholas Mystikos, Nicholas I Mysticus, the Patriarchate, Byzantium, Byzantine Emperor Leo VI

FOR CITATION: Gusarova S.V. Election of Nicholas Mystikos (901–907; 912–925) as Patriarch of Constantinople. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 37–45. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-37-45

Николай I Мистик (901–907; 912–925) был одним из наиболее выдающихся лиц на константинопольской кафедре за всю ее историю, поскольку желал охватить широкий круг важных для общества задач. Его деятельность стремилась быть независимой от светской власти. Государственный и церковный курс Николая Мистика отмечен такими важными процессами, как отстаивание чистоты брачных канонов Церкви, миротворческой политикой в период болгаро-византийских войн (913–927 гг.), организацией христианской миссии в Аланию, а затем и руководство этой миссией, дипломатической перепиской с халифом Аль-Муктадиром (908–932). В рамках данной статьи перед нами стоит

задача рассмотрения административных и внутрицерковных процессов, благодаря которым Николай Мистик взошел на патриарший престол.

Историки, так или иначе касавшиеся в своих работах биографии Николая Мистика, не рассматривали подробно вопросы, посвященные процессу его избрания на патриарший престол.

В 901 г. византийская кафедра освободилась из-за смерти патриарха Антония II Кавлея (893–901). Перед клиром и императором встала задача избрания нового патриарха.

Патриаршество является одним из важнейших институтов административно-законодательного уклада Церкви. Его правовое основание содержится в 34-м Апостольском правиле: «Епископам всякого народа подобает знать Первого из них и признать его как главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения» [6]. Кроме того, 9-е правило Антиохийского собора указывает на то, чтобы «прочие епископы не делали без него (патриарха. – С.Г.) ничего, превышающего их власть» [5]. Таким образом, патриарх обладал существенным административным властным преимуществом по отношению к другим архиереям. Эпанагога подчеркивает, что «как императору принадлежит (право. – С.Г.) толкование законов, так патриарху принадлежит толкование правил Святых Отцов и постановлений святых Соборов» [7]. Образ патриарха выступает в виде отца народа и как проекция Творца всего сущего. Из него следует, что он – «образ Бога на земле, который поставлен для покровительства христианам всей вселенной, защитником и попечителем душ, оттого его необходимо почитать и любить, повиноваться ему и слушаться его, относиться как к отцу» [Там же].

Согласно преамбуле к 6-й новелле Юстиниана Великого (527–565), церковный глава независим от светской власти в исполнении пастырского служения, он заботится о благочестии и всеобщем спасении, его дело «благоукрашает земную жизнь» [1]. Константинопольский архиерей фактически являлся второй по значимости и влиянию фигурой в государстве после императора.

В историографии исследователи касались вопросов порядка избрания патриархов в Восточной Римской империи в рамках изучения канонического и светского права. Среди таких работ можно выделить труды И.П. Медведева [3],protoиерея В. Цыпина [9], иеромонаха И. Гумерова¹. Эти историки рассматривали генезис христианских установлений и практики возведения в сан предстоятеля Церкви. Другое направление

¹ Иеромонах Иов (Гумеров). Избрание патриарха: византийский опыт. Православие.ru: религиозный портал. URL: <https://pravoslavie.ru/29031.html> (дата обращения: 13.04.2025).

изучения указанного вопроса связано с изучением истории Церкви в Византии, чему посвящены монографии А.П. Лебедева [2] и Г.А. Острогорского [4]. В фокус исследования данных историков попадали вопросы не только церковного устроения, но также и внутриклерикальные процессы, а также проблемы влияния светской власти на Церковь.

Избрание Константинопольского патриарха в Византии было значимым и многогранным явлением общественной и церковной жизни. Согласно сложившейся церковной практике, патриарха избирают архиереи на специальном Соборе [Там же].

На Константинопольских соборах, созывавшихся для избрания предстоятеля Церкви, присутствовало, по мнению историков, около двенадцати епископов, что было связано с существующим количеством диоцезов [Там же]. Процедуру избрания предваряло выдвижение кандидатов на высочайший сан, в котором участвовали прежде всего митрополиты и император².

Василевс в Восточной Римской империи традиционно играл значительную роль в процессе выбора патриарха. Исторически такое влияние обуславливалось тем фактом, что инициатором всех семи Вселенских соборов выступали императоры [9]. При этом у правителя не было права отдавать свой голос за какого-либо претендента непосредственно в процессе выборов. Впоследствии византийский император приобретет даже особый титул епистимонарха – «регулятора Церкви», общая функция которого сводится к поддержанию благоденствия Церкви и защиты ее от внешней и идеологической опасности [8]. Константин Багрянородный (913–945) в сочинении «О церемониях византийского двора» касается вопроса процедуры выбора предстоятеля Константинопольской кафедры: «Василевс или соглашается с избранием собора и останавливается своим выбором на кандидате, которого ему самому угодно избрать, или не соглашается, когда в числе кандидатов нет угодного ему лица, и говорит прибывшим к нему от собора депутатам: “Я желаю, чтобы был такой-то”»³. Участие главы государства в церковном процессе избрания патриарха периодически могло являться основной причиной возведения в высочайший сан определенного лица, отчего могли происходить разделения во внутриклерикальной среде.

Истоки партийного разделения внутри византийской Церкви уходит своими корнями в середину VIII в., когда после VII Вселенского

² Иеромонах Иов (Гумеров). Избрание патриарха: византийский опыт. Православие.ru: религиозный портал. URL: <https://pravoslavie.ru/29031.html> (дата обращения: 13.04.2025).

³ Emperor Constantine Porphyrogenitus. De ceremoniis aulae byzantinae // Academia: научная социальная сеть. URL: <https://www.academia.edu/26379608/> (дата обращения: 23.09.2022).

собора клир разделился на партию зилотов (греч. ζηλωτής «ревнитель») и партию умеренных (политиков) (греч. πολιτικοί «политик»). Зилотами были представители аскетического направления, возглавляемые преимущественно монахами Студийского монастыря. Они выступали за строгую жизнь и неотступность от идеалов раннего христианства, как для мирян, так и для правящей элиты. Они были приверженцами взглядов о главенстве христианских догматов над светскими законами и выступали против того, чтобы император вмешивался в церковные дела. Партия умеренных в своем курсе делала акцент на идею симфонии властей и синергию. Вопреки желанию зилотов, на патриаршем престоле периодически оказывались фигуры, более лояльные к духовному облику мирян и императора. Среди таких лиц, относящихся к партии умеренных, можно назвать патриархов Тарасия (784–806), Никифора (806–815), Мефодия (843–847) и Фотия (858–867; 877–886). Большинство из них перед вступлением на Константинопольскую кафедру были государственными сановниками, которых впоследствии правитель выдвинул в качестве кандидата в патриархи. В своей церковной политике эти патриархи старались найти возможность эффективного взаимодействия с императором «во имя благоденствия Церкви и государства» [2].

Византийские императоры во многом воспринимали Церковь как бюрократический аппарат и им необходимо было иметь на патриаршем престоле послушную фигуру, чтобы совместно решать внутриполитические задачи. В интересы светской власти входило видеть на Константинопольской кафедре таких архиереев, которые не стремились к усилению патриаршей власти. Когда курс того или иного патриарха сильно расходился с ожиданиями императора, между светской властью и духовной могли возникнуть серьезные разногласия, которые в итоге перетекали в партийное противоборство клира. Наиболее крупным противостоянием был конфликт второй половины IX в., вызванный тем, что императоры, вмешивающиеся в дела Церкви, смешали патриархов. Кесарь Варда (856–866), а затем император Лев VI (866–912) обвиняли в государственной измене, а затем ставили на патриаршую кафедру подходящие для них фигуры. Это породило противостояние зилотов, поддерживающих смешенных патриархов, и умеренных – сторонников вновь избранных. Лев VI сместил патриарха Фотия для того, чтобы отдать константинопольскую кафедру своему брату Стефану (867–893). После смерти последнего император инициировал избрание патриархом Антония Кавлея, который ранее поддерживал его курс по устранению патриарха Фотия. Привыкнув иметь во дворце лояльного к себе предстоятеля константинопольской кафедры, Лев VI не думал отступать от сложившейся практики определения выбора патриарха, что,

в конечном итоге, соответствовало цезарепапистскому курсу в отношении Церкви.

К тому моменту, когда в начале X в. в Византии в очередной раз встал вопрос об избрании нового патриарха, Николай Мистик являлся личным придворным секретарем (должность называлась «мистик») императора Льва VI (886–912) около пятнадцати лет и за долгое время пребывания во дворце был хорошо знаком с государственными законами и порядками придворной жизни.

Необходимо отметить, что Лев VI и Николай Мистик знали друг друга с детства, поскольку оба прошли обучение в Магаврской школе, которая находилась под управлением патриарха Фотия – родственника Николая. Поэтому, предлагая собору епископов в 901 г. кандидатуру Николая Мистика в качестве претендента на столичную кафедру, Лев VI рассчитывал поставить во главе Церкви лояльную государственной власти фигуру.

Таким образом, через инициативу императора партия умеренных получила на выборах константинопольского предстоятеля своего кандидата в лице Николая Мистика.

У Николая Мистика присутствовали взгляды о значимости личного долга, о разделении социальных ролей светской и духовной власти, о чем, в частности, можно судить по строкам письма к архиепископу Болгарии: «В настоящей жизни различные служения отведены разным людям – императорам, правителям городов, начальникам, каждый из которых, в зависимости от полученного чина (если он мудрый), печется о том, чтобы исполнить свое дело без нареканий. Но мы те, кому предназначено служить в Святая Святых...»⁴.

Аскетический блок мог принять его по причине того, что, в отличие от ряда других патриархов, вышедших из мирской среды, он на момент несения государственной службы уже был монахом, а, значит, взял на себя строгие обеты и вел духовный образ жизни. Хроника сообщает о том, что под воздействием внешних обстоятельств Николай Мистик в 886 г. принял постриг в монастыре святого Трифона⁵.

Николай Мистик оставил после себя большой корпус эпистолярных источников, благодаря которым мы можем судить о его этических взглядах на патриаршее служение. Патриарх осознавал высокую нравственную миссию своего сана, в письмах многократно называл себя «отцом» и выражал обеспокоенность относительно духовного облика

⁴ Patmos 178. X/XI cent., vellum, 281 leaves I. Sakkelion, Πατμιακή Βιβλιοθήκη. Athens, 1890.

⁵ Две византийские хроники X века: Псамафийская хроника. Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники / предисл. и comment. Р.А. Наследовой. М., 1959.

того или иного «сына» – адресата⁶. Так, например, он просил одного из грешников измениться: «Об этом я умоляю, к этому призываю тебя, как отец своего сына, как служитель (хоть и недостойный) Божественной Славы»⁷. Константинопольский архиерей также выступал за необходимость осуждения императора, если тот грубо нарушает церковные каноны и тем самым подает пагубный пример пастве: «Император, говорят они, есть “неписаный закон” не для того, чтобы он мог нарушать законы и делать все, что ему вздумается, но для того, чтобы сам был как писаный закон. Если император – враг и противник законов, кто будет бояться этих законов?»⁸. В представлении константинопольского архиерея истинными властными полномочиями обладают только те лица, которые исполняют свой социальный долг согласно божественному замыслу: «Бог дает правление, будь то императорское или иное, не для того, чтобы правитель, прославленный Богом выше своих собратьев, мог обесчестить себя и Того, Кто прославил его... но для того, чтобы он мог своей добродетелью быть достойным Божественного суда»⁹. Он также писал: «Патриарх поставлен быть посредником к Господу на земле от имени народа, (страшный и невыразимый дар и милость!), постоянно печься о том, как это сделать. И осуждая грехи, совершенные людьми против Бога, должен быть в первую очередь готовым искупать их прегрешения»¹⁰.

Таким образом, мы можем говорить о том, что Николай Мистик считал своим долгом нести личную духовную ответственность за паству и ее моральное несовершенство.

Кандидатура Николая Мистика на патриарший престол не встретила сопротивления в обществе. Нам неизвестно точное количество участников Собора 901 г. Председателем на выборах был митрополит Кесарии, чья кафедра являлось первой по значимости в системе византийских кафедр. Его заместителем выступал митрополит Эфеса, поскольку его кафедра стояла второй по старшинству¹¹.

До нашего времени не сохранились сведения об именах других претендентов на византийскую столичную кафедру в 901 г., но мы можем предполагать, что Николай Мистик являлся компромиссной фигурой

⁶ Patmos 178. X/XI cent., vellum, 281 leaves I. Sakkelion, Πατμιακή Βιβλιοθήκη. Athens, 1890.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Иеромонах Иов (Гумеров). Избрание патриарха: византийский опыт. Православие.ру: религиозный портал. URL: <https://pravoslavie.ru/29031.html> (дата обращения: 13.04.2025).

для различных сил, обладающих правом выдвигать претендентов на роль патриарха и, как свидетельствует «Хроника Симеона Логофета»: «Скончался патриарх Антоний, и вместо него рукоположен патриархом Николай, который был императорским мистиком»¹².

Фигура Николая Мистика на Константинопольской кафедре не вызвала противоречий, поскольку его взгляды казались умеренными, и он обладал качествами, которые были приемлемы для императора и обеих церковных партий.

Библиографический список / References

1. Асмус В. Отношения Церкви и государства по законам Юстиниана I (Великого) // Исторический вестник. 1999. № 2. С. 85–92. [Asmus V. Relations between Church and state according to the laws of Justinian I (the Great). *Historical Reporter*. 1999. No. 2. Pp. 85–92. (In Rus.).]
2. Лебедев А.П. Очерки внутренней истории византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках: (от конца иконоборческих споров, 842 г., до начала крестовых походов – 1096 г.). М., 1898–1905, 1902. [Lebedev A.P. Ocherki vnutrenney istorii vizantiysko-vostochnoy tserkvi v IX, X i XI vekakh: (ot kontsa ikonoborcheskih sporov, 842 g., do nachala krestovykh pokhodov – 1096 g.)] [Essays on the internal history of the Byzantine-Eastern Church in the 9th, 10th and 11th centuries: (from the end of the iconoclastic controversies, 842, to the beginning of the Crusades – 1096)]. Moscow, 1898–1905, 1902.]
3. Медведев И.П. Византийское право на заключительном этапе своего развития // Культура Византии: XII – первая половина XV века. М., 1991. С. 301–312. [Medvedev I.P. Byzantine law at the final stage of its development. *Kultura Vizantii: XII – pervaya polovina XV veka*. Moscow, 1991. Pp. 301–312. (In Rus.).]
4. Острогорский Г.А. История Византийского государства / пер. с нем. М., 2011. [Ostrogorsky G. Istorija Vizantijskogo gosudarstva [Geschichte des byzantinischen Staates]. Transl. from German. Moscow, 2011.]
5. Пидалион: Правила Православной Церкви с толкованиями / пер. с греч. Т. 3. Правила Поместных соборов. Екатеринбург, 2019. [Pidalion: Pravila Pravoslavnnoy Tserkvi s tolkovaniyami [Pedalion: Rules of the Orthodox Church with interpretations]. Transl. from Greek. Vol. 3. Rules of Local Councils. Yekaterinburg, 2019.]
6. Правила православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского / пер. с серб. М., 2001. Т. 1. [Pravila pravoslavnoy tserkvi s tolkovaniyami Nikodima episkopa Dalmatinsko-Istrijskogo [Rules of the Orthodox Church with the interpretations of Nicodemus, Bishop of Dalmatia and Istria]. Transl. from Serbian. Moscow, 2001. Vol. 1.]
7. Сокольский В.В. О характере и значении Эпанагоги. Очерк по истории византийского права // Византийский временник. 1894. Т. 1. Вып. 1. С. 17–54. [Sokolsky V.V. On the nature and meaning of Epanagogy. An essay

¹² Хроника Симеона Магистра и Логофета / пер. со гр.-греч. А.Ю. Виноградова; вступ. ст. и коммент. П.В. Кузенкова. М., 2014.

- on the history of Byzantine law. *Vizantiyskiy vremennik*. 1894. Vol. 1. Issue 1. Pp. 17–54. (In Rus.).]
8. Сорочан С.Б. Византия: парадигмы быта, сознания и культуры. Харьков, 2011. [Sorochan S.B. Vizantiya: paradigmy byta, soznaniya i kultury [Byzantium: paradigms of everyday life, consciousness, and culture]. Kharkov, 2011.]
9. Цыпин В.А. Каноническое право. М., 2009. [Tsyipin V.A. Kanonicheskoe pravo [Canon law]. Moscow, 2009.]

Статья поступила в редакцию 15.06.2025, принятa к публикации 06.08.2025

The article was received on 15.06.2025, accepted for publication 06.08.2025

Сведения об авторе / About the author

Гусарова Светлана Владимировна – учитель истории и русского языка, МБОУ для обучающихся с ОВЗ Одинцовская общеобразовательная школа «Надежда», г. Одинцово, Московская обл.

Svetlana V. Gusarova – teacher of history and the Russian language, Odintsovo Secondary School “Nadezhda”, Odintsovo, Moscow region

E-mail: samoupravlenie7@mail.ru

М.А. Ковалёв

Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
600000 г. Владимир, Российская Федерация

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук,
197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Британский путешественник Ч. Макфарлейн о «мягкой» и «жесткой» силе в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

Российская империя, получив выход к Черному морю, получила возможность оказывать влияние на Балканы, используя статус крупнейшей поместной православной церкви. Британия со своей стороны использовала ресурс нарождавшегося тогда востоковедения в качестве инструмента «мягкой силы». В статье проанализированы взгляды на потенциал в этом отношении одного из членов Королевского Азиатского общества Ч. Макфарлейна, неоднократно посещавшего Турцию во второй четверти XIX в. Согласно его наблюдениям, сообщество православных греков Османской империи не сыграло роль «мягкой силы» в русско-турецких отношениях. Напротив, вторжение императорской армии спровоцировало рост исламского фанатизма и привело к волне насилия в отношении этноконфессиональных меньшинств. Сами же православные греки стремились скорее интегрироваться в мозаичную социальную структуру Турции, нежели формировать альтернативный полюс. Макфарлейн видит причину такой позиции в непривлекательности имиджа Российской империи даже для единоверцев Ближнего Востока, а также в ее слабости.

Ключевые слова: Ч. Макфарлейн, Королевское Азиатское общество, «мягкая сила», Русско-турецкая война 1828–1829 гг., ориентализм, Греческая революция, Махмуд II

© Ковалёв М.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Благодарности. Исследование выполнено в Санкт-Петербургском институте истории Российской академии наук при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-18-00670, <https://rscf.ru/project/25-18-00670/> (проект «Российская политика “мягкой силы” и Османская империя XVIII – начала XX в.: поиск альтернативы военного противостояния»).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ковалёв М.А. Британский путешественник Ч. Макфарлейн о «мягкой» и «жесткой» силе в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 46–54. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-46-54

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-46-54

M.A. Kovalyov

Vladimir State University,

Vladimir, 600000, Russian Federation

St. Petersburg Institute of History

of the Russian Academy of Sciences,

St. Petersburg, 197110, Russian Federation

The British traveler Charles MacFarlane on the “soft” and “hard” forces in the Russian-Turkish War of 1828–1829

Having gained access to the BlackSea, the Russian Empire got the opportunity to influence the Balkans, using the status of the largest local Orthodox Church. Britain, for its part, used the resource of the nascent Oriental studies as a tool of “soft power”. The article analyzes the views of one of the members of the Royal Asiatic Society, Charles MacFarlane, who repeatedly visited Turkey in the second quarter of the 19th century. According to his observations, the community of Orthodox Greeks of the Ottoman Empire did not play the role of a “soft power” in Russian-Turkish relations. On the contrary, the invasion of the Imperial army provoked an increase in Islamic fanaticism and led to a wave of violence against ethnic and religious minorities. The Orthodox Greeks themselves sought to integrate into the mosaic social structure of Turkey rather than form an alternative pole. MacFarlanes sees the reason for this position in the unattractiveness

of the image of the Russian Empire, even for the co-religionists of the Middle East, as well as its weakness.

Key words: Charles MacFarlane, Royal Asiatic Society, "soft power", Russian-Turkish War of 1828–1829, orientalism, Greek Revolution, Mahmud II

Acknowledgments. The study was carried out at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00670, <https://rscf.ru/project/25-18-00670/> (project "The Russian Policy of "soft power" in the Ottoman Empire in the 18th to the beginning of the 20th century: Searching for an alternative to military confrontation".

FOR CITATION: Kovalyov M.A. The British traveler Charles MacFarlane on the "soft" and "hard" forces in the Russian-Turkish War of 1828–1829. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 46–54. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-46-54

Русско-турецкие войны вряд ли можно отнести к малоизученным историческим процессам. Вместе с тем, имперская история в современных гуманитарных исследованиях подвергается серьезному пересмотру. С этой точки зрения пристального внимания заслуживает и российская экспансия в Причерноморье, пик которой приходится на царствование Николая I.

Но не только вооруженное, дипломатическое, торгово-экономическое противостояние двух держав привлекает внимание историков. Разработанная еще в 1990-е гг. концепция «мягкой силы» как формы культурного влияния и позитивного образа страны за рубежом [3, с. 6] позволяет уточнить и кое-где по-иному взглянуть на характер, темпы продвижения и потенциал России на столь непростом для нее направлении внешнеполитической активности. Согласно Э. Саиду, продвижение интеллектуалов на восток (в российском случае – на юг) с целью экспертного изучения иных культур и социумов следует понимать как способ колонизации. Ведь Восток, как писал еще Б. Дизраэли, есть профессия [9, с. 28, 31].

Сложность для нашей страны в этом отношении состояла в том, что Османская империя уже была «открыта» Западом. Как для Запада, так и для России Восточное Средиземноморье представляло помимо прочего и культурный интерес. Одних привлекал блеск Эллады, другие видели в Византии колыбель православия и «матрицу» собственной империи. Тем сложнее оказывалось переплетение культурно-исторических пластов, каждый из которых актуализировался конкретным политическим субъектом в особых условиях и с определенной целью.

Сведения путешественников эпохи Просвещения, посещавших Ближний Восток, таких как М. Уортли-Монтею, оставались неполными, непрофессиональными, в целом носили характер личных записок [15, р. 225]. На рубеже XVIII–XIX вв. ситуация сдвинулась с мертвой точки. Во-первых, благодаря Египетской экспедиции Наполеона, во-вторых, Британия проложила путь к исследованию Турции через Индию.

В 1823 г. основывается Королевское Азиатское общество, среди членов которого – коммерсанты, колониальные чиновники, английские землевладельцы. Оно начало издавать с 1834 г. собственный «Журнал», проблематика которого концентрировалась вокруг религий, обычаяев и искусства народов Востока¹. Один из членов этого общества, шотландец Чарльз Макфарлейн (1799–1858) известен более всего как путешественник и писатель. После отъезда из Англии в 1816 г. он смог оказаться на родине лишь в феврале 1829 г. Много вояжей осуществил он и впоследствии. Кампанию 1828 г. Макфарлейн застал в Турции, сначала в Смирне, затем – в Константинополе [14, р. 74].

Можно сказать, что он представляет британский взгляд на стратегии российской мягкой и жесткой силы в «восточном вопросе» и возможности их сочетания. В последние годы вышел ряд работ, в т.ч. и наших, где данная тема затронута с позиции имагологии [1; 4–7; 10; 11]. К недостаткам таких исследований нужно отнести их неполноту, проистекающую из избирательности анализируемых источников. Правда, трудность эту сложно преодолеть из-за широты темы и обилия материалов по ней. Показательной здесь является монография Н.П. Танышиной, где на основе изучения отдельных антироссийских памфлетов сконструирована теория об исключительно русофобском характере общественного сознания британцев второй четверти XIX в. [12, с. 267–270, 273–274]. Надо заметить, что даже зарубежные классики изучения феномена русофобии применяли тот же метод «ножниц и клея» [13]. Куда более продуктивным подходом нам представляется выявление плурализма существовавших точек зрения.

Прежде всего, Макфарлейн представляет свой труд – «Константинополь в 1828 году», вышедший по горячим следам, как научное исследование. Отдавая должное своим предшественникам, таким, как Т. Торnton и Р. Уолш, он все-таки замечает, что в популярном представлении Турция остается сказочной страной. Не питает автор никаких иллюзий и по поводу собственной беспристрастности. Тем не менее, положение очевидца, а также использование сведений, представленных влиятельными в османской столице и провинции людьми, делают сочинение

¹ Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. Vol. 1. L., 1834.

Макфарлейна своего рода «полевым исследованием»². Среди его информаторов – британские купцы, дипломаты, влиятельные представители армянской диаспоры, местные чиновники. Главным из них, по признанию автора, был Константин Зохраб – сын турецкого дипломата армянского происхождения, шурин упомянутого Торнтона, деловой партнер британского генерального консула в Константинополе Дж. Картрайта. Зохраб не раз бывал в Англии, Франции и России³.

Упоминаний о русских, не считая военных и политиков, у Макфарлейна немного. Проживая в Смирне, он застал прибытие туда паломников из России, которые направлялись в Палестину. Бородатые, одетые в овечьи шкуры и в огромных сапогах, они напоминали скорее мусульманских дервишей, чем представителей христианской страны. Прекрасно вписываясь в местный колорит, они не подвергались никакому насилию в условиях разгула ксенофобии. Бывали случаи, когда греки эвакуировали земляков из Смирны на торговых кораблях под русским флагом, используя авторитет могучего государства-соседа как прикрытие.

Сражение в Наваринской бухте 8 октября 1827 г., приведшее к разгрому карательной египетской эскадры, воодушевило православных подданных султана. Макфарлейн передает слухи, будто греки в лодках подплывали к русскому фрегату, вошедшему в Смирну, и, окуная пальцы в воду, совершали крестное знамение. Впрочем, полагает писатель, они смотрели на всех врагов Турции как на мстителей⁴.

Чтобы ознакомиться с мнениями представителей разных социальных групп, Макфарлейн посещал провинцию. Во время своего визита в город Нимфей писатель гостил у православного епископа. Выкурив трубки, они пообщались на актуальные политические темы. Все присутствовавшие греки, как выяснилось, ненавидели мусульман и считали войну с Россией неизбежной. Более того, высказывалась идея изгнания турок с европейского континента (при том что Нимфей, как и Смирна, располагался в Малой Азии). Однако представления собеседников о могуществе Османской империи оказались фантастически преувеличеными. По их словам, население Порты превосходило по численности всю Европу и Россию⁵.

Мог ли петербургский правитель подкрепить надежды пророссийски настроенных подданных султана? Военные историки полагают, что

² MacFarlane Ch. Constantinople in 1828. A residence of sixteen months in the Turkish capital and provinces. L., 1829. P. VII–IX.

³ Ibid. P. X.

⁴ Ibid. P. 29, 127.

⁵ Ibid. P. 234–235.

военная кампания 1828 г. была проведена далеко не блестяще [2, с. 384]. Ведь Турция оказалась в тот момент совершенно не готова к войне. В 1826 г. Махмуд II распустил янычар, затеял реорганизацию центральных органов власти, системы образования, землевладения, финансов [8, с. 23–26]. Гарнизоны крепостей были недоукомплектованы, редуты не везде приведены в порядок. На Балканах продолжалась Греческая революция, в центре росла оппозиция султану-реформатору. Хотя массы воспринимали российское вторжение апатично, в правящей эlite существовало мнение, что без поддержки европейских держав царские войска будут разгромлены. Некомпетентное руководство П.Х. Витгенштейна было оценено и по ту сторону фронта.

Макфарлейн приводит любопытную историю о гадании на исход войны при султанском дворе. Несмотря на официальное исповедание ислама, послали за известным колдуном. Тот принес четырех петухов, обозначавших Турцию, Россию, Англию и Францию. «Турецкого» петуха посадили в центр беседки, потом запустили остальных. «Турция» вышла победителем в драке. С «Россией» же обошлись жестоко: птице сломали крыло. Гадание истолковали в том духе, что страны Запада не станут вмешиваться, и султан одолеет противника⁶.

Православная церковь, как наиболее влиятельная институция, связанная с российской «мягкой силой», подверглась репрессиям еще до войны. Патриарха Григория V по подозрению в сотрудничестве с повстанцами низложили и повесили без суда. А один из его преемников вынужден был подчиниться приказу Махмуда II составить молитву на новогреческом языке с осуждением противников Турции и даже одобрить ее публикацию в патриаршей печати.

Макфарлейн объясняет подобные акции всплеском исламского фанатизма. В случае успеха России в войне, как он полагает, последняя битва турок за свою столицу превратилась бы в жуткое побоище, затмив восстания иудеев против римского владычества: «я не представляю, что Константинополь можно взять... не превратив город в дымящиеся руины», – резюмирует он⁷.

С начала июня 1828 г. (война началась в апреле) в мечетях читаются султанские указы – хатт-и-шериfy. В них все христиане, «франки», назывались врагами. Население, испуганное войной, активно впитывало пропаганду: турки готовились к самопожертвованию, одобрительно отзывались о практике отрезания ушей у русских пленных. Последний

⁶ MacFarlane Ch. Constantinople in 1828. A residence of sixteen months in the Turkish capital and provinces. L., 1829. P. 262–265.

⁷ Ibid. P. 273–274, 284–285.

обычай, кстати, безуспешно пытался запретить сам правитель Османской империи. Ходили слухи, что русские солдаты насаживают своих противников на штык по двое, как мясо для кебаба. Идеологическая обработка подкреплялась репрессиями. Британец приводит пример, как одного продавца щербета, ранее уже побывавшего в русском плена, повесили у дверей собственной лавки за «пораженческие» высказывания⁸.

Российское вторжение спровоцировало у населения Османской империи панику и эскалацию этнических конфликтов. Христианские народы, ее населявшие, не смогли сыграть роль посредника или буфера, а оказались заложниками политических интересов.

О слабости российских позиций на захваченных землях Макфарлейн высказывает достаточно прямо. Он полагает, у императора нет шансов закрепиться на территориях с преобладающим мусульманским населением. Ведь «правоверные» султана – люди совсем иного склада, нежели татары Бессарабии и Крыма. Самое же лучшее теперь для русской армии, утверждает писатель, форсировать Балканы, закрыв глаза на потери и занять Адрианополь. Оттуда можно продиктовать султану почетные условия мира и уйти восвояси. Лишь так можно спасти честь русского мундира.

Немалое значение в контексте рассмотрения мягкой силы имеет и позитивный имидж государства. Турецкая армия в 1820–1830-е гг. модернизировалась по французскому образцу, привлекались европейские специалисты (например, пьемонтец Калоско). Российские же вооруженные силы, очевидно, не составляли для османов предмета подражания. Макфарлейн отмечает грязь и беспорядок на русских кораблях, но, вместе с тем, и хорошую оснастку судов. Указывает на злоупотребления и дезорганизацию в интендантском ведомстве, о коих поведал ему пленный русский офицер на о. Халки. Храбрость же российских моряков никак не могла компенсировать их неопытность⁹.

Крайне невпечатляющее, по собственному признанию автора, выглядела и турецкая армия, прохождение которой через Константинополь он застал. У иррегулярных войск даже ятаган был редок – сражались они копьями. Регулярные же части (Низам-и-джедид, войско Нового образца), созданные вместо янычар, по сути, состояли из подростков. Красочная деталь: «их провожали зловещие взгляды христиан», как выразился шотландец. И все же довелось ему увидеть и элитную кавалерию, чьи латы заставляли «вспомнить Вальтера Скотта»¹⁰.

⁸ MacFarlane Ch. Constantinople in 1828. A residence of sixteen months in the Turkish capital and provinces. L., 1829. P. 277–278, 283–284.

⁹ Ibid. P. 128, 371, 385.

¹⁰ Ibid. P. 263, 377–378.

Вряд ли правомерно утверждать, что мягкая сила России сыграла сколь-нибудь заметную роль в недопущении конфликта или его смягчении. Напротив, две архаичные по своей социальной структуре и политическому профилю империи стремились манипулировать этноконфессиональными сообществами в узких политических целях. Даже беглый обзор армий обеих стран демонстрирует читателю как будто зеркальное отражение. По крайней мере, так представлялось британскому писателю, путешественнику, ученому Чарльзу Макфарлейну. В силу собственных научных интересов он попытался выявить и проанализировать процессы культурного взаимодействия в мозаичном пространстве Османской империи.

Библиографический список / References

- Гелла Т.Н. Образ России в политической риторике британских парламентариев в период Восточного кризиса 70-х годов XIX века // «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. СПб., 2020. С. 256–274. [Gella T.N. The image of Russia in the political rhetoric of British parliamentarians during the Eastern Crisis of the 1870s. «Svoi» i «Drugie». Vzaimodejstvie i vospriyatie kultur Zapada i Rossii. St. Petersburg, 2020. Pp. 256–274. (In Rus.)]
- Епанчин Н.А. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Ч. 1. СПб., 1905. [Epanchin N.A. Ocherk pohoda 1829 g. v Evropejskoj Turcii [An outline of the 1829 campaign in European Turkey]. Part 1. St. Petersburg, 1905.]
- Жесткая и мягкая сила британского льва. Из истории колониальной политики. СПб., 2024. [Zhyostkaya i myagkaya sila britanskogo lva. Iz istorii kolonialnoj politiki [The hard and soft power of the British lion. From the history of colonial politics]. St. Petersburg, 2024.]
- Жолудов М.В. Великобритания и Россия: Особенности дипломатической риторики накануне Крымской войны // «Свои» и «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России. СПб., 2020. С. 198–210. [Zholudov M.V. Britain and Russia: Features of diplomatic rhetoric on the eve of the Crimean War. «Svoi» i «Drugie». Vzaimodejstvie i vospriyatie kultur Zapada i Rossii. St. Petersburg, 2020. Pp. 198–210. (In Rus.)]
- Жолудов М.В. Русофobia в Великобритании XIX века: государство и общество // «Свой»/«Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. СПб., 2019. С. 334–347. [Zholudov M.V. Russophobia in 19th century Britain: State and society. «Svoj»/«Chuzhoj» v kross-kulturnyh kommunikaciyah stran Zapada i Rossii. St. Petersburg, 2019. Pp. 334–347. (In Rus.)]
- Ковалёв М.А. Внешняя политика Екатерины II в оценке путешественника Э. Суинтона // «Свои»/«Другие»/«Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. СПб., 2021. С. 215–233. [Kovalyov M.A. Catherine II's foreign policy as E. Swinton assesses it. «Svoi»/«Drugie»/«Chuzhie»: iz istorii vzaimodejstviya i protivoborstva Zapada, Vostoka i Rossii. St. Petersburg, 2021. Pp. 215–233. (In Rus.)]
- Лабутина Т.Л. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. в освещении британского посла Клавдия Рондо // «Свои»/«Другие»/«Чужие»: из истории

- взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. СПб., 2021. С. 139–169. [Labutina T.L. The Russo-Turkish War of 1735–1739 as described by the British ambassador Claudius Rondeau. «Svoi»/«Drugie»/«Chuzhie»: iz istorii vzaimodejstviya i protivoborstva Zapada, Vostoka i Rossii. St. Petersburg, 2021. Pp. 139–169. (In Rus.)]
8. Петросян И.Е., Петросян Ю.А. Османская империя: реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.). М., 1993. [Petrosyan I.E., Petrosyan Yu.A. Osmanskaya imperiya: reform i reformatory (konec XVIII – nachalo XX v.) [The Ottoman Empire: Reforms and reformers (late XVIII – early XX centuries)]. Moscow, 1993.]
 9. Сайд Э. Ориентализм. СПб., 2016. [Said E. Orientalizm [Orientalism]. St. Petersburg, 2016.]
 10. Смирнова И.Ю. Британо-российское противостояние во второй половине XIX века: миссионерский аспект // «Свои»/«Другие»/«Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. СПб., 2021. С. 340–360. [Smirnova I.Yu. British-Russian confrontation in the second half of the 19th century: The missionary aspect. «Svoi»/«Drugie»/«Chuzhie»: iz istorii vzaimodejstviya i protivoborstva Zapada, Vostoka i Rossii. St. Petersburg, 2021. Pp. 340–360. (In Rus.)]
 11. Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века). М., 2000. [Soplenkov S.V. Doroga v Arzrum: rossijskaya obshchestvennaya mysl o Vostoke (pervaya polovina XIX veka) [The road to Arzrum: Russian public thought about the East (the first half of the 19th century)]. Moscow, 2000.]
 12. Таньшина Н.П. Русофобия. История изобретения страха. М., 2023. [Tanshina N.P. Rusofobiya. Istorija izobreteniya straha [Russophobia. The story of the invention of fear]. Moscow, 2023.]
 13. Gleason J.H. The genesis of russophobia in Great Britain. A study of the interaction of policy and opinion. Cambridge, 1950.
 14. MacFarlane Ch. *Dictionary of National Biography*. Vol. 35. L., 1893. Pp. 74–75.
 15. MacLean G.M. The rise of Oriental travel. English visitors to the Ottoman Empire. 1580–1720. L., 2004.

Статья поступила в редакцию 30.05.2025, принятая к публикации 15.07.2025
 The article was received on 30.05.2025, accepted for publication 15.07.2025

Сведения об авторе / About the author

Ковалёв Максим Александрович – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории, археологии и краеведения Гуманитарного института, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; научный сотрудник отдела всеобщей истории, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Maxim A. Kovalyov – PhD in History; associate professor at the Department of History, Archeology and Local History of the Humanitarian Institute, Vladimir State University; researcher at the Department of General History, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

E-mail: mkovalyov.89@mail.ru

Г.И. Рыбкин

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

К вопросу о причинах убийства президента Франции Поля Думера в 1932 г. (по материалам эмигрантской газеты «Возрождение»)

Важную роль в формировании представлений человека о мире и о своем месте в этом мире играют средства массовой информации. В 1932 г. русский эмигрант П.Т. Горгулов совершил покушение на президента Французской Республики Поля Думера. Согласно научной гипотезе исследования, значительное влияние на формирование общественно-политической картины мира Горгулова оказала русская эмигрантская периодическая печать, в частности, газета «Возрождение». В статье предпринимается попытка реконструкции представлений Горгулова о мировых событиях накануне покушения посредством изучения выпусков газеты «Возрождение» с января по май 1932 г. Объектом исследования является периодическая печать, а предметом – освещение международных событий газетой «Возрождение» накануне убийства президента Думера. В ходе исследования было установлено, что поступок, совершенный Горгуловым, является последовательным и логичным шагом в рамках картины мира, сформированной газетой «Возрождение».

Ключевые слова: президент Франции Поль Думер, политическое покушение, П.Т. Горгулов, русская эмиграция, газета «Возрождение», эмигрантская пресса, политический террор, пропаганда, антибольшевизм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рыбкин Г.И. К вопросу о причинах убийства президента Франции Поля Думера в 1932 г. (по материалам эмигрантской газеты «Возрождение») // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 55–67. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-55-67

G.I. Rybkin

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

On the causes of the assassination of French President Paul Doumer in 1932 (based on the materials of the Russian emigrant newspaper “Vozrozhdenie”)

The mass media play an important role in shaping a person's ideas about the world and their place in this world. In 1932 a Russian emigrant P.T. Gorgulov attempted to assassinate the president of the French Republic, Paul Doumer. According to the scientific hypothesis of the study, the Russian emigrant periodical press, in particular, the newspaper “Vozrozhdenie”, had a significant influence on the formation of Gorgulov's socio-political worldview. The article attempts to reconstruct Gorgulov's ideas about world events on the eve of the assassination attempt by studying the issues of the newspaper “Vozrozhdenie” from January to May 1932. The object of research is the periodical press, and the subject is the coverage of international events by the “Vozrozhdenie” newspaper on the eve of the assassination of President Doumer. During the course of the study, it was found that the act committed by Gorgulov is a consistent and logical step within the framework of the worldview formed by the newspaper “Vozrozhdenie” in 1932.

Key words: French President Paul Doumer, political assassination attempt, P.T. Gorgulov, Russian emigration, newspaper “Vozrozhdenie” (“Renaissance”), emigrant press, political terror, propaganda, anti-Bolshevism

FOR CITATION: Rybkin G.I. On the causes of the assassination of French President Paul Doumer in 1932 (based on the materials of the Russian emigrant newspaper “Vozrozhdenie”). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 55–67. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-55-67

В 1932 г. на президента Французской республики Поля Думера было совершено покушение. Президент был доставлен в госпиталь Божон, где скончался от полученных ран. Нападавший, русский эмигрант Павел Тимофеевич Горгулов, был задержан на месте происшествия. Причины нападения далеко не сразу были установлены, и это событие моментально обросло множеством мифов и легенд. Изначально наиболее популярными версиями были коммунистический или полицейский заговоры. В значительной степени на распространение недостоверных сведений в СМИ повлияла внутриполитическая борьба во Франции, в частности, приближение второго тура парламентских выборов [1, с. 93–95; 10, р. 35–42]. Со временем убийство президента Франции обросло еще рядом теорий, например, были сформулированы концепции «коричневого» (фашистского) [9] и масонского [10, р. 42–43] заговоров.

Русская эмиграция сразу же после происшествия отреклась от Горгулова, боясь за свое положение. Как отмечает Б.М. Носик, «настоящая паника охватила русскую диаспору: русские люди боялись за себя, за семью – доколе будет терпеть Франция своих незваных и таких беспокойных постоянных гостей?» [4, с. 263]. На следующий день после убийства президента на собрании представителей эмигрантских организаций было составлено письмо с соболезнованиями, адресованное премьер-министру Франции А. Тардье [7, с. 151]. Хотя существенных гонений на русских эмигрантов, как со стороны французских властей, так и обычных французов, не последовало, все-таки некоторые ограничения по отношению к ним были введены, например, была приостановлена выдача французского гражданства [6, с. 218].

На судебных заседаниях Горгулов вел себя уверенно, стремясь выступить с заранее подготовленной речью к французскому народу. Он заявлял, что убийство президента было политическим актом, лично Думеру он симпатизировал, называл себя его «почитателем»¹. Как политического деятеля, он обвинял его в руководстве французской полицией и работе с Лигой Наций, «чтобы задушить русский народ»². После этих показаний председатель суда закономерно уточнил у Горгулова, знает ли он, что Францией управляет не президент, а Совет министров. На этот вопрос подсудимый ответил, что «читал в газетах, что президент председательствует в совете министров, значит, он вместе с ними губит мой народ»³.

¹ Любимов Л.[Д.] Допрос убийцы // Возрождение. 26.07.1932. № 2611. С. 2.

² Там же.

³ Там же.

Выступая с подготовленной 50-минутной речью, Горгулов говорил, что «Франция и вся Европа болеют», и он желал спасти Францию, которую обвинял в сотрудничестве с Лигой Наций и большевиками, в частности, с одним из «поработителей его страны»⁴ – народным комиссаром иностранных дел М.М. Литвиновым. Себя же Горгулов называл «апостолом своей идеи», представителем «100 млн русских крестьян», желающим создать в России «республику как во Франции»⁵. Если судить по реакции слушателей, политические воззрения Горгулова, по-видимому, были не совсем понятны французам. Они видели в его речах только безумие. Как отметил советский писатель И.Г. Эренбург, находившийся в это время во Франции, «французам это казалось бредом, и они косились на экспертов-психиатров»⁶.

На идею сумасшествия подсудимого строилась стратегия его адвокатской защиты. Но, несмотря на разногласия по этому вопросу даже в среде экспертов-психиатров, Горгулов был признан вменяемым и приговорен к смертной казни. Если признать, что Горгулов не был «сумасшедшим», то закономерно встает вопрос о его мотивах. Сам подсудимый заявлял, что желал спасти «болеющую» Францию, вступившую в сотрудничество с «поработителями»⁷ его Отечества – Лигой Наций и большевиками. Эти объяснения были восприняты стороной обвинения, хотя и были трансформированы в «ненависть к советской власти и ненависть против Франции, которая не ведет войны с большевиками»⁸. Помимо политических мотивов, прокурор указал и другие причины преступления: «Горгулов был неудачником...[он] дошел до крайнего предела»⁹.

Говоря о политических мотивах Горгулова, прокурор отметил, что его мысли весьма распространены «в некоторых кругах русской эмиграции»¹⁰. Авторы эмигрантской газеты «Возрождение», боясь за свое положение, стремились доказать, что белоэмигранты совершили не разделяют идеи Горгулова, и «этот лозунг, флаг этот, был выкинут Горгуловым... в гавани французского суда со специальной целью – связать совершенное им убийство с белой эмиграцией»¹¹.

Тем не менее, видится, что подобная позиция не совсем соответствует действительности. Отношение к мировым событиям, распространенное

⁴ Любимов Л.[Д.] Допрос убийцы // Возрождение. 26.07.1932. № 2611. С. 2.

⁵ Там же.

⁶ Эренбург И.Г. Затянувшаяся развязка. М., 1934. С. 164.

⁷ Любимов Л.[Д.] Допрос убийцы // Возрождение. 26.07.1932. № 2611. С. 2.

⁸ Любимов Л.[Д.] В зале суда // Там же. 28.07.1932. № 2613. С. 2.

⁹ Любимов Л.[Д.] Допрос убийцы // Там же. 26.07.1932. № 2611. С. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

в белоэмигрантской прессе и, как следствие, в целом в среде белоэмигрантов, имело множество точек соприкосновения с мыслями и идеями, озвученными Горгуловым в зале суда.

Предполагается, что взгляды Горгулова на мировую политику, а также становление его политических мотивов и даже форм и методов их реализации в значительной степени были предопределены эмигрантскими СМИ, к которым он обращался. До создания и массового распространения телевидения и радиовещания наиболее влиятельным СМИ была периодическая печать. Трудно однозначно ответить на вопрос, какими печатными изданиями пользовался Горгулов, в особенности учитывая тот факт, что он неплохо владел французским языком и мог не ограничиваться чтением только русской эмигрантской прессы. Тем не менее, из очерка Эренбурга, известно, что Горгулов был читателем эмигрантской парижской газеты «Возрождение»¹². Эта информация выглядит весьма правдоподобной, если сравнить высказывания Горгулова о Франции, Лиге Наций и большевиках с тем, что и как освещалось в газете «Возрождение» за несколько месяцев, предшествующих покушению.

Парижская газета «Возрождение» была одним из наиболее популярных изданий в среде русской эмиграции. Газета финансировалась промышленником А.О. Гукасовым, а главными редакторами были П.Б. Струве (1925–1927 гг.) и Ю.Ф. Семёнов (1927–1940 гг.). На ее страницах публиковались представители разных идейных течений из белоэмигрантской среды. В частности, в газете активно пропагандировались идеи Русского общевоинского союза (РОВС), а сам Гукасов выделял этому объединению 8 тыс. франков ежемесячно [8, с. 88]. Как отмечает А.В. Ломоносов, название газеты символизировало мировоззрение русских, оказавшихся «вне родины», в центр внимания которых ставилась идея «именно возрождения России» [2, с. 133].

«Возрождение» было не только рупором белоэмигрантской общественно-политической мысли, но также и русской эмигрантской литературы. Так, в ней публиковались такие видные русские писатели, как А.И. Куприн, И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, В.Ф. Ходасевич, Н.А. Тэффи и др. [3, с. 39–40; 5, с. 110].

Газета «Возрождение» крайне негативно относилась к деятельности большевиков, считая их узурпаторами России. В программе газеты было прямо заявлено о стремлении к освобождению «Отечества от ига большевиков» и о целенаправленной «пропаганде среди русских и иностранцев

¹² Эренбург И.Г. Затянувшаяся развязка. М., 1934. С. 163.

[идеи] борьбы с врагами России – большевиками»¹³. Для начала 1932 г. устремления, изложенные в их программе, были в особенности актуальны. Так, в номере от 1 января, в статье, посвященной наступающему 1932 г., говорилось о том, что новый год должен стать «годом действий», посредством которых следует осуществить «решительное и всеобщее выступление против большевиков»¹⁴.

Газета «Возрождение» последовательно изображала советскую Россию как агрессивное государство, желавшее сеять смуту и разжигать войны. Образ страны-агрессора мог рисоваться посредством изображения СССР как экспортера коммунистической идеологии и пособника в организации волнений в европейских государствах, что выражалось в частой публикации статей, рассказывающих о происках советских шпионов и диверсантов, а также о помощи СССР европейским коммунистам в их антигосударственной борьбе¹⁵. Газета «Возрождение», ввиду своей антikоммунистической направленности, стремилась упомянуть о большинстве случаев волнений в европейских государствах с участием коммунистов. Подарком судьбы для авторов газеты были и заявления советских деятелей, позволяющие иллюстрировать их воинственный настрой, подтверждать в очередной раз правдивость своих концепций. Так, в номере от 6 января было процитировано высказывание бывшего народного комиссара просвещения А.В. Луначарского, сравнившего Европу со старцем, для которого пролетариат должен быть «убийцей» и «могильщиком»¹⁶.

Другой популярный нарратив, позволявший иллюстрировать советскую Россию как страну-агрессора, касается активной подготовки СССР к новой войне. При этом зачастую подобным образом интерпретировались новости из СССР, напрямую не связанные с военной сферой. Например, постановление ЦИК и СНК от 5 января 1932 г. «Об образовании народных комиссариатов тяжелой, легкой и лесной промышленности» рассматривалось как укрепление советского бюрократического аппарата, посредством которого осуществляется «военно-промышленная мобилизация страны, именуемая пятилеткой», т.е. происходит усиление «подготовки военного натиска»¹⁷. Другим ярким примером является статья от 12 января 1932 г. под грозным заголовком «Подготовка к войне», повествующая о съезде «общества содействия развитию

¹³ Открыта подписка на 1932 г. на газету «Возрождение» // Возрождение. 01.01.1932. № 2404. С. 5.

¹⁴ Новый год // Там же. С. 1.

¹⁵ Фабрика фальшивых паспортов // Возрождение. 24.01.1932. № 2427. С. 1.

¹⁶ Луначарский про Европу // Там же. 06.01.1932. № 2409. С. 1.

¹⁷ Планомерная подготовка к войне // Там же. 11.01.1932. № 2414. С. 1.

автомобилизма и улучшению дорог» («Автодор»), прошедшего в Москве. В этой статье автор однозначно заявлял, что «Автодор» является «скрытым органом подготовки к войне»¹⁸.

Параллельно с освещением процесса милитаризации Советской России, «Возрождение» в 1932 г. рассказывала своим читателям и о европейских конференциях по разоружению с активным участием СССР. Комментируя эти события, авторы газеты использовали карикатуры (например, «Красный спрут»¹⁹ и «Апостол мира и его тень»²⁰ под авторством Грэго) и периодически оставляли критические комментарии, иногда апеллируя к нормам морали. С точки зрения редакции газеты «Возрождение», само «существование советской власти является непреодолимым препятствием для всякого серьезного разоружения»²¹. Особое недовольство журналисты выразили по поводу избрания Литвинова председателем конференции по разоружению в статье под громким заголовком «Измена европейской цивилизации». С точки зрения авторов статьи, позволив выступить большевикам на этой мировой конференции, мировые державы признали теперь их равными себе, тем самым последовав за Германией, заключившей Рапалльский договор, т.е. «изменили делу европейской цивилизации»²².

Нarrатив о милитаризации СССР зачастую был связан с идеей о скромном крахе советского государства. Газетный образ СССР был весьма диалектичным: с одной стороны, он изображался страной-агрессором, стремившейся к войне и «мировой революции», а с другой – СССР не имел сил на победу в этой войне. Для 1932 г., когда на Дальнем Востоке происходили японо-китайские столкновения, а на границе с СССР образовалось новое государство Маньчжоу-Го под протекторатом Японии, были сильны ожидания в отношении советско-японской войны. В январе журналисты «Возрождения» утверждали, что Япония желает навязать войну Советской России, пока та еще слаба²³. Сами же советские власти стремятся всеми силами от этой войны уклониться и заключить «пакт о ненападении», ведь их положение на Дальнем Востоке шаткое. Красная армия слаба, «население возбуждено» и ожидают налеты монголов с «Живым Буддой» и белыми партизанами²⁴. Постепенно в печати были намечены и даты для начала возможной

¹⁸ Подготовка к войне // Возрождение. 12.01.1932. № 2415. С. 2.

¹⁹ Грэго. Красный спрут // Там же. С. 3.

²⁰ Грэго. Апостол мира и его тень // Там же. № 2511. С. 3.

²¹ Необходим сговор // Там же. 30.04.1932. № 2524. С. 1.

²² «Измена европейской цивилизации»// Там же. 12.02.1932. № 2446. С. 1.

²³ Япония и СССР // Там же. 07.01.1932. № 2410. С. 1.

²⁴ Советская власть на Дальнем Востоке // Там же. 05.01.1932. № 2408. С. 2.

советско-японской войны: «в ближайшие три месяца», «по окончанию зимнего периода, в конце апреля или в начале мая»²⁵.

Последующее развитие политических событий не всегда оправдывало ожидания редакции газеты «Возрождение». Например, во второй половине января 1932 г. состоялся ряд советско-японских переговоров, на которых обе стороны выразили заинтересованность в добрососедских отношениях²⁶, а также был поставлен вопрос о возможном заключении «пакта о ненападении»²⁷. В такие моменты журналисты могли увлекаться любопытными гипотезами и слухами. Например, что СССР сам желает создать на границе с Японией буферное полубуржуазное государство, де-юре признанное США²⁸.

Несмотря на все политические маневры на Дальнем Востоке в 1932 г., новостные сводки, зачастую наполненные сведениями об эвакуации дальневосточных городов, укреплении обороны и росте числа солдат и техники на советско-японской границе, позволяли создать картину приближающейся войны. Белоэмигранты надеялись, что действия Японии на Дальнем Востоке приведут в конечном итоге к желаемой цели – падению большевистской власти в России. Японская политика, по их мнению, также могла существенно повлиять на действия европейских государств, охваченных ныне «психологией бездействия», т.к. в конечном итоге поможет выявить «общего врага человечества – большевиков»²⁹. Однако отношение именно к приближающейся советско-японской войне было неоднозначным в среде белоэмигрантов. Если одни, в т.ч. авторы «Возрождения», видели в этом благо, ввиду освобождения России от большевиков³⁰, то другие, например, авторы газеты «Последние Новости»³¹, смотрели на это как на опасность для Отечества.

Советская Россия, изображенная в «Возрождении», находилась на грани краха не только ввиду серьезной внешней угрозы, но и из-за царившей в ней хозяйственно-технической разрухи. Практически ежедневно в «Возрождении» публиковались новости о советских технических катастрофах, о случаях халатности и некомпетентности специалистов. Например, рассказывалось о столкновениях поездов³², расстройстве

²⁵ Слухи о войне // Возрождение. 19.01.1932. № 2422. С. 1.

²⁶ Советско-японские отношения // Там же. 14.01.1932. № 2417. С. 1.

²⁷ Переговоры о пактах с СССР. Япония // Там же. 17.01.1932. № 2420. С. 1.

²⁸ Буфер наизнанку // Там же. 19.02.1932. № 2453. С. 1.

²⁹ Пробуждение? // Там же. 05.02.1932. № 2439. С. 1.

³⁰ Муратов П. О буферном государстве // Там же. 06.01.1932. № 2409. С. 2.

³¹ Милоков и советы // Там же. 29.03.1932. № 2492. С. 2.

³² Столкновение поездов под Москвой // Там же. 09.01.1932. № 2412. С. 1.

путей сообщения³³, массовых поломках тракторов³⁴, нарушении элементарных правил гигиены в детских садах³⁵, проблемах с уборкой снега³⁶, со снабжением³⁷, потере и гниении хлеба³⁸, гибели скота из-за порчи водоразборных колонок³⁹, неэффективной борьбе с крысами⁴⁰, остановке заводов⁴¹, нерациональном использовании дорогостоящих дорог⁴², обострении жилищно-транспортного кризиса⁴³ и т.д. и т.п.

С целью создания неблагоприятной картины хозяйственно-технического состояния, в «Возрождении» не только публиковались «плохие новости» из Советской России, но и «хорошие», с добавлением желаемой интерпретации. Так, в статье, рассказывающей о запуске новых заводов, Нижегородского автомобильного (будущий Горьковский автомобильный завод (ГАЗ)) и Саратовского по производству комбайнов (СЗК), говорилось, что это, по-видимому, мистификация, и они вполне могут не функционировать должным образом⁴⁴.

Описывая хозяйственную организацию СССР, журналисты «Возрождения» не только стремились показать большевистскую власть непрофессиональной и неспособной к нормальному управлению государством, но совершенно негуманной по отношению к простому человеку, а режим античеловеческим. Для поддержания этого нарратива советских крестьян сравнивали с крепостными⁴⁵, а экономику СССР с рабовладельческими плантаторскими хозяйствами Нового времени⁴⁶, ведь большевики активно используют принудительный труд для добычи ресурсов (например, леса) на продажу по конкурентным ценам⁴⁷.

В феврале 1932 г. в «Возрождении» частой темой новостей о Советской России становится будущий неурожай, и постепенно эти новости перерастают в сообщения о грядущем голоде. С каждой неделей новости, касающиеся этой стороны советской действительности, рисуют все

³³ Расстройство московских путей сообщения // Возрождение. 04.01.1932. № 2407. С. 1.

³⁴ 8000 больных тракторов // Там же. 08.01.1932. № 2411. С. 2.

³⁵ У семи нянек // Там же.

³⁶ «Зимний режим изменился» // Возрождение. 12.01.1932. № 2415. С. 2.

³⁷ Советские поставщики // Там же. 20.01.1932. № 2423. С. 2.

³⁸ Хлеб гниет // Там же. 30.01.1932. № 2433. С. 2.

³⁹ Скот надо поить... // Там же.

⁴⁰ Борьба с крысами в Москве // Возрождение. 12.02.1932. № 2446. С. 2.

⁴¹ Остановка завода // Там же. 30.01.1932. № 2433. С. 2.

⁴² Турксиб // Там же. 08.01.1932. № 2411. С. 2.

⁴³ Как Москва изменилась за год // Там же. 22.01.1932. № 2425. С. 1.

⁴⁴ Новые промышленные гиганты // Там же. 05.01.1932. № 2408. С. 2.

⁴⁵ Крепостное право // Там же.

⁴⁶ Не троите пятилетку! // Возрождение. 14.01.1932. № 2417. С. 1.

⁴⁷ Каторжный труд в СССР // Там же. 03.01.1932. № 2406. С. 1.

более ужасающую картину. В СССР голод⁴⁸, распространяются инфекции⁴⁹, крестьяне из-за всех сил борются за свою жизнь, стонут о помощи⁵⁰ и пытаются спастись, перейдя через Днестр, но пограничники им препятствуют⁵¹. С конца февраля до апреля частыми новостями были массовые расстрелы советских беженцев на Днестре.

Рассказывая обо всех недостатках советской власти, нельзя было обойти стороной вопрос и о недовольстве ею населения России, поэтому часто новостные статьи рассказывали о существовании подпольных организаций, внутрипартийном расколе и политических заговорах, волнениях и восстаниях, неповиновении большевикам и сабotировании их приказов. Подобные статьи позволяли изобразить слабость большевистской власти в России и ее приближающийся крах. Так, в начале 1932 г. новости убеждали читателей в подготовке крупного троцкистского заговора⁵², о массовых «брожениях» в рядах Красной армии, которые «особенно обострились за последние месяцы»⁵³, о распространении в сельской среде антисоветских организаций и вооруженных столкновений с «ударниками»⁵⁴, о «вспышках повстанческого движения на Украине, в Закаспийских республиках и в Приуралье»⁵⁵, о волнениях в среде рабочих и крестьян⁵⁶ и т.п.

Параллельно с рассказом об ужасах, творящихся на территории Советской России, «Возрождение» освещала и внешнеполитическое становление большевистской власти, обрастающей новыми торговыми, финансовыми и политическими связями и договоренностями. Кредитование СССР и его «материальная и финансовая поддержка» со стороны западных стран интерпретировались журналистами как пособничество советскому режиму, стоящему на грани финансового краха⁵⁷. Особое недовольство белоэмигрантов вызывали массовые заключения «пактов о ненападении» с советским государством, рушившие их надежды на интервенцию европейских стран и свержение большевистской власти. Говоря о возможном советско-французском договоре, журналисты указывали на то, что он «как бы подтверждает вновь признание

⁴⁸ Голод в СССР // Возрождение. 18.03.1932. № 2481. С. 1.

⁴⁹ Покушение на фон Твардовского // Там же. 11.03.1932. № 2474. С. 1.

⁵⁰ Русские письма // Там же. 28.03.1932. № 2491. С. 2.

⁵¹ Расстрел 80 бежавших из СССР // Там же. 26.02.1932. № 2460. С. 1.

⁵² Троцкисты готовятся // Там же. 01.01.1932. № 2404. С. 1.

⁵³ Брожение в СССР // Там же. 08.01.1932. № 2411. С. 1.

⁵⁴ В деревне // Там же. 13.01.1932. № 2416. С. 2.

⁵⁵ Волнения в СССР // Там же. 26.01.1932. № 2429. С. 1.

⁵⁶ Рабочие и крестьянские волнения в России // Там же. 06.04.1932. № 2500. С. 2.

⁵⁷ Советские пособники // Там же. 08.03.1932. № 2471. С. 1.

советской власти», а также «право большевиков на безнаказанность»⁵⁸. Связет же договор только Францию в своих действиях, т.к. «коммунистическая война никогда не прекращается и ведется всячими способами внутри всех стран»⁵⁹.

Что же делать русским патриотам, противникам большевистской власти при таком международном положении дел? На этот вопрос газета «Возрождение» также дает ответ своим читателям. В Москве 5 марта 1932 г. было совершено покушение на советника немецкого посольства фон Твардовского, целью же нападавшего был немецкий посол Г. фон Дирксен. Нападавший, И.М. Штерн, объяснил свой поступок тем, что считал «Германию единственной страной, активно помогающей советскому правительству, и единственным препятствием к освобождению русского народа от советского режима»⁶⁰. В марте и апреле 1932 г. в «Возрождении» было уделено большое внимание делу Штерна, журналисты внимательно следили за ходом расследования, судебным процессом и не прекращали писать о нем даже после оглашения приговора. С точки зрения журналистов, поступок Штерна был «героическим», он шел на него, зная, что «спасения быть не может»⁶¹. Они писали о том, что, хотя его выстрел «не ликвидировал... коммунистическую деспотию», но «читая эти отчеты, ... русские люди не могли не ощутить, что борьба с большевиками все же возможна, и многие молодые сердца, несомненно, зажглись духом, подвигнувшим Штерна на его выстрел»⁶². Создавая этот «панегирик», журналисты задавались также вопросом: «много ли еще нужно таких толчков, чтобы наступила и явная перемена – сокрушительное падение насилийской власти, столь цинично поддерживаемой немцами?»⁶³.

Таким образом, поступок, совершенный Горгуловым, является последовательным и логичным шагом в рамках картины мира, формировавшейся в сознании читателей газетой «Возрождение» в 1932 г. Он последовал за «героем», И.М. Штерном, поддержал его «великую идею» и совершил акт политического террора против пособников большевиков, дающих им право на безнаказанное уничтожение русского народа. Даже пафосные высказывания Горгулова о себе как о представителе 100 млн русских крестьян не выглядят столь сюрреалистическими, если довериться информации из «Возрождения» о массовых волнениях

⁵⁸ Вредные проекты // Возрождение. 03.01.1932. № 2406. С. 1.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Расстрел Штерна и Васильева // Возрождение. 10.04.1932. № 2504. С. 1.

⁶¹ После расстрела Штерна // Возрождение. 12.04.1932. № 2506. С. 1.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

против советской власти в среде голодного и обделенного русского крестьянства, находящегося под новым «крепостным ярмом». Он видел себя их защитником и выразителем их стремлений к освобождению.

Чувствовали ли журналисты «Возрождения» свою вину в преступлении Горгулова? По-видимому, некоторые осознавали свою идейную сопричастность. Так, бывший корреспондент «Возрождения» Л.Д. Любимов спустя годы в своих мемуарах напишет, что «моральная ответственность “верхов” эмиграции за выстрел Горгулова была несомненной»⁶⁴. Поступок Горгулова, с его точки зрения, «лишь доводил до абсурда, до сумасбродства» политическую идеологию, согласно которой большевизм является «величайшим злом», и всякий, кто с ним сотрудничает, становится его пособником⁶⁵. Любимов, чувствуя ответственность «Возрождения» за прославление поступка Штерна, пытался также переложить ее на другие эмигрантские издания. Он указывает, что «не только “Возрождение”, но и [А.Ф.] Керенский за десять дней до этого славили Штерна… и объявляли его поступок пламенным протестом во имя России»⁶⁶.

Библиографический список / Reference

1. Дубнина В.Н. Убийство президента П. Думера русским эмигрантом: версии мотивов преступления // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2011. № 6. С. 91–96. [Dubnina V.N. Murder of the President P. Doumer by a Russian emigrant: Versions of the motives for the crime. *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. No. 6. Pp. 91–96. (In Rus.)]
2. Ломоносов А.В. Возрождение // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 2. Ч. 1. М., 1996. С. 112–135. [Lomonosov A.V. Renaissance. *Literaturnaya enciklopediya russkogo zarubezhya* (1918–1940). Vol. 2. Part 1. Moscow, 1996. Pp. 112–135. (In Rus.)]
3. Михайлов О.Н. Литература русского Зарубежья. М., 1995. [Mihajlov O.N. Literatura russkogo Zarubezhya [Literature of the Russian Diaspora]. Moscow, 1995.]
4. Носик Б.М. Русские тайны Парижа. СПб., 2001. [Nosik B.M. Russkie tajny Parizha [Russian secrets of Paris]. St. Petersburg, 2001.]
5. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. [Raeff M. Rossiya za rubezhom. Istoryya kultury russkoj emigracii 1919–1939 [Russia abroad: A cultural history of the Russian emigration, 1919–1939]. Moscow, 1994.]

⁶⁴ Любимов Л.Д. На чужбине. Ташкент, 1990. С. 205.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

6. Скурлов В.В. Сыновья Карла Фаберже Евгений и Александр в эмиграции в Париже в 1920–1960 гг. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3 (15). С. 211–222. [Skurlov V.V. Karl Faberge's sons Evgeny and Alexander in emigration in Paris in 1920–1960. *Saint-Petersburg Historical Journal*. 2017. No. 3 (15). Pp. 211–222. (In Rus.)]
7. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987. [Shkarenkov L.K. Agoniya beloї emigracii [The agony of the White Emigration]. Moscow, 1987.]
8. Шкаренков Л.К. Конец белой эмиграции // Вопросы истории КПСС. 1979. № 8. С. 85–103. [Shkarenkov L.K. The end of white emigration. *Voprosy istorii KPSS*. 1979. No. 8. Pp. 85–103. (In Rus.)]
9. Rollin H. *L'apocalypse de notre temps*. Paris, 1939.
10. Coeuré S., Monier F. Paul Gorgulov, assassin de Paul Doumer. *Vingtième siècle. Revue d'histoire*. 2000. Janvier-mars. Vol. 65. Pp. 35–46.

Статья поступила в редакцию 16.07.2025, принята к публикации 24.08.2025
The article was received on 16.07.2025, accepted for publication 24.08.2025

Сведения об авторе / About the author

Рыбкин Георгий Игоревич – магистрант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Georgii I. Rybkin – Master's student at the Department of Modern and Contemporary History of European and American Countries of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: girybkin@yandex.ru

А.М. Родригес-Фернандес

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия внутри региональных конфликтов ХХ в.

В статье рассматривается процесс пограничных конфронтаций и военных конфликтов между т.н. «малыми эмирятами» Аравии, будущими членами Федерации Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и их более крупными региональными соседями в течение большей части ХХ в. В данном контексте рассматриваются пограничные, территориальные и династические конфликты королевства Саудовской Аравии и султаната Оман с «малыми эмирятами» Восточной Аравии. Давняя проблема осложнялась тем, что на территории рассматриваемых стран были обнаружены первые нефтяные месторождения, и западные государства, имевшие к тому же достаточно прочные колониальные позиции в регионе, стали активно использовать давние разногласия в своих интересах. Пограничные конфликты периодически вспыхивали в различных районах Восточной Аравии, приобретая новый окрас и содержание. Часто поводами военных действий являлись не династические противоречия, а конкуренция между американскими и английскими нефтяными компаниями. Особое внимание в статье уделяется конфликтам Саудовской Аравии с Абу-Даби в 1935 г., вторжению саудовских войск в Бурайми и Хамас (ОАЭ) в 1952–1954 гг., а также десятилетию распрея между будущей федерацией и султанатом Оман. Апогеем последнего противостояния стало нападение оманских вооруженных сил на эмирят Шарджа и оккупация части территорий эмирятов Рас-эль-Хайма и Фуджайра в 1972 г. В статье подчеркивается, что никакие конфликты не находили разрешения, с давних пор подогреваемые междинастической враждой и кровной местью, вплоть до радикальнейших региональных потрясений 1970–1980-х гг. Революция в Иране, ирано-иракская

война, осознание общей угрозы заставило нефтедобывающие аравийские монархии искать пути к интеграции в рамках Совета сотрудничества аравийских монархий (1981 г.). Это не ликвидировало, но как бы заморозило до настоящего времени взаимные претензии.

Ключевые слова: аравийские монархии, территориальные войны на Ближнем Востоке, пограничные конфликты на Ближнем Востоке, династичное соперничество, нефтяные монополии, геологические концессии

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Родригес-Фернандес А.М. Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия внутри региональных конфликтов XX в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 68–79.
DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-68-79

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-68-79

A.M. Rodriges-Fernandes

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The United Arab Emirates, Oman, and Saudi Arabia of intra-regional conflicts of the 20th century

The article examines the process of border confrontations and military conflicts between the so-called “small emirates” of Arabia, the future members of the United Arab Emirates federation (UAE), and their larger regional neighbors during most of the 20th century. In this context, the border, territorial, and dynastic conflicts with the “small emirates” of Eastern Arabia from the Kingdom of Saudi Arabia and the Sultanate of Oman are considered. The long-standing problem was complicated by the fact that the first oil fields were discovered on the territory of the countries under consideration, and Western states, which also had fairly strong colonial positions in the region, began to actively use long-standing differences to their advantage. Border conflicts periodically broke out in various regions of Eastern Arabia, acquiring a new color and content. Often the reasons for military actions were not dynastic contradictions, but competition between American and British oil companies. The article pays special attention to the conflicts between Saudi

Arabia and Abu Dhabi in 1935, the invasion of Saudi troops in Buraimi and Hamas (UAE) in 1952–1954, as well as decades of strife between the future federation and the Sultanate of Oman. The culmination of the last confrontation was the attack of the Omani armed forces on the Emirate of Sharjah and the occupation of part of the territories of the emirates of Ras al Khaimah and Fujairah in 1972. The article emphasizes that none of the conflicts were ever truly resolved, having long been fueled by inter-dynastic hostility and blood feuds, up until the most radical regional upheavals of the 1970s and 1980s. The revolution in Iran, the Iran-Iraq war, and the awareness of a common threat forced the oil-producing Arabian monarchies to seek ways to integrate within the framework of the Cooperation Council of the Arabian Monarchies (1981). This did not eliminate the mutual claims, but rather froze them as it were, up to the present day.

Key words: Arabian monarchies, territorial wars in the Middle East, border conflicts in the Middle East, dynastic rivalries, oil monopolies, geological concessions

FOR CITATION: Rodriges-Fernandes A.M. The United Arab Emirates, Oman, and Saudi Arabia of intra-regional conflicts of the 20th century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 68–79. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-68-79

Собственно говоря, федерация ОАЭ (Объединенные Арабские Эмираты) официально образовалась 2 декабря 1971 г. Однако сам термин «Малые арабские эмирата» закрепился за его будущими членами давно. Эта семерка потестарных родоплеменных объединений издавна ощущала свою историко-географическую идентичность, носила древнее самоназвание «Эс-Сир» (от манасир – ‘победоносные, преданные’). Их собственные обозначения (Абу-Даби, Дубай, Шарджа, Аджман, Умм-эль-Кайван, Рас-эль-Хайма, Фуджайра) со временем стали государственными названиями небольших, но богатых эмираторов – будущих членов ОАЭ. За длительные предшествующие периоды их близкого сосуществования накапливались многочисленные противоречия, не раз выливавшиеся в тяжелые конфронтации, но все же внешние вызовы, пограничные претензии и прочие угрозы от внешних более крупных соседей воспринимались как общая опасность, поддерживающая определенную интеграцию, некие объединительные мотивы.

Поэтому в каждой отдельной взрывоопасной ситуации XX в. в очередной конфликт мог быть втянут какой-либо один (или два) из субъектов будущего ОАЭ, но угроза воспринималась чаще всего как коллективная.

В течение длительного периода отсутствовали точно установившиеся границы между Саудовской Аравией и Абу-Даби, тем более, что еще с начала XVI в. эти территории формально входили в Османскую империю. Накануне Первой мировой войны англо-турецкая конвенция от 29 июля 1913 г. установила границу между сферами влияния обоих государств. Фактически это был первый вариант границы между британскими протекторатами на побережье Персидского залива и территорией, впоследствии вошедшей в состав Саудовской Аравии. Конвенция была дополнена 9 марта 1914 г. еще одним англо-турецким соглашением. В соответствии с его условиями пограничная линия между владениями Англии и Османской империи тянулась строго по прямой от п-ова Катар до юго-западной оконечности Аравийского п-ова у Баб-эль-Мандебского пролива [7, р. 62].

Первая мировая война перечеркнула оба англо-турецких договора. Правда, Англия пыталась отстоять незыблемость формировавшейся ранее границы, но король Ибн Сауд категорически отказался признать ее. После того, как 15 января 1926 г. Ибн Сауд был провозглашен в Мекке королем Неджда, Хиджаза и присоединенных областей, Англии пришлось пойти на уступки. По «Договору о дружбе и добрых отношениях», подписанному 20 мая 1927 г., Англия признала «абсолютную и полную независимость» государства Саудидов, а Ибн Сауд был обязан считаться с «особыми отношениями» Англии с эмиратаами Персидского залива и аденскими протекторатами [2, р. 145].

Договор 1927 г. не решал проблемы границ. Пограничные конфликты периодически вспыхивали в различных районах Восточной Аравии, обостряя отношения между Англией и государством Саудидов. Ситуация еще более осложнилась после того, как 29 мая 1933 г. между Саудовской Аравией и «Стандард Ойл Компани оф Калифорния» было заключено соглашение о предоставлении этой нефтяной компании концессии на побережье Персидского залива. Последовал обмен резкими нотами между Лондоном и Эр-Риядом, а когда страсти поутихли, обе стороны согласились начать переговоры.

Переговоры оказались трудными и долгими. 3 апреля 1935 г. саудовский представитель предложил свой вариант границы с Катаром, Договорным Оманом, Маскатом и Оманом, колонией и протекторатами Аден («красная линия», или «линия Фуада»). Британский делегат отверг вариант Фуада Хамзы и 25 ноября 1935 г. предложил новую линию границы, назвав ее «линией Рияда». Саудовский представитель, в свою очередь, отверг это предложение [Там же, р. 137].

Вторая мировая война и события первых послевоенных лет вынудили Англию (официально выступавшую от имени правителей соответствующих протекторатов) и Саудовскую Аравию, за спиной которой стояли США, надолго отложить рассмотрение вопроса о границах.

Поводом для возобновления переговоров явились действия поисковых групп «Арабиен-Америкен Ойл Компани» (АРАМКО), которые с согласия Эр-Рияда развернули геологические работы в спорных районах. В апреле 1949 г. британская политическая резидентура района Персидского залива официально опротестовала действия АРАМКО; протест не был принят Эр-Риядом. Более того, 28 мая 1949 г. Саудовская Аравия, следуя рекомендации АРАМКО, опубликовала декларацию о режиме территориальных вод в Персидском заливе и о своих правах на значительную часть шельфа [4, р. 12].

Односторонний акт Саудовской Аравии обеспокоил Англию. По настоянию британской политической резидентуры района Персидского залива летом 1949 г. с соответствующими декларациями выступили Бахрейн (5 июня), Катар (8 июня), Абу-Даби (10 июня), Кувейт (12 июня), Дубай (14 июня), Шарджа (16 июня), Рас-эль-Хайма (17 июня), Аджман (20 июня), Умм-эль-Кайвайн (28 июня); эмирят Фуджайра опубликовал аналогичную декларацию позднее. Во всех этих документах провозглашались права названных эмирятов на прилегающие к их территориям части континентального шельфа, исходя из существовавшей в те годы международной практики решения вопроса о морских границах. Решение вопроса о внешних границах было обусловлено проведением переговоров и консультаций с правительствами сопредельных стран «в соответствии с принципами справедливости, когда этого потребуют обстоятельства» [1, р. 215].

14 октября 1949 г. Саудовская Аравия предъявила притязания на юго-западную и южную части Абу-Даби. К направленной в Лондон ноте прилагался новый вариант границы. Эр-Рияд вознамерился отторгнуть от Абу-Даби три района на западе (Маджан, Себхат-Матти и Байнуна), три – на юго-западе (Каффат, Лива и Дафран) и два – на юго-востоке (Рамлат-эль-Хамра и оазис Бурайми).

Британское министерство иностранных дел в ноте от 30 ноября 1949 г. отвергло посягательства Саудовской Аравии, но выразило желание продолжить переговоры о границах – сухопутных и морских. Переговоры состоялись в Лондоне 8–24 августа 1951 г., однако не дали результатов. Они возобновились 28 января 1952 г. в Джидде. Попытка англичан возродить «линию Рияда» была отвергнута саудовцами. 14 февраля 1952 г. переговоры были прерваны [6, р. 196].

В августе 1952 г. король Ибн Сауд, активно подстрекаемый американцами, санкционировал вторжение отряда иррегулярной «белой армии» в оазис Бурайми и оккупацию поселка Хамаса. Англичане усмотрели в этом акте «неуважение к Великобритании». По их указанию к оазису Бурайми были стянуты объединенные силы Абу-Даби и Омана, которые, не ввязываясь в вооруженную борьбу, блокировали саудовский гарнизон в Хамасе. Конфликт затянулся. Попытка решить его с учетом действительных причин возникновения (т.е. путем предоставления британским нефтяным компаниям права вести разведку на нефть в северной части оазиса, а американским – в южной) провалилась. Во второй половине 1954 г. вопрос об оазисе Бурайми был передан на рассмотрение Международного арбитражного трибунала [6, р. 201].

30 июля 1954 г. в Ницце трибунал принял Арбитражное соглашение: вопрос был квалифицирован как спор между Саудовской Аравией и Абу-Даби (а не Англией); решить этот вопрос рекомендовалось, подходя к нему исторически. Лондон категорически отверг Арбитражное соглашение.

В середине мая 1955 г. в оазис Бурайми были переброшены руководимые британскими офицерами «скауты Договорного Омана», которые выбили саудовский гарнизон из Хамасы. Эр-Рияд ответил посылкой в Лондон ноты протеста. Протест поддержала Лига арабских государств (ЛАГ), которая квалифицировала действия Англии как агрессию. Вопрос об оазисе Бурайми вновь был передан Международному арбитражному трибуналу.

Заседание трибунала в Женеве (11–16 сентября 1955 г.) было фактически сорвано английскими представителями. Затяянный ими спор с саудовскими представителями по ряду второстепенных вопросов сделал невозможным рассмотрение главной проблемы. В результате трибунал прекратил работу, а его председатель сложил с себя полномочия.

В Лондоне было принято решение закрепить дипломатическую победу новыми военными акциями в Восточной Аравии. 26 октября 1955 г. отряды «скаутов Договорного Омана», военно-полицейских сил Абу-Даби и сил обороны Омана вновь вторглись в оазис Бурайми и, действуя под прикрытием танков и самолетов, заняли Хамасу. Саудовская администрация, остатки охранного отряда и жители, сочувствовавшие саудовцам, были изгнаны оттуда.

На сей раз официальный Лондон действовал открыто, мотивируя это тем, что «нет надежд на мирное урегулирование данного территориального спора» [Ibid.]. Большинство арабских стран усмотрело в действиях Англии опасный прецедент. 14 ноября 1955 г. ЛАГ приняла

специальную резолюцию, заклеймившую военное вмешательство Англии. Ведущие империалистические державы предпочли сохранить нейтралитет. Даже США, к которым Саудовская Аравия обратилась с просьбой о помощи, воздержались от открытого вмешательства в конфликт.

В начале 1956 г. Эр-Рияд вновь вернулся к проблеме оазиса Бурайми. В связи с этим в Вашингтоне состоялись англо-американские переговоры, на которых присутствовал саудовский представитель. Попытка сторон прийти к соглашению, минуя Совет Безопасности ООН, оказалась неудачной. Не дала положительных результатов также встреча в Вашингтоне 8 февраля 1956 г. представителей США, Англии и Франции.

Хотя конфликт из-за оазиса Бурайми превратился в постоянно действующий фактор, препятствующий решению вопроса о сухопутных и морских границах в Восточной Аравии, о нем пришлось временно забыть: события, разыгравшиеся в Омане, а затем в Египте, отодвинули его на второй план. Только летом 1960 г. возобновились переговоры между Саудовской Аравией и Абу-Даби. В августе того же года Саудовская Аравия и Англия договорились воспользоваться посредничеством Генерального секретаря ООН У Тана, и в сентябре оазис Бурайми посетила миссия Х. де Риббинга. Однако серьезному рассмотрению рекомендаций Х. де Риббинга помешал кувейтский кризис 1961 г., которому ООН уделила самое серьезное внимание.

В декабре 1961 г. в Лондон для переговоров прибыли саудовские представители; состоявшийся обмен мнениями сделал возможным проведение в сентябре 1962 г. официальных переговоров. В расчете на помочь Англии в борьбе против йеменской революции Саудовская Аравия отказалась от притязаний на оазис Бурайми и прибрежную полосу к востоку от залива Эль Удайд, находившуюся под контролем Абу-Даби. В ответ Англия дала необходимые гарантии [5, р. 92–93].

Между тем, вопрос о границах между Саудовской Аравией и Абу-Даби так и остался открытым. Оазис Бурайми был далеко не единственной территорией, принадлежность которой являлась предметом их спора. Начавшиеся в середине 1963 г. переговоры между Саудовской Аравией и Абу-Даби в присутствии британских чиновников были вскоре прерваны. Возобновить их удалось только на рубеже 1968–1969 гг.

Этому содействовали два обстоятельства: во-первых, решение Англии вывести британские вооруженные силы к концу 1971 г. из района к востоку от Сuez'a; во-вторых, принятые ею меры по объединению шейхств Восточной Аравии в некое единое государство, прообраз которого возник 1 марта 1968 г. в виде Федерации эмирата Персидского залива (ФЭПЗ).

В мае 1969 г. в Эр-Рияд для встречи с королем Фейсалом прибыл правитель Абу-Даби шейх Заид бен Султан ан-Нахайан. Переговоры не удалось, т.к. высокий гость сразу был поставлен в известность о том, что Саудовская Аравия намерена вернуть себе оазис Бурайми после ухода Англии из региона к концу 1971 г., поскольку упомянутый оазис является неотъемлемой частью саудовской территории. Признание саудовских претензий на оазис Бурайми Фейсал связал с признанием ФЭПЗ.

Провал переговоров ухудшил отношения между Саудовской Аравией и Англией. Ситуация еще более осложнилась из-за искусственно раздотой Западом проблемы «безопасности района Персидского залива», под влиянием которой стали натянутыми отношения между Саудовской Аравией, Ираком и Ираном. В июле 1970 г. Эр-Рияд, вняв советам США, попытался смягчить противоречия предложением вернуть в оазис Бурайми ранее изгнанное оттуда саудовское население, а затем провести референдум для определения дальнейшей судьбы Бурайми; попытка не дала желаемых результатов. Создавшаяся напряженность заставила правителей эмирата Восточной Аравии спешно провести совещание по вопросу о морских и сухопутных границах, а также о возникшей в районе Персидского залива обстановке, которую Англия пожелала использовать как повод для отмены решения о выводе своих вооруженных сил к концу 1971 г. Однако выработать какое-либо контрпредложение совещанию не удалось. Безрезультатными оказались и попытки Дубая, а затем Бахрейна взять на себя посредничество в переговорах между Саудовской Аравией и Абу-Даби. Даже поездка саудовской делегации в Лондон в декабре 1970 г. ничем не способствовала разрядке.

С приближением 10 декабря 1971 г. – срока вывода британских вооруженных сил – противоречия между странами района Персидского залива еще более обострились. Саудовская Аравия, в частности, продолжала настаивать на своих территориальных требованиях и категорически отказалась признать новое федеративное государство – Объединенные Арабские Эмираты. Со своей стороны, правительство ОАЭ отвергло все притязания Саудовской Аравии. Реакционная британская пресса не без умысла рекомендовала обеим сторонам решить пограничный спор силой оружия; к тому же склонялась американская пресса. Правящие круги стран района Персидского залива предпочли мирное урегулирование конфликта [5, р. 167–168].

На рубеже 1973–1974 гг. были возобновлены контакты между официальными лицами Саудовской Аравии и ОАЭ. На сей раз обмен мнениями проходил при закрытых дверях и без какого-либо посредничества. 21 августа 1974 г. наконец состоялось подписание договора. Саудовская Аравия практически уступила ОАЭ оазис Бурайми, за что получила

выход к Персидскому заливу через коридор, протянувшийся между ОАЭ и Катаром до залива Эль-Удайд. Уточнение прочих границ между Саудовской Аравией и ОАЭ было поручено смешанной пограничной комиссии. Венцом договора стало официальное признание Саудовской Аравией ОАЭ и решение сторон об установлении дипломатических отношений на уровне послов.

Для ОАЭ, точнее для Абу-Даби, все это означало известные территориальные потери. К тому же Абу-Даби пришлось отказаться от притязаний на месторождение нефти в районе Зарара – Шуэйба.

Многие десятилетия тянулись также распри между вошедшими в состав ОАЭ эмирятами и султанатом Оман.

Оман издавна претендовал на территорию, раскинувшуюся между полуостровами Мусандам и Катар. С XIII по XVIII вв. она не раз входила в состав Омана или попадала под его контроль. Англия, приступившая в самом начале XIX в. к реализации плана закабаления всего района Персидского залива, широко использовала в своих целях традиционную вражду между племенами Омана и «Пиратского берега». Формально поддерживая идею «Большого Омана», британские колонизаторы пользовались помощью оманских вооруженных сил во время кампаний 1806, 1809, 1814–1816 и 1819 гг., конечным результатом которых было покорение племен «Пиратского берега».

Оман, разумеется, ничего не получил от политического и военного союза с Англией. После превращения «Пиратского берега» в фактическую колонию Британской империи, его территория стала недосыгаема для Омана. Однако то обстоятельство, что Англия явно не спешила с установлением точных границ между Оманом и «Пиратским берегом», вселяло честолюбивым правителям династии Аль бу Саидов надежды на лучшее будущее. Британские колонизаторы – опытные мастера политики «разделяй и властвуй» – подогревали эти надежды, периодически в переговорах с Саидом бен Султаном (1807–1856) возвращаясь к идеи «Большого Омана». Неслучайно в середине XIX в., окончательно утвердившись в пределах «Пиратского берега», они официально переименовали его в «Договорный Оман». При султане Фейсале бен Турки (1888–1913) оманские отряды не раз вторгались в пределы Договорного Омана [8, р. 283–285].

Результаты политики Аль бу Саидов оказались весьма плачевными, подрывающими идею «Большого Омана»: Оман утратил восточноафриканские владения (о-ва Занзибар и Пембу), страна была расчленена на султанат Маскат и имамат Оман. Прирезанная в 1891 г. к Оману за счет Договорного Омана северная оконечность п-ва Мусандам была жалкой подачкой англичан, несоизмеримой с общими потерями.

Тем не менее, маскатские правители не оставляли идею «Большого Омана». В 1920–1940-х гг. пограничные конфликты на границах между Маскатом и Договорным Оманом были обычным делом.

В начале 1950-х гг. правитель Рас-эль-Хаймы, воспользовавшись маскато-оманским конфликтом, отторг от Маската часть побережья Персидского залива у северной оконечности п-ова Мусандам и установил контроль над прилегающей к ней зоной континентального шельфа. С оккупированной территории были выселены все подданные маскательского султана Саида бен Теймура (1932–1970); шельф был передан в концессию американской нефтяной компании.

Во второй половине 1950-х гг., после того, как войска Маската с помощью Англии заняли Оман, Саид бен Теймур занялся подготовкой ответного удара. Однако нанести его помешал конфликт из-за оазиса Бурайми.

В начале 1970-х гг. положение на границе между Оманом и ОАЭ обострилось до предела. В 1972 г. оманские вооруженные силы захватили некоторые анклавы эмирата Шарджа и оккупировали часть территории эмирятов Рас-эль-Хайма и Фуджайра. Развитию конфликта помешало то обстоятельство, что ЛАГ осудила военные действия и способствовала их прекращению.

13 декабря 1973 г. начались переговоры между ОАЭ и Оманом. С некоторыми перерывами они продолжались в течение 1974 г., затем были прерваны и возобновились в 1976 г.

25 ноября 1975 г. в Маскате состоялось совещание министров иностранных дел эмирятов Восточной Аравии, включая Оман. Участники совещания рассмотрели вопрос о границах (сухопутных и морских), обсудили основные пограничные конфликты и подтвердили необходимость создания комиссий по демаркации границ. Вмешательство шахского Ирана, создавшего напряженную обстановку в районе Персидского залива, помешало реализации принятых решений [8, р. 302–303].

В начале 1977 г. Оман официально предъявил притязания на прибрежную полосу протяженностью 16 км в северо-восточной части эмирата Рас-эль-Хайма (на п-ове Мусандам), а также на трехмильную зону территориальных вод (район Рас-Шаам). Иран поддержал притязания Омана.

В декабре 1977 г. в Абу-Даби начались переговоры по территориальным и пограничным вопросам между представителями ОАЭ и Омана. Первый тур переговоров, происходивший за закрытыми дверями, прошел успешно. В январе 1978 г. переговоры были возобновлены. Второй тур также дал позитивные результаты: Оман согласился на мирное урегулирование конфликта с Рас-эль-Хаймой, за что ему было обещано возобновление финансовой помощи, прерванной в 1956 г.

Вмешательство Ирана, задавшегося целью «отдалить» ОАЭ от Ормузского пролива, помешало развитию достигнутых успехов. На Оман было оказано давление и, когда в начале марта 1978 г. в Маскат прибыла делегация ОАЭ, правительство Омана отказалось от дальнейших переговоров. Более того, в занятых оманскими войсками районах ОАЭ было продолжено строительство порта и ряда промышленных объектов; средства на это предоставил Иран.

Правящие круги ОАЭ приняли меры, препятствовавшие развитию конфликта. Они даже выразили желание частично пойти на уступки Оману, однако этому воспрепятствовал эмир Рас-эль-Хаймы.

Революция в Иране произвела сильное впечатление на правящие круги Омана. Лишившись поддержки шахского режима, они проявили интерес к переговорам с ОАЭ. В феврале 1979 г. Абу-Даби посетил министр иностранных дел Омана, предложивший обсудить целый ряд вопросов, в т.ч. вопрос о взаимных территориальных претензиях. В Абу-Даби инициатива Омана была встречена позитивно. Во второй половине сентября 1979 г. в Салалу прибыл со свитой вице-президент и премьер-министр ОАЭ шейх Рашид бен Саид аль-Мактум. Он был немедленно принят султаном Кабусом бен Саидом. Переговоры были продолжены. В конце 1979 г. было объявлено, что ОАЭ и Оман решили ликвидировать конфликт мирным путем, достигнув договоренности методом взаимных уступок [3, р. 139].

Последующие события показали, что эта декларация вовсе не означала конец конфликта. Неоднократные заявления официальных представителей ОАЭ о несогласии с прозападным внешнеполитическим курсом Омана повлекли за собой новое ухудшение отношений между двумя странами. В начале 1980 г. правительство Омана официально заявило о своем намерении добиваться отторжения от ОАЭ части побережья Персидского залива, некоторых областей в районе Руус-эль-Джебаль и на побережье Оманского залива. Об экспансионистских намерениях правящих кругов Омана свидетельствовал, в частности, выпуск в марте 1980 г. в Маскате почтовой марки, на которой была изображена карта Омана в новых границах с включением значительной части территории ОАЭ. Все это означало, что конфликт между ОАЭ и Оманом вступил в очередную фазу. Как считают многие обозреватели, рост территориальных притязаний Омана, пользующегося широкой поддержкой США и Египта, был вызван стремлением американских правящих кругов закрепить за США стратегически важные позиции на побережье Ормузского пролива и на подступах к нему для усиления своего военного присутствия в районе Персидского залива.

Однако не только региональная, но и в целом geopolитическая ситуация резко изменилась после «Исламской революции» в Иране 1979 г. и началом ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Произошли резкие перемены в расстановке мировых сил и, пока два самых главных игрока зоны Персидского Залива были временнонейтраллизованы, шесть нефтедобывающих аравийских монархий объединились в 1981 г. Совет сотрудничества аравийских государств Залива.

По сути, главным стимулом союза являлось стремление к сохранению и упрочению монархических режимов. Ради этого пришлось не ликвидировать, но как бы консервировать, заморозить на времена старые претензии и противоречия. Создался определенный статус-кво, с некоторыми издержками действующий до сих пор.

Библиографический список / References

1. A Handbook of Arabia. Vol. 1-2. L., 1920.
2. Al-Baharna H.M. The legal status of the Arabian Gulf States. A study of their treaty relations and their international problems. Manchester, 1968.
3. Arabia: The Gulf and the West. L., 1980.
4. Aramco 1973. Dammam, 1974.
5. Duke A.J. Arab states of the Lower Gulf. Washington, 1988.
6. Finnie D.H. Desert Enterprise. Cambridge, 1958.
7. The Cambridge history of British foreign policy (1783–1919). Vol. 3. Cambridge, 1923.
8. Townsend J. Oman: The making of a modern state. N.-Y., 1977.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025, принята к публикации 10.08.2025
The article was received on 19.06.2025, accepted for publication 10.08.2025

Сведения об авторе / About the author

Родригес-Фернандес Александр Мануэльевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Aleksander M. Rodriges-Fernandes – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Asia and Africa of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: am.rodriges-fernandes@mpgu.su

Международные отношения: история и современность

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-80-99

УДК 94(439).06+94(47).082/.083

Е.Е. Юдин

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

От «монархической» солидарности к формированию образа «врага»: политические контакты российской и австрийской имперских элит в 1885–1914 гг.

Статья посвящена исследованию политических контактов российской и австрийской имперских элит (монархи, дипломаты, придворная аристократия) в 1885–1914 гг. Многочисленные источники, как официального, так и неофициального характера, в т.ч. отчеты и донесения дипломатов, частная переписка, дневниковые и мемуарные записи, позволяют выявить, каким образом российско-австрийские отношения этого периода эволюционировали от «монархического» союза к полному охлаждению и взаимной враждебности. Определяющим фактором в этом отношении, на наш взгляд, стали не только прагматические соображения экономического или политического характера, но и тотальное проникновение в сознание имперских элит националистической идеологии, опиравшейся на абсолютно мифологизированные конструкты. Именно она в конечном счете легла в основу внешнеполитического курса двух империй, Австро-Венгерской и Российской, и блокировала любую возможность достижения политического компромисса между ними.

© Юдин Е.Е., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: российско-австрийские отношения, император Николай II, император Франц Иосиф I, происхождение Первой мировой войны, имперская элита

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юдин Е.Е. От «монархической» солидарности к формированию образа «врага»: политические контакты российской и австрийской имперских элит в 1885–1914 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 80–99. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-80-99

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-80-99

E.E. Yudin

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

From “monarchical” solidarity to the formation of the image of the “enemy”: Political contacts between the Russian and Austrian Imperial elites in 1885–1914

The article is devoted to the study of political contacts between the Russian and Austrian imperial elites (monarchs, diplomats, court aristocracy) in 1885–1914. Numerous sources, both official and unofficial, including reports and dispatches from diplomats, private correspondence, diary entries and memoirs, reveal how Russian-Austrian relations during this period evolved from a “monarchical” alliance to complete cooling and mutual hostility. In our opinion, the determining factor in this regard was not pragmatic considerations of an economic or political nature, but the total penetration of nationalist ideology into the consciousness of the imperial elites, based on absolutely mythologized constructs. It was she who eventually formed the basis of the foreign policy of the two empires, the Russian and the Austro-Hungarian, and blocked any possibility of reaching a political compromise between them.

Key words: Russian-Austrian relations, Emperor Nicholas II, Emperor Franz Joseph I, the origin of the First World War, imperial elites

FOR CITATION: Yudin E.E. From “monarchical” solidarity to the formation of the image of the “enemy”: Political contacts between the Russian and Austrian Imperial elites in 1885–1914. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 80–99. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-80-99

Война между Россией и Австро-Венгрией, причем война нового тотального характера, где одна сторона добивалась полного расчленения территории противника, а другая стремилась отодвинуть его границы к «азиатским» областям, была определена правящими элитами двух империй отнюдь не летом 1914 г., а, по сути, еще в середине 1880-х гг. Более того, несмотря на последующие периоды «потепления» в отношениях двух держав, принципиальная позиция имперских элит России и Австро-Венгрии, очень сходных по своему составу – чиновная бюрократия, генералитет, земельная аристократия – в отношении друг друга претерпела незначительную эволюцию к 1914 г. Для российских правящих кругов этого времени Австро-Венгрия представлялась новым кандидатом в «большого человека» Европы, проводником враждебного «славянскому делу» германизма и мадьяризма, важнейшим препятствием на пути установления российского господства над черноморскими проливами. В свою очередь австрийских имперских политиков Россия пугала экзистенциальным «нависанием» над владениями Габсбургов, своей панславистской идеологией, поддержкой балканских народов и, в целом, всем своих духом «азиатской деспотии».

Отношение двух последних российских самодержцев – Александра III и Николая II – к Австро-Венгерской монархии изначально было крайне прохладным и даже враждебным. Это объяснялось как отсутствием в силу религиозных различий брачных союзов между Романовыми и Габсбургами, так и политическими соображениями. В последние десятилетия XIX в., по словам М. Ферро, к австрийскому императорскому дому в Петербурге относились с «презрением и злопамятством» [16, с. 66]. Романовы не могли простить Австрии ее «страшную неблагодарность» во время Крымской войны и то, что во время балканских конфликтов между 1878 и 1887 гг. Габсбурги всегда занимали враждебную России позицию [10, с. 283]. В период Боснийского кризиса (1908) Николай II на полях записки управляющего делами МИД Н.В. Чарыкова вполне симптоматично начертал: «Нужно всегда иметь в виду вековое двуличие (подчеркнуто в документе. – Е.Ю.) австрийской политики» [11, с. 239].

В специальных исследованиях, посвященных российской внешней политике той эпохи, отмечается, что в отношениях между Санкт-Петербургом и Веной с середины 1880-х гг. до середины 1890-х гг. доминировала «глухая вражда» [4, с. 234–243; 13, с. 161]. Так, в инструкции, данной в марте 1895 г. в Министерстве иностранных дел Российской империи графу П.А. Капнисту при его назначении на пост посла в Вене, отношения двух держав однозначно определялись как соперничество, а стратегические намерения на Балканах Австро-Венгрии виделись в намерении «заменить своим влиянием вековое влияние России, проистекающее из единоверия и единоплеменности» [14, с. 113]. В своем обзоре внешней политики России в правление Александра III, который В.Н. Ламздорф подал Николаю II в конце 1894 г., говорилось, в частности, что «опыт выявил полную несовместимость интересов Австро-Венгрии на Балканском полуострове, как в то время их понимало правительство императора Франца Иосифа, с нашими задачами в этих странах», а политика монархии Габсбургов приняла «вызывающий и экспансивный характер»¹.

Для российской имперской элиты было характерно презрительное и враждебное отношение к монархии Габсбургов, что мотивировалось как исторической «изменой» Австрии, так и ослаблением ее военной мощи.

После неожиданной смерти российского министра иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского в августе 1896 г. (в 1882–1895 гг. он занимал пост посла в Вене) граф Густав Кальноки в письме А. фон Эренталю заметил, что тот не стоит ни единой слезы, поскольку «оценивал Австро-Венгрию как великую державу весьма невысоко» и высказывал сомнения, что «она останется существовать и в будущем» [3, с. 145]. Новый посол в Вене граф П.А. Капнист определял в письме Ламздорфу (26.06/09.07.1903) политическую ситуацию в Австро-Венгрии как перманентно кризисную и подчеркивал, что «дуалистический режим начинает давать трещину», оперируя привычными для российских правящих верхов клише².

В донесениях российских дипломатов в Санкт-Петербург общим местом стало скептическое отношение к перспективе длительного сохранения Австро-Венгерской империи, подчеркивались кризисные моменты ее развития и замалчивались успешные. Так, например, вплоть до начала Первой мировой войны Генеральное консульство России

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 568. Ламздорф Владимир Николаевич, министр иностранных дел. Оп. 1. Ед. хр. 53. Обзор внешней политики России за время царствования Александра III. Л. 2–2 об.

² Там же. Ед. хр. 525. Гр. Капниста П.А. Л. 57.

в Будапеште постоянно отправляло в Петербург донесения, в которых сообщалось о неизбежности раз渲ала таможенного союза Австрии и Венгрии в условиях роста антагонизма между австрийскими и венгерскими промышленниками, но ни слова не говорилось о складывании на территории Дунайской монархии единого экономического пространства с полной свободой передвижения инвестиций, технологий, товаров и рабочей силы [8, с. 158]. В январе 1914 г. в своей докладной записке Николаю II министр иностранных дел С.Д. Сазонов, опираясь на последние донесения консульских представителей в Австро-Венгрии, заключал, что в результате «народных движений» империя Габсбургов стоит перед выбором либо «федерализма», либо «конечного преобладания германо-венгерского меньшинства»³.

Последние Романовы довольно спокойно относились к перспективе распада Дунайской монархии, что стимулировало соответствующее планирование высших военных чинов. В 1898 г., когда стало известно о тяжелой болезни старого императора Франца Иосифа I, французский военный атташе в Петербурге сообщал в Париж, что российский Генеральный штаб и панслависты вынашивают планы расчленения Австро-Венгрии, что они уже не удовлетворяются выходом только к карпатской границе, но и расширяют свои претензии вплоть до Босфора [22, р. 69]. По словам В.А. Сухомлинова, российского военного министра в 1909–1915 гг., для него уже тогда, а с 1903 г. – «совершенно определенно», выяснилась вероятность столкновения с Габсбургской монархией⁴.

Царские дипломаты были более осторожны в своих предложениях. Министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев, признавая в своем секретном письме (04.05.1900) князю Л.В. Урусову, российскому послу в Париже, что империя Габсбургов удерживается от распада в значительной степени личностью и авторитетом императора Франца Иосифа, тем не менее, полагал, что «приписываемая нам некоторой частью иностранной печати стремление округлить российские владения до Карпатских рубежей отнюдь не может входить в наши политические расчеты»⁵. Князь Урусов разделял мнение министра иностранных дел, что распад империи Габсбургов «в высшей степени нежелателен», но высказывал

³ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства 1878–1917 гг. М.; Л., 1931. Сер. III. Т. 1. С. 61.

⁴ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 267.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 568. Ламздорф Владимир Николаевич, министр иностранных дел. Оп. 1. Ед. хр. 74. Переписка министра иностранных дел с русским послами в Германии и Франции о возможности расчленения Австро-Венгрии. Л. 9 об. – 10.

опасение, что государство Гогенцоллернов с «его идеологией германского национализма и жажды власти» в случае распада империи Габсбургов обязательно перейдет южную границу⁶.

В инструкции, выданной в 1905 г. министерством иностранных дел князю Л. Урусову в качестве нового посла в Вене, по мнению Д. Ливена, отразилось «глубинное отношение» правящих кругов Российской империи к монархии Габсбургов [9, с. 239]. В документе, в частности, отмечалось, что империя Габсбургов вступила на путь предоставления все большей автономии своим народам, поскольку уже не в состоянии поддерживать мощную, централизованную систему управления. В инструкции при этом обращалось внимание, что эволюция монархии Габсбургов в сторону федерации с возрастающей ролью славян-католиков может создать опасный в своей притягательности прецедент для славян, в том числе подданных Российской империи [Там же].

Взгляды Романовых на славянское население монархии Габсбургов как на своих будущих подданных коренились в идеологии русских панславистов и не являлись таким уж большим секретом. Николай II был искренне убежден в симпатиях славянских народов Австро-Венгрии к России. В этом он мог убедиться лично, когда в августе 1885 г. сопровождал своего отца императора Александра III на встрече с императором Францем Иосифом I в моравском Кремзире (Кромержиже). Местные чешские журналисты, проникнутые традиционным русофильством, восторженно описывали российскую царскую семью, а в цесаревиче Николае они уже увидели «будущего правителя славянской империи». И царь, и члены его окружения были удивлены восторженным приемом местных жителей, которые кричали ему не только «Слава», но и «Ура!» [24, S. 273].

В сходном духе виделся Николаю его визит в Вену в 1891 г. В известной книге Э. Ухтомского наряду с описаниями, как «император Франц Иосиф самым сердечным образом обнимет и целует Высокого Гостя» и как «русский престолонаследник столь же тепло здоровается с эрцгерцогом Карлом Людвигом», соседствовал рассказ, как на улицах столицы Габсбургов российского цесаревича восторженно приветствовали хорватские и сербские студенты, а чешская молодежь громогласно воскликала «Слава!»⁷. Как известно, Ухтомский писал эту книгу, советуясь

⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 568. Ламздорф Владимир Николаевич, министр иностранных дел. Оп. 1. Ед. хр. 74. Переписка министра иностранных дел с русским послами в Германии и Франции о возможности расчленения Австро-Венгрии. Л. 11–16.

⁷ Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича, 1890–1891. СПб., 1893. Т. 1. С. 16–17.

с Николаем, который лично подверг это издание цензуре [15, с. 441]. Об особой миссии России в отношении европейских славян, в том числе балканских, Николай II периодически в последующие годы высказывал австро-венгерским и германским дипломатам [7, с. 189].

Как подчеркивал позже Ф. Конрад фон Хётцендорф, особую опасность для Австро-Венгрии представляли «сохранение великокорабской идеи под покровительством России» и в «обозримом будущем» территориальные претензии России в Галиции, особенно в восточной части, населенной русинами, на что указывало, по его мнению, и возобновившаяся в предвоенные годы «энергичная агитация в Галиции со стороны России»⁸.

Разрыв отношений с империей Габсбургов после объявления войны в августе 1914 г. и вторжение русских войск в Галицию позволили верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу, безусловно, с прямой санкции царя во всеуслышание предъявить притязания на австро-венгерские территории [6, с. 15]. Неудивительно, что в первые дни после объявления войны в Петербурге прошли демонстрации за «освобождение» Чехии, а 20 августа Николай II принял делегацию чешских обществ, которая вручила ему патетический, в славянофильском смысле составленный меморандум, в котором российскому императору предлагалась чешская корона Святого Вацлава [17, S. 671]. Эта инициатива горстки чешских эмигрантов стимулировала российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова в своих первых переговорах с державами Антанты о целях России в войне говорить не только о приобретении всей Польши, но и об «освобождении» Чехии [25, S. 295]. В ноябре 1914 г. Николай II перед французским послом в России М. Палеологом развел свои взгляды на условия будущего мира. Царь думал положить конец существованию Австро-Венгерской империи, отделив от нее Чехию, так чтобы Австрия свелась к старым наследственным владениям Габсбургов, включавшим также немецкий Тироль и Зальцбург⁹.

С начала 1880-х гг. правящие круги Австро-Венгрии с тревогой наблюдали за ростом националистических настроений в российском обществе и при петербургском дворе. Так в апреле 1887 г. австро-венгерский военный атташе в Санкт-Петербурге Э. Клепш писал А. фон Эренталю: «Мы живем здесь, находясь в центре самого зловещего явления <...> С кем бы (здесь и далее – подчеркнуто в документе. – Е.Ю.)

⁸ Feldmarschall Conrad von Hötzendorf. Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. Band 2. 1910–1912. Die Zeit des lybischen Krieges und des Balkankrieges bis Ende 1912. Wien; Berlin, 1922. S. 80–81.

⁹ Палеолог М. Дневник послы. М., 2018. С. 171–172.

я не разговаривал, постоянно слышу: России угрожают со всех сторон (т.е. Германия и мы) – России необходимо сосредоточиться на своей защите – только в этом якобы и заключается опасность войны. Однако тебе как другу расскажу и то, что эти более или менее высокие господа говорят между собой <...> Говоря кратко, это то, что я называю политической директивой России и то, что, конечно же, никогда и нигде публично не провозглашается <...> Германия должна быть повержена, потому что она слишком сильна. Русское слово заглушается, и России препятствуют выполнять ее святую национальную миссию, которую здесь распространяют от Балканского полуострова до – двухвосткой – на севере до Будвайза и на юге включая Иллирию – территории, которые профессор Ломанский называет внутренним вопросом России. Австрию же необходимо низвергнуть как конкурентку и собственницу того, чем самим бы хотелось владеть <...> Император Александр III <...> прислушивается лишь к тем людям, которые принадлежат к панрусской партии¹⁰.

Австро-венгерский посол в России в 1894–1898 гг. князь Ф. фон Лихтенштейн в своих официальных посланиях в Вену отмечал, что поспешными оказались надежды на стремление Николая II к сближению с германскими монархиями, т.к. никто в достаточной степени не принимал во внимание настроения, которые царили в этой стране со временем Александра III. По его наблюдениям, панславизм «разыгрывался» на самом верху, в высших кругах и в кругах серьезных государственных деятелей, и в силу своего слияния с православием оставался идеей, на которую даже высокопоставленным лицам было трудно нападать напрямую¹¹. Что касается Николая II, то его собственные высказывания, по словам австрийского посланника, говорили о проникновении в его сознание этой ксенофобской идеологии. При этом ни женитьба на немке, ни близкие отношения с германской правящей династии не могли этого изменить [3, с. 254].

В окружении Николая II среди его министров, дипломатов и высших военных трудно было найти тех, кто был готов к длительно му стратегическому партнерству с империей Габсбургов, и к 1914 г. ключевые посты в российском политическом и военном руководстве по-прежнему занимали лица, настроенные на «экзистенциальном» уровне к Австро-Венгрии крайне враждебно – министр иностранных

¹⁰ Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen und Außenpolitik. 1885–1912. Teil 1. Graz, 1994. S. 18–20.

¹¹ Ibid. S. 156.

дел С.Д. Сазонов; военный министр В.А. Сухомлинов¹²; великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич, женатые на черногорских принцессах Анастасии и Милице Петрович-Негош¹³; российский посол в Париже А.П. Извольский, назвавший в свое время Эренталя «грязным евреем». Как замечает А. Скрживан, убежденность А. фон Эренталя как политика в том, что совместное движение России и Австро-Венгрии является необходимым и выгодным для обеих стран, представляется самообманом, который трудно понять [26, S. 107]. Граф О. Чернин, министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1916–1918 гг., констатировал, что к 1914 г. в России был царь, «который не знал, чего хотел, и не мог выполнить, что хотел, – и военная партия, которая толкала к войне, несмотря ни на что»¹⁴.

Со временем австрийские правящие круги приходили к выводу, что главную угрозу безопасности Европе и их империи представляла именно эта влиятельная «военная партия» в Петербурге, питавшаяся шовинистическими идеями русских неославянофилов. И что более всего вызывало в Вене тревогу – то, что эти идеи разделял в определенной степени сам царь, чья самодержавная политика носила зачастую импульсивный и иррациональный характер. В ноябре 1912 г. австрийский посол в России граф Д. фон Турн передавал в Вену очередной ходивший в петербургском обществе слух, что царь был впечатлен недавним сном Распутина, в котором Россия предстала в полном вооружении, внезапно обнажила свой меч и с энтузиазмом ударила им во все стороны. С беспокойством австрийский представитель в Санкт-Петербурге отметил этот факт влияния «интригующих фанатиков» на политические решения «могущественного монарха» несмотря на то, что «западному уму» это кажется «почти непостижимым» [Ibid., S. 186].

В советско-русской литературе, как отмечал в свое время Т.М. Исламов, постоянно говорилось о наличии агрессивной «военной партии» в правящих австрийских кругах, к которой относили, как правило,

¹² Свои чувства во время Боснийского кризиса 1908–1909 гг. В.А. Сухомлинов выразил следующим образом: «Мне, бывшему начальнику юго-западного края, имевшему в виду в течение многих лет вероятность столкновения с Австрией, выступление габсбургской дипломатии, как военному министру, дало такой сильный толчок, что даже побледнела моя злоба, которую я питал к “коварному Альбиону” со времен Сан-Степанских дней» (Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 178).

¹³ По словам российского военного министра в 1905–1909 гг. А.Ф. Редигера, великая княгиня Милица Николаевна, будучи «ярой черногоркой», от «всей души ненавидела Австроилю и Франца Иосифа» (Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М., 1999. С. 102).

¹⁴ Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005. С. 19.

начальника Генерального штаба генерал Ф. Конрада фон Хётцендорфа¹⁵, губернатора Боснии и Герцеговины О. Потиорека, министра финансов Л. Билинского и военного министра М. Ауффенберга, но «обходилось молчанием, что сумасбродные идеи Конрада непременно отклонялись министром иностранных дел графом Л. Берхтольдом, эрцгерцогом и самим императором» [6, с. 16]. Так, сторонником этой «военной партии» часто называли наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда [12, с. 19]. По сути, это утверждение опиралось на единственный источник – сообщение российского посла в Вене Н.Н. Шебеко (6/19 мая 1914 г.) который утверждал, что наиболее резкие против России выступления «исходили от лиц, близко стоящих к наследнику престола»¹⁶. Абсолютно некритично к этому документу прибегают и в современных исследованиях [1, с. 35]. Однако в том же документе Шебеко оговаривается, что «при той замкнутости и несообщительности, которые характеризуют австрийских государственных деятелей», его выводы могут иногда быть «не вполне точными»¹⁷. Более того, российский посол в Вене заключал, что эрцгерцог ранее неоднократно высказывал свои дружественные чувства к России, как «некоторым членам нашей императорской семьи», так и другим лицам¹⁸.

Еще в 1897 г. Франц Фердинанд писал австро-венгерскому послу в Петербурге принцу Ф. фон Лихтенштейну, что абсолютно тесный союз с Россией – вот «идеал моей жизни, к которому я всегда буду стремиться и над которым работать» [19, S. 169]. Отто Кар Чернин признавал, что некоторые представители «военной партии» использовали эрцгерцога, чтобы вести от его имени военную пропаганду, но сам Франц Фердинанд, по его словам, всегда считал соперничество Вены и Петербурга на Балканах большой опасностью для дружеских отношений между двумя империями¹⁹. В ноябре 1903 г. хорошо осведомленный принц Ф. фон Лихтенштейн сообщал своей корреспондентке княжне М.А. Васильчиковой, что эрцгерцог Франц Фердинанд был

¹⁵ Главную внешнюю опасность для существования империи Габсбургов Конрад фон Хётцендорф видел, в «стремлении России расчистить себе путь к Константинополю путем разгрома Австро-Венгрии, обеспечить себе господство на Балканах и помешать устремлениям Германии в Азии». (Feldmarschall Conrad von Hötzendorf. Aus meiner Dienstzeit 1906–1918. Band 1. Die Zeit der Annexionskrise 1906–1909. Wien; Berlin, 1921. S. 27.

¹⁶ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства 1878–1917 гг. М.; Л., 1933. Сер. III. Т. 3. С. 39.

¹⁷ Там же. С. 40.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005. С. 61.

очень удовлетворен своей встречей с Николаем II в Мюрцштеге, а симпатия между ним и российским сувереном достигала степени «близкой дружбы»²⁰. Наследник австро-венгерского престола открыто говорил с царем о своих планах будущих внутренних реформ (создании Славянского королевства в составе Австро-Венгрии и в замене принципа дуализма государственного устройства монархии Габсбургов триализмом), жаловался на сильное давление, которое Берлин оказывал на Австрию, и на подчиненное положение, которое ей приходилось играть в Тройственном союзе [28, S. 197]. В свою очередь сам Николай II вынес после личной встречи не очень лестные впечатления о Франце Фердинанде. Так, в частности, в феврале 1912 г., он поведал тому же британскому послу Дж. Бьюкенену, как «был поражен и даже шокирован»²¹ откровенно неприязненными высказываниями Франца-Фердинанда в адрес своих будущих венгерских подданных. По словам царя, со стороны наследника австрийского престола едва ли подобало «выражаться подобным образом» в присутствии иностранного государя²².

Для сравнения супруга Франца Иосифа I императрица Елизавета (убита в 1898 г.) и их сын кронпринц Рудольф (ум. в 1889 г.) испытывали откровенную неприязнь к Романовым. Сопровождавший отца в Кремзире в августе 1885 г. на встрече с Александром III Рудольф откровенно насмехался над продемонстрированной там австро-российской дружбой (что показывают, например, его письма, адресованные Морицу Сепшу и графу Иосифу Латтуру фон Турмбургу)²³. Елизавета в своем стихотворном дневнике изобразила царскую семью в абсолютно карикатурном виде, сравнив ее с павианом в окружении обезьянок [20, S. 533]. Тогда же в августе 1885 г. в письме своей жене Стефании кронпринц Рудольф назвал царя и его окружение «вульгарным обществом» [Ibid., S. 534]. По его словам, русские в Кремзире выглядели настоящими «азиатами», и если во времена покойного императора они были по меньшей мере элегантны, то сейчас «даже некоторые из местных господ выглядят более благородно» [Ibid.]. В свиту императора

²⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5849. Васильчиковы, князья. Васильчиков Алексей Васильевич, сенатор, управляющий Вдовьим долгом, 1776–1854. Васильчиков Александр Алексеевич, сын А.В. Васильчикова, директор Эрмитажа, 1832 – не ранее 1896. Васильчикова Мария Александровна, doch, фрейлина, 1859–1934. Оп. 1. Ед. хр. 62. Письма принца Франсуа Лихтенштейна на французском языке. 21 декабря 1898 – 11 апреля 1904. Л. 283 об.

²¹ British documents on Foreign Affairs: reports and papers from Foreign Office confidential print. Part I. From the Mid-Nineteenth Century to the First World War. Series A. Russia, 1859–1914. Vol. 6. Russia, 1910–1914. Washington, 1983. P. 193.

²² Ibid.

²³ Kronprinz Rudolf. Schriften. Wien; München. 1979. S. 135.

Александра III, кстати, в этой поездке входили граф И.И. Воронцов-Дашков, генерал-адъютант О.Б. Рихтер, генерал-адъютант Г.Г. Данилович, генерал-адъютант П.А. Черевин, обер-гофмаршал князь С.Н. Трубецкой, флигель-адъютант граф А.В. Олсуфьев, камергер-барон А.А. Будберг, лейб-хирург Г.И. Гирш. Царя сопровождали также члены его семьи – императрица Мария Федоровна, наследник цесаревич Николай Александрович, великий князь Георгий Александрович, великий князь Владимир Александрович и великая княгиня Мария Павловна²⁴.

Два последних российских самодержца в своих политических действиях и публичных выступлениях балансировали между идеями традиционной монархии и националистического популизма, отвергая любые формы конституционализма. На этом фоне Франц Иосиф I, по выражению Х.-Х. Брандта, хотя и сохранял вплоть до конца своего правления «предконституционные и анациональные элементы» консервативной политической концепции [2, с. 413], на практике выступал в качестве конституционного монарха и чувствовал свою поддержку подданными. Габсбурги не испытывали страха перед своим населением и могли свободно перемещаться по улицам своих городов, что диссонировало с положением последних Романовых, которые после 1881 г. жили в постоянном страхе покушений, передвигались под постоянной защитой и полностью прекратили любые прямые контакты с населением. Во время встречи двух императоров в Кремзире у русской стороны, считавшей Австро-Венгрию «отжившим» политическим образованием, вызвала удивление и даже замешательство картина того, как Франц-Иосиф I ехал среди своих подданных в открытом экипаже практически без всякой охраны и наслаждался проявлением их преданности [24, S. 273]. Судя по сохранившимся в Австрийской национальной библиотеке фотографиям, даже в новоприсоединенном Сараеве (31 мая 1910 г.) император Франц Иосиф I передвигался в открытом экипаже по улицам, заполненным народом, в сопровождении только конной свиты [11, с. 160–161].

Если российские правящие круги сомневались в прочности Австро-венгерской империи по причине национальных движений, то в Вене были озабочены судьбой Романовых в связи с проблемами социального порядка. На коронации Николая II в Москве в мае 1896 г. присутствовала представительная австрийская делегация во главе с эрцгерцогом Евгением Фердинандом Людвигом из Тосканской ветви Габсбургов, троюродного брата императора Франца Иосифа I [3, с. 239]. Уже тогда

²⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 568. Ламздорф Владимир Николаевич, министр иностранных дел. Оп. 1. Ед. хр. 49. Материалы о свидании трех императоров в Кремсире и Скерневицах. Л. 53.

за фасадом пышных коронационных церемоний в Вене не преминули обратить внимание на угрожающие для российской монархии симптомы: «ужасная катастрофа» (Ходынка) бросила тень на этот «олимпийский праздник богов» (из письма Г. Кальноки Эренталю от 01.06.1896)²⁵.

В своих отчетах в Вену князь Франц Лихтенштейн сначала не хотел признавать неспособность молодого царя ориентироваться в политике: в молчании и бездействии Николая II в начале его правления он усматривал «мудрую осторожность» [цит. по: 3, с. 249]. Тем не менее, чуть позже он был вынужден был признать, что царь был фактически марионеткой императрицы-матери и находился под воздействием разного рода советников [3, с. 249]. Лихтенштейн приходил к выводу, что у царя нет ни единой политической идеи, ему не хватает последовательности в мышлении и действиях, и, самое главное, он не обладает достаточной силой и «далъше противостоять панславистскому напору» [цит. по: 3, с. 258]. Практически к таким же выводам приходил позднее А. фон Эренталь (инструкция своему преемнику в качестве посла в Санкт-Петербурге графу Л. фон Берхтольду (1906)²⁶). В своих воспоминаниях Берхтольд, представлявший Габсбургов в Санкт-Петербурге в 1906–1911 гг., отмечал, что за внешностью шармера, за словесным миролюбием и за всегда любезным отношением к австрийским дипломатам скрывалась историческая верность царя заветам «Завещания Петра Великого» [21, S. 33]. Берхтольд отмечал, что не успел Николай II отойти от потрясений революционного периода 1905–1907 гг., как уже в феврале 1908 г. вновь заявил ему как австрийскому послу, что важнейшей задачей российской политики остается поддержание славянской солидарности (царь не преминул подчеркнуть, что «он тоже русский») [18, S. 258].

Революционные события в России 1905–1906 гг. австрийские высшие круги восприняли со смешанным чувством тревоги (из-за подрыва прочности монархической системы) и определенного удовлетворения в ослаблении российской монархии, что могло временно ограничить ее экспансионистские намерения на Балканах. В Вене получали подробные сведения от своих дипломатических представителей в Санкт-Петербурге о Кровавом воскресенье и других событиях²⁷. В первых откликах доминировали сочувственные ноты в адрес царской семьи. Князь Франц фон Лихтенштейн в письме Марии Васильчиковой

²⁵ Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen und Außenpolitik. 1885–1912. Teil 1. Graz, 1994. S. 108.

²⁶ Ibid. S. 468.

²⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. р8091. Коллекция микрофотодокументов зарубежных архивов. Оп. 19а. Ед. хр. 17. Сообщение австро-венгерского посла о «Кровавом воскресенье». Л. 1–2.

(20.02.1905) назвал убийство великого князя Сергея Александровича «ужасной, жестокой катастрофой»²⁸. В декабре 1905 г. князь Макс Эгон Фюрстенберг сообщал Эренталю в Петербург, что «император, конечно, усиленно занят русскими делами и <...> испытывает к царю горячую симпатию»²⁹. Князь К. Шварценберг в письме Эренталю из Вены (02.01.1906) высказывал надежду, что тот благополучно вернется из России, «обогащенный впечатлениями, которым я не завидую как монархически настроенный человек»³⁰.

При этом даже представители консервативной австрийской аристократии главную проблему Николая II видели в его приверженности «деспотической» форме правления и затягивании процесса перехода к ограниченному конституционализму. В ноябре 1905 г. князь Франц фон Лихтенштейн писал Марии Васильчиковой, что, по его мнению, русское общество пожинает плоды политики Александра III, чья «система была чисто отрицательной»³¹. Принц Готфрид фон Гогенлоэ уже после созыва первой Думы сообщал австрийскому послу в Санкт-Петербурге А. фон Эренталю (18.05.1906): «Я все еще полагаю, что по настоящему большая катастрофа внутри этого несчастного государства еще впереди и что все, что произошло до сих пор, было лишь прелюдией. С 1789 по 1793 год прошло также всего 4 года!»³². Сам Эренталь в конце мая 1906 г. был убежден, что скоро окажется посреди «сумерек богов» дома Романовых»³³.

Австрийские дипломаты также внимательно следили за новым всплеском национализма в российском обществе. В конце 1906 г. барон Унгерн-Штернберг, представитель корреспондентского бюро австрийского посольства, дал подробные разъяснения графу Л. фон Берхтольду

²⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. р5849. Васильчиковы, князья. Васильчиков Алексей Васильевич, сенатор, управляющий Вдовым долгом, 1776–1854. Васильчиков Александр Алексеевич, сын А.В. Васильчикова, директор Эрмитажа. 1832 – не ранее 1896. Васильчикова Мария Александровна, дочь, фрейлина, 1859–1934. Оп. 1. Ед. хр. 63. Письма принца Франсуа Лихтенштейна на французском языке. 5 июля 1904 – 30 октября 1907 г. Л. 131 об.

²⁹ Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen und Außenpolitik. 1885–1912. Teil 1. Graz, 1994. S. 374.

³⁰ Ibid. S. 375.

³¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. р5849. Васильчиковы, князья. Васильчиков Алексей Васильевич, сенатор, управляющий Вдовым долгом, 1776–1854. Васильчиков Александр Алексеевич, сын А.В. Васильчикова, директор Эрмитажа. 1832 – не ранее 1896. Васильчикова Мария Александровна, дочь, фрейлина, 1859–1934. Оп. 1. Ед. хр. 63. Письма принца Франсуа Лихтенштейна на французском языке. 5 июля 1904 – 30 октября 1907 г. Л. 155 об. – 156.

³² Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen und Außenpolitik. 1885–1912. Teil 1. Graz, 1994. S. 380.

³³ Ibid. S. 386.

относительно организаций «истинно русских людей», к которым определенную симпатию стал испытывать царь и которые являются эпигонами «тех самых славянофилов» [21, S. 55]. Карл Эмиль фон Фюрстенберг также сообщал Эренталью (02/15.12.1906) об опасности с точки зрения влияния на царя этой партии «истинно русских людей», чьи акции всегда заканчиваются призывом «Долой конституцию и евреев»³⁴. На этом фоне, и здесь можно согласиться с выводами Д. Ливена, план Эрентая по возвращению к союзу трех восточноевропейских монархий – Габсбургов, Романовых и Гогенцоллернов – столкнулся в Вене с сильными внутренними лобби, противодействовавшими любым тесным отношениям с российским самодержавием. В них входили большинство германо-австрийцев, большинство либералов и католиков, почти все евреи и все социалисты [9, с. 78].

В период Боснийского кризиса 1908–1909 гг. и в последующие годы представители австрийской правящей элиты могли только констатировать дальнейший рост антиавстрийских настроений и новый всплеск панславистской пропаганды в России. Хотя в феврале 1910 г. нормальные дипломатические отношения России и Австро-Венгрии были восстановлены, но о никаком сближении двух держав речь уже не шла [5, с. 108]. Российский генеральный консул в Вене Л.В. Иславин доверительно сообщал в Петербург барону М.Ф. фон Шиллингу (21.02.1910), одному из близких в российском министерстве иностранных дел к С.Д. Сазонову лиц, что «наша Annaherung с Австрией что-то не клеится», объясняя это тем, что «мы часто грешили страстью и отсутствием последовательности, а они всегда извлекали из этого для себя пользу»³⁵. В декабре 1911 г. в своем секретном докладе эрцгерцогу Францу Фердинанду барон А. фон Эренталь констатировал, что царь Николай, несмотря на свои монархические убеждения и глубокую симпатию к «Высочайшей персоне Его Императорского и Королевского Апостольского Величества», должен учитывать «глас народа, который в России в вопросах внешней политики слышен больше, чем где-либо еще»³⁶. Под «голосом народа» в данном случае Эренталь имел в виду

³⁴ Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen und Außenpolitik. 1885–1912. Teil 1. Graz, 1994. S. 424.

³⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 813. Шиллинг Маврикий Фабианович, барон, дипломат, сенатор, секретарь российского посольства в Вене, Париже, Ватикане, директор канцелярии Министерства иностранных дел. Оп. 1. Ед. хр. 261. Письма Иславина Льва Владимировича /русский генеральный консул в Вене/ Шиллингу М.Ф. 1907–1913. Л. 15 об.

³⁶ Aus dem Nachlaß Aehrenthal. Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen und Außenpolitik. 1885–1912. Teil 2. Graz, 1994. S. 760.

те слои российского общества, которые разделяли националистические и панславистские идеи.

В условиях нового Балканского кризиса, начавшегося в 1912 г., серьезное беспокойство императора Франца Иосифа I и его дипломатов, как в Вене, так и в Петербурге, вызывала неспособность Николая II противостоять влиянию «военной партии» и общественных сил, настроенных крайне антигермански и антиавстрийски.

По словам британского посла Дж. Бьюкенена, в конце 1912 г. в России «общественное мнение было настроено против Австрии, и многие слои населения склонялись в пользу войны»³⁷. В своем дневнике барон М.Ф. фон Шиллинг отмечал (27 декабря старого ст. 1913 г.), что «всю прошлую зиму петербургское общество вымешало... обоснованную ненависть к австрийцам на бедном и неповинном графе Турне»³⁸.

В российских столицах развернулась новая антиавстрийская кампания, которая по своим масштабам превзошла выступления периода Боснийского кризиса 1908–1909 гг. Открытые призывы к войне с Австро-Венгрией раздавались не только со страниц печати, но и в многочисленных общественных собраниях и с трибун Государственной думы [7, с. 186]. С.Д. Сазонов вспоминал, что в начале 1913 г. «сочувствие нашего общественного мнения сербским домогательствам» было таково, что казалось сложным «удержать в руках правительства руководящее влияние на ход политических событий»³⁹. По его словам, в общественных кругах, «близко стоявших к некоторым придворным и военным центрам», сложилось убеждение, что настала удобная минута «рассчитаться с Австро-Венгрией за грехи Эренталевской политики»⁴⁰.

В конце 1912 г. и первой половине 1913 г. в Санкт-Петербурге неоднократно проходили общественные акции с призывами к правительству не оставлять славян в беде (об этом граф Турн сообщал на Балльхаузплац уже 18 октября 1912 г.). Кульминацией этих акций стала серия славянских банкетов в поддержку Черногории весной 1913 г. (сообщения Турна от 06.04.1913 и Гогенлоэ в военное министерство от 10.05.1913) [23, р. 301]. В своих докладах в Вену граф Д. фон Турн постоянно

³⁷ Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Мемуары. М., 2006. С. 104.

³⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 813. Шиллинг Маврикий Фабианович, барон, дипломат, сенатор, секретарь российского посольства в Вене, Париже, Ватикане, директор канцелярии Министерства иностранных дел. Оп. 1. Ед. хр. 127. Орывки дневников Шиллинга М.Ф. Л. 16.

³⁹ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 92.

⁴⁰ Там же.

подчеркивал восприимчивость царя к внешним влияниям, особенно со стороны националистов панславистского толка⁴¹.

Отправляя в феврале 1913 г. в Санкт-Петербург своего личного представителя принца Готфрида цу Гогенлоэ-Шилингсфюрста, по словам Л. фон Берхтольда, Франц Иосиф «чувствовал себя лично уязвленным» уровнем непонимания, проявленным русским правительством в разворачивающемся кризисе на Балканах⁴². Гогенлоэ должен быть передать царю собственноручное письмо австрийского императора и убедить принимающую сторону в том, что Габсбургская империя не имеет враждебных намерений в отношении России. Как правило, в исследованиях отмечается, что на фоне возвращаемых антиавстрийских настроений в Санкт-Петербурге, «миссия Гогенлоэ» имела успех и снизила накал политических страстей [25, S. 27]. Однако в целом австрийские правящие круги убедились в полной зависимости царя от «националистической» партии в его окружении. В результате своего пребывания в Петербурге Гогенлоэ ясно увидел, насколько сильно и опасно влияние воинствующих настроений общественного мнения на действия русских политиков, и в том числе на самого царя [26, S. 199]. В целом же Гогенлоэ, который вел переговоры не только с царем, но и с С.Д. Сазоновым и В.А. Сухомлиновым, как отмечал советник дипломатической миссии граф А. Хойос (10.02.1913), «особенно был поражен крайне раздраженным настроением против австрийской монархии и против Германии, существовавшим во всех руководящих кругах Санкт-Петербурга»⁴³.

В последующие примерно полтора года – от «миссии Гогенлоэ» до убийства в Сараево – контакты российских и австрийских правящих кругов сохраняли свою внешнюю корректность. Однако даже с австрийской стороны прекратились попытки добиться мирного стратегического соглашения с Россией. «Образ врага» окончательно сложился, и сдерживающие факторы в виде монархической солидарности или поддержания внутренней стабильности в обеих державах утратили свое значение. Во многом это стало следствием общего процесса, прослеживаемого по источникам начиная с 1880-х гг., когда в сознании имперских элит двух держав конструкты националистической идеологии стали вытеснять прагматические, национальные принципы формирования внешнеполитического курса. Покушение на австрийского наследника престола в Сараево, очевидно, окончательно убедило старого кайзера Франца

⁴¹ Österreich-ungarnsaußenpolitik. Von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des österreichisch-ungarischen Ministeriums des Äußern. Wien, Leipzig. 1930. B. 5. 1 Dezember 1912 bis 31 März 1913. S. 720.

⁴² Ibid. S. 637.

⁴³ Ibid. S. 697–698.

Иосифа I, в том российский экспансионизм на Балканах, основанный на панславистских идеях, рано или поздно привет к войне. В своем известном письме германскому императору Вильгельму II (05.07.1914) австрийский монарх напрямую связал убийство своего племянника с агитацией русских и сербских панславистов, «единственной целью которой является ослабление Троицкого союза и разрушение моей империи»⁴⁴.

Библиографический список / References

1. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. М., 2014. [Ayperpetov O.R. Uchastiye Rossiyiskoy imperii v Pervoy mirovoy voyno (1914–1917): 1914. Nachalo [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914–1917): 1914. Beginning]. Moscow, 2014.]
2. Брандт Х.-Х. Франц Иосиф I Австрийский (1848–1916) // Кайзеры. Ростов-н/Д., 1997. [Brandt H.-H. Frants Iosif I Avstriyskij (1848–1916). Kaisers.] Rostov-on-Don, 1997.]
3. Вакоуниг М. Аристократ и дипломат. Дипломатическая миссия принца Франца де Паулы фон унд цу Лихтенштейна в Санкт-Петербурге в 1894–1898 гг. М., 2012. [Wakounig M. Aristokrat i diplomat. Diplomaticeskaya missiya printsya Frantsa de Pauly fon und tsu Likhtenshteyna v Sankt-Peterburge v 1894–1898 [Aristocrat and diplomat. The diplomatic mission of Prince Franz de Paula von und zu Liechtenstein in St. Petersburg in 1894–1898]. Moscow, 2012.]
4. Игнатьев А.В. Австро-Венгерская монархия во внешней политике России на рубеже XIX–XX вв. // Судьба двух империй: Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М., 2006. С. 234–243. [Ignatiev A.V. The Austro-Hungarian monarchy in Russia's foreign policy at the turn of the 19th and 20th centuries. Sudba dvukh imperiy: Rossiyskaya i Avstro-Vengerskaya monarkhii v istoricheskem razvitiu ot rastsverta do krušeniya. Moscow, 2006. Pp. 234–243. (In Rus.)]
5. Игнатьев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914. Тенденции. Люди. События. М., 2000. [Ignatiev A.V. Vneshnyaya politika Rossii. 1907–1914. Tendentsii. Lyudi. Sobytiya [Russia's foreign policy. 1907–1914. Trends. People. Events]. Moscow, 2000.]
6. Исламов Т.М. Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 14–46. [Islamov T.M. Austria-Hungary in the First World War. The collapse of the empire. Novaya i noveyshaya istoriya. 2001. No. 5. Pp. 14–46. (In Rus.)]
7. Котова Е.В. Русско-австрийские отношения накануне и в годы Первой мировой войны // Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны. Т. 1. Россия и Центральные державы. М., 2020. С. 168–196. [Kotova E.V. Russian-Austrian relations on the eve and

⁴⁴ Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Band 1. Vom Attentat in Sarajevo bis zum Eintreffen der serbischen Antwortnote in Berlin. Berlin, 1927. S. 21.

- during the First World War. *Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny*. Vol. 1. Rossiya i Tsentralnyye derzhavy. Moscow, 2020. Pp. 168–196. (In Rus.)]
8. Крючков И.В. Взаимоотношения Австрии и Венгрии в начале XX в. в донесениях российских дипломатов. На примере Генерального консульства России в Будапеште // Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв. М., 2009. С. 153–165. [Kryuchkov I.V. Relations between Austria and Hungary at the beginning of the twentieth century in the reports of Russian diplomats. On the example of the Consulate General of Russia in Budapest. *Mekhanizmy vlasti. Transformatsii politicheskoy kultury v Rossii i Avstro-Vengrii na rubezhe XIX–XX vv.* Moscow, 2009. Pp. 153–165. (In Rus.)]
 9. Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. М., 2017. [Lieven D. Navstrechu ognyu. Imperiya, voyna i konets tsarskoy Rossii. [Towards the fire. Empire, war, and the end of Tsarist Russia.] Moscow, 2017.]
 10. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. [Lieven D. Rossiyskaya imperiya i yeye vragi s XVI veka do nashikh dney [The Russian Empire and its enemies from the 16th century to the present day]. Moscow, 2007.]
 11. Пахомова Л.Ю. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М., 2021. [Pakhomova L.Yu. Balkanskiy laksmus. Avstro-vengerskaya politika v Bosnii i Gertsegovine i rossiyskaya diplomatiya (1878–1908) [Balkan litmus. Austro-Hungarian Policy in Bosnia and Herzegovina and Russian Diplomacy (1878–1908)]. Moscow, 2021.]
 12. Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. [Pisarev Yu.A. Velikiye derzhavy i Balkany nakanune pervoy mirovoy voyny [Great powers and the Balkans on the eve of the First World War]. Moscow, 1985.]
 13. Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М., 2012. [Rybachyonok I.S. Zakat velikoy derzhavy. Vneshnyaya politika Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: tseli, zadachi i metody [The decline of a Great Power. Russia's foreign policy at the turn of the 19th and 20th centuries: Goals, objectives, and methods]. Moscow, 2012.]
 14. Рыбаченок И.С. Россия и Австро-Венгрия на Балканах: соперничество и сотрудничество на рубеже XIX–XX вв. // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. 2006. М., 2007. С. 111–126. [Rybachenok I.S. Russia and Austria-Hungary in the Balkans: Rivalry and cooperation at the turn of the XIX–XX centuries. *Yevropeyskiy almanakh. Istorija. Traditsii. Kultura.* 2006. Moscow, 2007. Pp. 111–126. (In Rus.)]
 15. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004. [Wortman R.S. Stsenarii vlasti. Mify i tsbermanii russkoy monarkhii [Scenarios of power. Myths and ceremony in Russian Monarchy]. Vol. 2. Moscow, 2004.]
 16. Ферро М. Николай II. М., 1991. [Ferro M. Nikolay II [Nicholas II]. Transl. from French. Moscow, 1991.]
 17. Borovička M., Kaše J., Kučera J.P., Bělina P. *Velké dějiny zemí koruny české. Svazek XII. 1890–1918.* Praha, 2013.

18. Calgren W.M. Iswolsky und Aehrenthal vor der bosnischen Annexionskrise. Russische und österreichisch-ungarische Balkanpolitik 1906–1908. Uppsala, 1955.
19. Galandauer J. František Ferdinand d'Este. Následník trůnu. Praha, 2000.
20. Hamann B. Elisabeth. Kaiserin wider willen. Wien; München, 1992.
21. Hantsch H. Leopold Graf Berchtold. Grandseigneur und Staatsmann. Band I. Graz, 1963.
22. Luntinen P. French information on the Russian War plans. 1880–1914. Helsinki, 1984.
23. McDonald D. A lever without a fulcrum: Domestic factors and Russian foreign policy, 1905–1914. Imperial Russian foreign policy. Cambridge, 1993.
24. Pernes J. František Josef I. Nikdy nekorunovaný český král. Praha, 2005.
25. Rauchensteiner M. Der erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie 1914–1918. Wien, Köln, Weimar, 2013.
26. Skřivan A. Císařská politika. Rakousko-Uhersko a Německo v evropské politice v letech 1906–1914. Praha, 1996.
27. Skřivan A. Nástup Alois Lexa von Aehrenthal do úřadu ministra zahraničí Rakouska-uherska v roce 1906. *Poctadocentu Vladimíru Nálevkovi. K šedesátýmnározeninám*. Praha, 2001. S. 105–115.
28. Weissensteiner F. Franz Ferdinand. Der verhinderte Herrscher. Wien, 1983.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025, принята к публикации 16.05.2025
The article was received on 01.04.2025, accepted for publication 16.05.2025

Сведения об авторе / About the author

Юдин Евгений Евгеньевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет

Evgeny E. Yudin – PhD in History; associate professor at the Department of History of the Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

E-mail: evgeny_yudin@mail.ru

Теория и история политики

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-100-115

УДК 94

В.А. Подольский

Институт философии РАН,
109240 г. Москва, Российская Федерация

Философия ХХ в. о социальной политике как средстве урегулирования конфликтов

Цель статьи – выявить основания, которые определяют предложения различных направлений политической философии в сфере социальной политики. Рассмотрено наследие представителей консерватизма, либерализма и социал-демократии ХХ в. как течений, в наибольшей мере повлиявших на современную социальную политику. Показано, что предложения по организации социальной политики определяются представлениями о рисках, конфликтах, ценностях, надлежащем устройстве общества. Консервативная философия предлагает предотвращение общественных конфликтов с помощью общего пространства традиций, взаимопомощи, опеки и корпоративного страхования. Либеральная – с помощью гарантий прожиточного минимума, обеспечения равенства возможностей и содействия рыночным механизмам, позволяющим индивидам защищать себя от рисков. Социал-демократическая философия – с помощью устранения неравенства как причины конфликтов, единых правил перераспределения и государственного планирования.

Ключевые слова: государство всеобщего благосостояния, социальная политика, либерализм, консерватизм, социал-демократия, общественные конфликты

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Подольский В.А. Философия XX в. о социальной политике как средстве урегулирования конфликтов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 100–115. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-100-115

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-100-115

V.A. Podolskiy

RAS Institute of Philosophy,
Moscow, 109240, Russian Federation

20th century philosophy on social policy as a means of conflict resolution

The purpose of the article is to identify the grounds that determine the proposals of various schools of political philosophy in the field of social policy. The article studies the legacy of conservative, liberal and social-democratic thinkers of the 20th century, for these schools of thought have had the greatest influence on modern social policy. It is shown that proposals for the organization of social policy are determined by ideas about risks, conflicts, values, and the proper structure of society. Conservative philosophy proposes preventing social conflicts with the help of a common space of traditions and corporate mutual assistance schemes. Liberal philosophy, on the other hand, seeks to achieve this by guaranteeing a minimum standard of living, ensuring equality of opportunity and promoting market mechanisms that allow individuals to protect themselves from risks. Social democratic philosophy aims to prevent conflicts by eliminating inequality as their root cause, establishing uniform rules of redistribution and implementing state planning.

Key words: welfare state, social policy, liberalism, conservatism, social-democracy, social conflicts

FOR CITATION: Podolskiy V.A. 20th century philosophy on social policy as a means of conflict resolution. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 100–115. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-100-115

Изучение отношения политической философии XX в. к социальной политике актуально для сравнения задач, которые ставятся в разных политико-философских подходах, того, как они выделяют проблемы и каких ожидают результатов. Различия между современными моделями социальной политики в разных странах связаны не только с экономическими предпосылками, но и с политической философией, что показал датский социолог Гёста Эспинг-Андерсен в книге «Три мира капитализма всеобщего благосостояния» (1990), выделив консервативное, либеральное и социал-демократическое государство всеобщего благосостояния [10]. Эспинг-Андерсен указывал на ограничения своего подхода к классификации, например, британское государство благосостояния, обладающее всеобщей системой здравоохранения, отнесено к либеральному типу. Но именно сравнение политико-философских оснований имеет наибольшую ценность при изучении социальной политики, поскольку позволяет сравнивать желаемую организацию общественных отношений, представления о мотивации, правах и обязанностях, проблемах справедливости, равенства и свободы, содержании и способах решения конфликтов, из чего следуют разные приоритеты в перераспределении.

Термины «социальная политика» и «социальное государство» ввел немецкий правовед Лоренц фон Штейн в XIX в. Он рассматривал широкий комплекс проблем того времени, получивший название «социального вопроса». Изменения в экономике и политике, связанные с промышленной революцией и демократизацией, привели к появлению новых условий и рисков, в частности, к особой уязвимости новой категории населения, пролетариата, к экономическим кризисам. Если во Французской революции сторонами конфликта, по Штейну, была собственность без труда в лице аристократии и труд с собственностью в лице третьего сословия, то в XIX в. сторонами стали труд и собственность, и фактическими гражданскими правами и свободой обладали только собственники. Решение «социального вопроса» фон Штейн видел в проведении социальных реформ силами монарха как неангажированного надклассового субъекта. Следовало создать такие условия, в которых каждый мог бы иметь равную возможность улучшать свое положение. Социальная политика была такой деятельностью административного аппарата, которая должна была содействовать развитию всех граждан безотносительно их капитала: «развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве», писал фон Штейн [16]. Термин «государство благосостояния» также использовался в немецкой политической философии с XIX в., но вошел в оборот в середине – второй половине XX в., обозначая такую

организацию социальной политики, при которой государство берет на себя ответственность за обеспечение благосостояния населения [16]. Аргументация, почему и как государство должно нести такую ответственность, различается в зависимости от направления политической философии.

Сообразно типологии Эспинг-Андерсена, исследованию подлежат три главных направления политической философии: консерватизм, либерализм и социал-демократия. Внутри консерватизма XX в. могут быть выделены элитизм, корпорativизм, патерналистский консерватизм и неоконсерватизм. В рамках либерализма – социальный либерализм и laissez-faire неолиберализм. Социал-демократия середины XX в. наряду с социальным либерализмом в наибольшей мере повлияла на форму и содержание государства всеобщего благосостояния. Многие представители этого направления принадлежали к фабианскому обществу или ориентировались на идеи фабианцев. Отдельного упоминания заслуживает марксизм, а именно ленинизм, маоизм и неомарксизм.

Корпоративизм был популярен в континентальной Европе до 1940-х гг., в наиболее систематическом виде его идеи были изложены австрийским социологом Отмаром Шпанном в книге «Истинное государство» (1921). По Шпанну, причиной социальных конфликтов начала XX в. было ухудшение положения рабочих из-за разделения труда и механической работы, но материалистическое решение Маркса делало жадность смыслом жизни и было неприемлемым. Путь преодоления конфликта – свободное объединение с тем, что духовно выше, т.е. корпорацией и сословием. Общество должно быть организовано, по образу гильдий Средних веков, в виде корпораций, для децентрализации, посредничества в отношениях между человеком и государством, и полноты жизни, в отличие от одиночества индивидуализма. Государство будет решать споры между корпорациями, будут снижены издержки на непродуктивные торговые и финансовые посреднические услуги. Будут использованы наиболее продуктивные процессы, стандартизация. Для свободного конкурентного рынка характерны недостаток планирования и растрата сил. Корпорации будут определять зарплаты и методы работы. Благодаря участию рабочих во всем процессе производства, присвоение добавленной стоимости в марковом смысле исключается, сверхдоходы отдельных отраслей промышленности направлялись бы на средства производства или повышение зарплат. Единство рабочих и работодателей займет место разрушительной конкуренции, живая конкуренция корпораций – место бюрократического удушения социализма [21].

Патерналистский консерватизм, в наиболее радикальном варианте служебной иерархии, был представлен в «Пруссачестве и социализме»

(1919) Освальда Шпенглера и, в более мягком варианте, в «Третьем пути» (1938) Гарольда Макмиллана, впоследствии ставшего премьер-министром Британии. Макмиллан предлагал совместить элементы капитализма и государственного планирования, чтобы преодолеть кризис, спад, безработицу, к которым привел принцип *laissez-faire*. Он соглашался с предложениями Джона Мейнарда Кейнса по контрциклической бюджетно-налоговой политике. Макмиллан предлагал сделать государство собственником в важнейших отраслях экономики, а Банк Англии – органом централизованного управления инвестициями. В 1950–1970-е гг. среди британских консерваторов преобладало мнение, что следует развивать государство всеобщего благосостояния, гарантировать всем прожиточный минимум, занятость, поддерживать нуждающихся и пожилых [22].

Элитизм был артикулирован Джорджем Сантаяной в «Жизни Разума» (1906), Ирвингом Бэббитом в «Демократии и лидерстве» (1924), Хосе Ортегой-и-Гассетом в «Восстании масс» (1930). Элитизм не предлагал положительной программы социальной политики в виде совокупности социальных реформ, но защищал благотворительность. Элитисты говорили о неприятии массовой культуры, необходимости сохранения конкуренции как оживляющей общество силы и значении воспитания согласно образцам высоких достижений, а также критиковали бюрократизацию, социализм и идею социальной справедливости. Ирвинг Бэббит писал: «Профессора наших юридических школ оставляют традиционные стандарты права в пользу “социальной справедливости”. Социальная справедливость, хорошо бы напомнить этим “передовым” профессорам, означает на практике классовую справедливость, классовая справедливость означает классовую войну, а классовая война, если мы учтем весь опыт прошлого и настоящего, означает ад» [6, р. 308].

Неоконсерватизм сложился во второй половине XX в. в США, затем распространился в Британии и в Европе. Неоконсерваторы возражали против расширения государственного вмешательства, критиковали состояние морали. Неоконсерваторы считали, что социальные программы не решали, а усиливали проблемы. Повышение налогов для выплаты пособий разрушало мотивацию к труду, награждало праздность, наказывало трудолюбие и талант. Одним из систематизаторов неоконсерватизма был Ирвинг Кристол, издавший книгу «Неоконсерватизм: автобиография идеи» (1995). Он указывал, что в XX в. важнейшим политическим событием стало снижение веры широких масс в жизнь после смерти. В секуляризованной, либеральной цивилизации массы оказались без духовного гражданства, и утрата ожидаемой бесконечности сделала запросы на материальное возмещение бесконечными.

Запросы на перераспределение должны получить такой ответ, который, при минимальном бюрократическом принуждении, меньше всего повредил бы свободе и привычке опираться на свои силы. Опыт фон Бисмарка в Германии показал, что консервативное государство всеобщего благосостояния возможно. Наилучшим вариантом было бы смягчение налоговой нагрузки на граждан и отказ от передачи их средств государству, т.е. налоговые вычеты за взносы на страховку и пенсию [18].

В Германии самым известным неоконсерватором был Гюнтер Рормозер. Он полагал, что государство благосостояния более не обеспечивало солидарность общества и вступило в противоречие с правовым государством, ставя равенство выше свободы. Бюрократия, отвечающая за перераспределение, стала политической силой. Росла налоговая нагрузка на предпринимателей, и они переносили производство в другие страны, и долговая нагрузка на будущие поколения. Также страдали мораль и добродетели граждан: их учили требовать, а не отдавать. Роль государства в социальной сфере следовало снизить, сократить налоги, чтобы частная инициатива помогала росту экономики. Государство благосостояния оперирует типовыми ситуациями и не может вникать в уникальные обстоятельства. Индивид теряет свободу выбора. В социальной поддержке важнее мораль, сочувствие и милосердие. Если государство основано на морали и содействует развитию гражданской добродетели, оно сохраняет общество от распада. По Гегелю, указывал Рормозер, мораль сохраняется христианской общиной. Если люди не могут найти смысл жизни, они начинают разрушать себя, и предотвратить это может только религия. Материальное неравенство не будет восприниматься людьми как проблема, если они ожидают, что справедливость Творца уравняет всех. По мнению Рормозера, вместо расширения социального государства следовало развивать солидарность на базе национального сознания, истории и религии [2].

Все направления консерватизма объединяло унаследованное из античной и средневековой философии представление о неравенстве людей, стратификации общества сообразно выполняемым людьми и группами функциям. Права и обязанности зависят от статуса. Приоритетными ценностями были порядок и служение. Конфликты должны были решаться силами традиций, благотворительности. Общим для элитизма, корпорativизма и патерналистского консерватизма было происхождение из аристократического романтизма XIX в. Но если корпорativизм считал главным субъектом социальной политики объединение, отводя государству только роль арбитра в спорах между корпорациями, то патерналистский консерватизм предлагал широкое участие государства в экономике. Элитизм допускал только благотворительность,

неоконсерватизм добавлял страховые схемы. Представители обоих течений рассчитывали, что рост массового благосостояния будет происходить благодаря конкуренции и изобретениям, а не перераспределению, но условием для общественного мира было скорее воспитание и мораль, чем материальное благополучие.

Если классический либерализм XIX в. почти совпадал с элитизмом в вопросах социальной политики, то в конце XIX – начале XX вв. сложился «новый» либерализм, получивший название социального. Его систематизировал Леонард Трелони Гобхаус. Он писал: «Государство должно обеспечить такие экономические условия, чтобы нормальный человек, не имеющий недостатков ума, тела или воли, мог полезным трудом прокормить, обеспечить жильем и одеждой себя и свою семью. “Право на труд” и право на “прожиточный минимум” так же значимы, как и права личности или собственности... [для] хорошего общественного порядка... Индивид не отвечает за рост и спад, но вынужден за них платить. Поэтому то, чего он просит, это не благотворительность, а справедливость» [15, р. 158–159]. Фабианство Гобхаус считал недемократичным. В социализме терялись права личности, слишком большой приоритет имели коллективные ценности. Механический социализм навязан как воля закрытой правящей группы. Социализм приписывал ценность труду, игнорируя ценность руководства и изобретения. Классов, выделяемых социализмом как стороны войны, не существует. Но собственность создается и сохраняется благодаря как индивидуальным, так и общественным силам – полиции, судьям, накопленной совокупности изобретений и инфраструктуры. Необходимо с помощью фискальных мер и правил производства гарантировать, чтобы общество могло обеспечить экономическую независимость для всех, кроме тех, кто беден из-за праздности, чтобы собственник не мог распоряжаться трудом других сугубо по своему усмотрению [15].

С 1930-х до 1970-х гг. в развитых промышленных странах сложился консенсус в сфере социальной политики, который обычно называется «кейнсианским государством всеобщего благосостояния» или синтезом социального либерализма и социал-демократии. Для обеспечения полной занятости, к которой не склонен рынок из-за того, что совокупный спрос меньше совокупного предложения, предлагалось стимулирование спроса силами государства, т.е. организация общественных работ или государственных инвестиций, содействие частным инвестициям с помощью кредитования. Вильям Беверидж в своем докладе «Социальное страхование и смежные услуги» (1942) предлагал победить «пять гигантов»: нужду, болезни, невежество, нищету, безработицу, для чего следовало обеспечивать всеобщую занятость и единую систему социального

страхования. По итогам доклада было создано британское государство всеобщего благосостояния, опекавшее граждан «от колыбели до могилы» [11]. В США сторонники социального либерализма, например, работавший в администрации Рузвельта, Кеннеди и Линдона Джонсона последователь Кейнса Джон Гелбрейт, обращали внимание на контраст между ростом частного благосостояния и пренебрежением к общему благополучию. Программа Линдона Джонсона по расширению социальных расходов «Великое общество» в 1960-е гг. была нацелена на то, чтобы от экономического роста выиграло все население [20].

Джон Роулз, развивая логику социального либерализма в своей работе «Теория справедливости» (1971), отмечал, что государство всеобщего благосостояния не учитывает политическую бедность. Минимальной поддержки недостаточно, чтобы бедные граждане могли полноценно участвовать в экономической и политической жизни. Возник и растет зависимый и возмущенный низший класс, что угрожает стабильности демократических институтов. Роулз, опираясь на идеи Джона Стюарта Милля об участии работников в управлении предприятиями, предлагал развивать демократию собственников. Борьба за равное политическое влияние должна идти вместе с ограничением свободного рынка и равномерным распределением средств производства и собственности. Чтобы богатство не концентрировалось, требовалось прогрессивное налогообложение [5].

Рональд Дворкин в работе «Дело принципа» (1986) писал, что снижение налогов и иные реформы Рейгана были несправедливы, они означали рост безработицы для гипотетического улучшения экономики в будущем. Либеральная же теория справедливость должна совместить два принципа. Во-первых, благосостояние людей должно зависеть от того, насколько их выбор был полезным для общества, отвечал запросам других людей. «Рынок представляется незаменимым для этого принципа. Согласно второму требованию, люди не должны обладать разным уровнем богатства только потому, что у них разные врожденные способности производить то, что нужно другим, или что они находятся в разном положении в силу обстоятельств. Это означает, что рыночное распределение должно быть скорректировано так, чтобы приблизить людей к той доле ресурсов, которая у них была бы, если бы не эти различия в первоначальных преимуществах, удаче и врожденных способностях» [9, р. 207].

Рейган в США и Тэтчер в Британии в 1980-е гг., вопреки социальному либерализму, считали необходимым снижение социальных расходов, а справедливость видели в сообразности усилия и вознаграждения, для чего лучше всего подходил рынок. Снятие бюрократических ограничений

и увеличение роли рынка должно было высвободить средства для инвестиций, повысить эффективность экономики и увеличить предложение. Реформы опирались на неоконсерватизм и *laissez-faire* неолиберализм.

Термин «неолиберализм» был предложен на коллоквиуме Уолтера Липпмана в Париже в 1938 г. немецким экономистом Александром Рюстовым. Мнения участников коллоквиума по поводу будущего либерализма разделились: большинство, в том числе сам Рюстов, Вильгельм Рёпке и Фридрих фон Хайек, сочли допустимым государственное вмешательство. Подход Рюстова и Рёпке, популярный в Германии, по названию альманаха «Ордо» получил наименование «ордoliberalизма». Меньшинство, в том числе Людвиг фон Мизес, настаивали на сохранении принципа *laissez-faire* [12].

Государственные расходы, по фон Мизесу, потребляли капитал. Сторонники социального обеспечения критиковали капитализм за неравенство и нищету, но именно капитализм вывел человечество из нищеты естественного состояния. Идеи Фурье и Маркса о естественном богатстве ошибочны и опровергаются опытом: для природы характерна борьба за выживание. Благосостояние человечества выросло благодаря накоплению капитала, разделению труда и повышению производительности. Роль государства – защита собственности и конкуренции и урегулирование конфликтов: мир необходим для разделения труда и развития экономики. Если численность населения будет расти быстрее, чем экономика, и если будет растрачиваться капитал, то процесс улучшения благосостояния повернется вспять. Кейнсианская политика и интервенции подрывают институты рыночной экономики, кредитная экспансия ведет к инфляции, «сводят на нет все попытки “простого человека” сэкономить и накопить резервы на черный день [и экспроприируют пожертвования больниц и приютов]... Большая часть тех, кому помогают благотворительные институты, бедствуют только потому, что до этого их довели интервенционисты. Когда пропагандисты благосостояния жалуются на недостаточность имеющихся средств для оказания помощи, они жалуются на один из результатов политики, которую сами же отстаивают» [1, с. 786]. Благодаря конкуренции производители стремятся наилучшим образом удовлетворить имеющийся спрос, ограничивать ее вредно. Также вредна и государственная борьба с безработицей: общественные работы изымают ресурсы из других отраслей, а пособия замедляют адаптацию к спросу [1].

Фон Хайек считал, что государственное участие в образовании, социальном страховании, временные субсидии при экономической депрессии или природных бедствиях, ограничения на продолжительность рабочего дня и требования по санитарии допустимы. Фон Хайек пишет,

что «нужно провести различие между… ограниченной защищенностью, которую можно обеспечить всем и которая поэтому не является привилегией, и абсолютной защищенностью… [означающую], что полномочия государства по осуществлению принуждения должны применяться так, чтобы гарантировать конкретным людям конкретные блага, оказывается необходимой определенная дискриминация и неравное обращение с разными людьми, что несовместимо со свободным обществом. Именно социальное государство такого типа стремится к “социальной справедливости” и занимается “прежде всего перераспределением доходов”. Оно неизбежно ведет назад к социализму и использует его насильственные и по существу произвольные методы» [4, с. 338–339]. Граждане лишаются возможности выбирать, а власти оценивают потребности и принимают решения, устранивая конкуренцию и превращая медицину, образование, страхование в унитарные бюрократические иерархии. Проблема всеобщих государственных мер в их необратимости. Борьба Бевериджка с пятью гигантами создает новые проблемы для свободы [4].

Как и фон Хайек, Милтон Фридман рассуждал о способах обеспечения прожиточного минимума, позволяющих сохранить рыночные свободы. Он предложил использовать отрицательный подоходный налог, а не минимальную зарплату. Также для защиты от рисков следовало использовать частные страховые и пенсионные схемы: в отличие от обязательных механизмов государства всеобщего благосостояния они не подразумевают коллективизм. Если государство попытается повысить качество жизни, введя единые стандарты жилья, одежды, питания, развитие прекратится. Попытка контролировать цены и зарплаты означала бы замену свободного предпринимательства централизованным контролем, привела бы к дефициту и нехватке рабочей силы. Цены и зарплаты зависят от объема денег в экономике, а не жажды предпринимателей или рабочих. Материальные успехи свободных обществ – следствие равенства возможностей. Бедность сократилась в странах Запада благодаря развитию предпринимательства в XIX–XX вв., когда также росла благотворительность. Преследуя собственный интерес, индивид содействует благу общества, цитирует Фридман Адама Смита. Государственная социальная поддержка снижает мотивацию благотворителей. Идея социальной ответственности корпораций вредна тем, что навязывает корпорациям не свойственные функции. Корпорация должна обеспечивать акционерам прибыль, честно конкурируя в рамках закона, а не жертвовать средства, нарушая права акционеров распоряжаться ими [3].

Общим для разных направлений либерализма в отношении к социальной политике была проблема защиты от произвола. С точки зрения

laissez-faire неолиберализма, произволом было государственное вмешательство. С точки зрения социального либерализма – экономическая незащищенность граждан от не зависящих от них факторов, как рыночные колебания или происхождение, не позволявшее оплачивать образование. *Laissez-faire* неолиберализм ожидал, что государство будет действовать как «ночной сторож» и защищать только сами рыночные механизмы, социальный либерализм – что обеспечивать гражданам равные возможности.

Проблема равенства была основной для марксизма. Марксизм в XX в. может быть условно поделен на революционный марксизм, в первую очередь ленинизм и маоизм, и неомарксизм. Ленин и Мао иначе, чем Маркс, относились к крестьянству и роли партии. Ленин ожидал, что партия как авангард рабочего класса сможет произвести социалистическую революцию в стране, в которой преобладало крестьянство. Мао считал, что крестьянству может быть передано классовое сознание пролетариата, что создаст условия для социалистической революции. Маоизм отличался от ленинизма перенятой у Сунь Ятсена идеей приоритета нации, а не класса, а также идеей революционного энтузиазма масс как силы, развивающей социализм вместо партийной бюрократии. Оба, вслед за Маркsem, ожидали исчезновения антагонистического характера общественных конфликтов после обобществления средств производства и достижения безгосударственного и бесклассового состояния, в котором исчезнет эксплуатация и статусное неравенство, каждый будет трудиться по способностям, а получать по потребностям [17].

Неомарксизм – условное обозначение для множества направлений политической философии, которые использовала понятийно-категориальный аппарат Маркса, но обычно ставили проблемы иначе и предлагали другие решения, нежели Маркс, апеллируя к культуре, символам, психологии. Неомарксизм выражал смешанное отношение к формирующемуся в середине XX в. государству всеобщего благосостояния. Социальная поддержка, в терминах Луи Альтюссера, представляла собой идеологические аппараты государства, закреплявшие зависимое и подчиненное положение получателей помощи [14, р. 143]. Клаус Оффе указывал на противоречие между коммодифицирующими целями кейнсианского социального государства и декоммодифицирующими практиками. Государство благосостояния не решало главное противоречие как причину конфликта, контроль капиталистов над средствами производства. Он писал о том, что фундамент капиталистического общества – трудовой договор – был связан с безработицей, бедностью, отказом в автономии. Решением должно было стать обеспечение гарантированного базового дохода [19, р. 201].

Фабианцы отличались от большинства марксистов тем, что возлагали задачу решения социальных конфликтов на государство и ожидали, что социальные реформы защитили бы общество от разрушительного поведения пролетариата. Сидней и Beatrix Webb считали, что путь к социализму идет не через революцию, а через рационализацию управления и усиление коллективного обеспечения общих нужд.

Webbs опирались на утилитаризм и видели цель управления в достижении наибольшего блага для наибольшего числа людей. Следовало направлять ресурсы государства не на вспомоществование, которое поддерживало беспечность и вредило характеру, но на профилактику болезней и бедствий. Развитие санитарии и здравоохранения содействовали бы всеобщей занятости, росту производительности труда и богатства страны. Необходимость больших расходов на бедных связана с неравными стартовыми условиями. Требовалось укротить хищнические и анархические импульсы капитализма, подчинить его общему благу. Государственное регулирование необходимо: при неограниченной конкуренции в выигрыше окажется тот, кто будет экономить на рабочих. Строгие правила санитарии и прожиточный минимум владельцы недвижимости и работодатели воспринимали как ограничение их свободы, но для наемного работника – «это колossalный рост практической свободы действий... увеличение досуга, улучшение здоровья, условий жизни, дальнейшие возможности для развития детей, а иногда и более высокая заработная плата», возможность прокормить себя или семью [24, р. 321].

Один из последователей Webbs, Джордж Коул, начинал с теории гильдейского социализма, развивавшей идеи XIX в. о восстановлении гильдий и самоуправления в промышленности для преодоления конфликтов. Но к середине XX в. он перешел к идее государственного социализма. Без государственного вмешательства складывается не свободная конкуренция, а безответственная монополия, сокращающая число работников и производство для повышения цен. Контроль над производством неизбежен по мере его усложнения. Речь идет о выборе не между социализмом и свободным частным предпринимательством, но между социализмом и монополией, ведущей к диктатуре и войне, или недемократическим социализмом. Либералы поддерживали обобществление отдельных отраслей, но, чтобы частные отрасли не блокировали общественные, нужно полное обобществление средств производства, распределения и обмена. Британский социализм, по Коулу, предлагал не классовую войну, а помочь бедным в достижении стандартов благополучных рабочих и равные возможности для всех. Государство должно гарантировать достойные зарплаты трудящимся и минимальные

зарплаты, помочь натураой лицам с низким доходом – не в форме благотворительности, но за труд. Улучшение условий улучшит производительность, рынок жилья, устойчивость занятости. Благодаря достижениям науки можно покончить с бедностью и безработицей. Коул писал, что каждый должен иметь возможность работать, «если его труд может добавить что-то ценное, с точки зрения человеческих потребностей, к общему объему производства» [7, р. 42]. Не какой-либо капиталист, стремящийся к прибыли, должен определять, сколько нужно производить, а общество, «путем планирования, т.е. коллективного и ответственного решения о том, как использовать имеющуюся рабочую силу и орудия производства» [Ibid.].

Британский гильдейский социализм, а также марксизм, повлияли на Эрнста Вигфорса, министра финансов Швеции в 1920–1940-е гг. Вигфорс выступал за постепенный, без потрясений, переход к социализму. Чтобы освободить рабочих от капризов рынка и произвола работодателей, государство должно вмешаться, даже если это означает лишение людей права умереть от голода или разбогатеть. Капитализм Вигфорс критиковал за несправедливое распределение богатства, власти, свободы и безопасности, кризисы, неэффективность, неполную занятость рабочих и ресурсов, расточительство из-за классовых конфликтов, конкуренции и рекламы бесполезных товаров. Социал-демо^кратия была альтернативой государственному социализму и либеральному государству благосостояния. Капиталистическое общество должно быть преобразовано в бесклассовое, с всеобщим равенством условий, государственным планированием инвестиций и развития экономики, налогами на наследство и прогрессивным налогообложением, социальным обеспечением – здравоохранением, пенсиями, пособиями, строительством жилья. Вигфорс настаивал на промышленной демократии: в консервативной «демократии собственников» акционеры мало влияли на корпорации, а национализация означала опасную концентрацию власти и такую же неустойчивость, неэффективность и несправедливость экономики, как и при капитализме [23].

Энтони Кросландр, один из наиболее известных лейбористов XX в., в книге «Будущее социализма» (1956) предлагал заимствовать шведский опыт и ввести в Британии всеобщую обязательную схему социального страхования, чтобы решить проблемы неравенства. Кросландр писал, что развитие социальных программ изменило в середине XX в. капиталистическое общество. Ожидания марксизма, что внутренние противоречия капитализма приведут к обнищанию населения и коллапсу всей системы, были опровергнуты практикой. Идея власти капиталистов также была опровергнута, поскольку власть перешла от класса предпринимателей

к бюрократии. Государство взяло на себя ответственность за полную занятость, экономический рост, распределение дохода с помощью налоговой политики. Усилилась власть труда: благодаря росту занятости укрепились профсоюзы. Индивидуализм и вера в «невидимую руку рынка» были дискредитированы кризисом Великой депрессии и уступили место идеалам кооперации [8].

В 1970-е гг. из-за кризисов многие политики и мыслители сочли дискредитированным государство всеобщего благосостояния в частности и государственное вмешательство в экономику в целом. К этим условиям социолог Энтони Гидденс пытался адаптировать социал-демократию. Он написал книгу «Третий путь: обновление социал-демократии» (1998). В попытке избежать крайностей государственного социализма и либерализма, писал он, «политика третьего пути должна сохранять центральное место социальной справедливости... Равенство и индивидуальная свобода могут противоречить друг другу, но эгалитарные меры также часто расширяют спектр свобод, доступных индивидам. Отказавшись от коллективизма, политика третьего пути стремится к новым отношениям между индивидом и обществом, к переосмыслению прав и обязанностей. Можно предложить в качестве главного девиза новой политики: нет прав без обязанностей. Правительство несет целый ряд обязанностей перед своими гражданами, включая защиту уязвимых. Однако социал-демократия старого образца была склонна рассматривать права как безусловные требования. С ростом индивидуализма должно расширяться и круг индивидуальных обязанностей. Например, пособия по безработице должны предусматривать обязанность активно искать работу...» [13, р. 65].

Несмотря на сближение социал-демократии и социального либерализма, схожесть между неоконсерватизмом и неолиберализмом, между патерналистским консерватизмом и фабианством, разница между подходами сохранялась в восприятии рисков и общественных конфликтов и отношениях власти, обеспечиваемых социальной политикой. Подходы по-разному воспринимали проблемы и предлагали разные решения. Для социального либерализма, марксизма и социал-демократии проблема была в неравенстве. Но социальный либерализм был нацелен на обеспечение равных условий для участников рынка, в том числе через перераспределение, направленное на выравнивание их шансов, а марксизм и социал-демократия – на равную доступность социальных благ безотносительно рынка. Неолиберализм и неоконсерватизм полагали, что государственное вмешательство в действие рыночных механизмов должно быть минимальным, государство должно гарантировать условия, в которых силы спроса и предложения наиболее справедливо

распределят ресурсы между людьми сообразно их таланту и усердию, чтобы действовали естественные механизмы наград для трудолюбивых и наказаний для праздных. Допустимы только такие программы поддержки, которые не повредят рынку, не будут подрывать в людях стремление к опоре на собственные силы. Спонтанный порядок рыночных отношений больше способствует благосостоянию, чем государственное планирование. Если неоконсерватизм апеллировал к религии и традициям, то неолиберализм относился к ним нейтрально или отрицательно. Конфликты неолиберализм описывал не в категориях нарушением порядка, как консерватизм, а, вслед за классическим либерализмом, как произвол властей и индивидов, в том числе если этот произвол был связан с ограничением свободы в виде привилегий или государственного принуждения. В рамках социальной политики от произвола защищало обеспечение прожиточного минимума, чтобы нуждающийся индивид не покушался на чужое имущество для выживания, но и не терял стимулов к труду. Неоконсерватизм, как и корпоративизм и патерналистский консерватизм, предлагал страховые схемы, которые означали содействие солидарности, устойчивой занятости и стратификацию в иерархическом обществе.

Разные методы решения социальных конфликтов и разные предложения в сфере социальной политики связаны с разными политико-философскими представлениями о том, как должно быть организовано общество, что означает справедливость – приоритет свободы или равенства, индивида или коллектива, как согласуются права собственности и права человека, в какой мере следует вмешиваться в действие рыночных механизмов, какие противоречия должны устраняться с помощью государственного вмешательства.

Библиографический список / References

1. Мизес Л., фон. Человеческая деятельность. М., 2000. [Mises L., von. Chelovecheskaya deyatel'nost [Human action]. Moscow, 2000.]
2. Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996. [Rormozer G. Krizis liberalizma [Crisis of liberalism]. Moscow, 1996.]
3. Фридман М. Капитализм и свобода. М., 2006. [Freedman M. Kapitalizm i svoboda [Capitalism and freedom]. Moscow, 2006.]
4. Хайек Ф.А., фон. Конституция свободы. М., 2018. [Hayek F.A., von. Konstitutsiya svobody [The constitution of liberty]. Moscow, 2018.]
5. Audard C. Addressing the rise of inequalities: How relevant is Rawls's critique of welfare state capitalism? *Journal of Social Philosophy*. 2024. No. 2. Pp. 221–237.
6. Babbitt. Democracy and leadership. Boston, 1934.
7. Cole G.D.H. Fabian socialism. L., 1943.

8. Crossland C.A.R. *The future of socialism*. L., 1964.
9. Dworkin R. *A matter of principle*. Cambridge, 1985.
10. Esping-Andersen G. *The three worlds of welfare capitalism*. Cambridge, 1996.
11. Fanning B. *Three roads to the welfare state: Liberalism, social democracy and Christian democracy*. Bristol, 2021.
12. Fawcett E. *Liberalism. The life of an idea*. Princeton, 2014.
13. Giddens A. *The third way: The renewal of social democracy*. Cambridge, 1998.
14. Hewitt M. *Welfare, ideology and need*. Hemel Hempstead, 1992.
15. Hobhouse L.T. *Liberalism*. L., 1919.
16. Kaufmann F.-X. *European foundations of the welfare state*. N.-Y., 2012
17. Kautsky J.H. *Marxism and leninism: Different ideologies*. Abingdon, 2017.
18. Kristol I. *Neoconservatism. The autobiography of an idea*. Chicago, 1999.
19. Offe C. *Modernity and the state*. Cambridge, 1996.
20. Parker R. John Kenneth Galbraith: His life, his politics, his economics. Chicago, 2005.
21. Spann O. *The true state*. L., 2020.
22. Steber M. *The guardians of concepts. Political languages of conservatism in Britain and West Germany, 1945–1980*. N.-Y., 2023.
23. Tilton T.A. A Swedish road to socialism: Ernst Wigforss and the ideological foundations of Swedish social democracy. *The American Political Science Review*. 1979. Vol. 73. No. 2. Pp. 505–520.
24. Webb B., Webb S. *The prevention of destitution*. L., 1916.

Статья поступила в редакцию 04.07.2025, принятая к публикации 20.08.2025

The article was received on 04.07.2025, accepted for publication 20.08.2025

Сведения об авторе / About the author

Подольский Вадим Андреевич – кандидат политических наук; старший научный сотрудник сектора истории политической философии, Институт философии РАН, г. Москва

Vadim A. Podolskiy – PhD in Political Sciences; senior research fellow at the Department of History of Political Philosophy, RAS Institute of Philosophy, Moscow

E-mail: deomniscibili@yandex.ru

Е.А. Осипов

Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
600000 г. Владимир, Российская Федерация

«Имперский фашизм» британского политика Арнольда Лиза

В статье рассматриваются взгляды одного из идеологов фашистского движения «второго плана» в Великобритании Арнольда Спенсера Лиза, создателя «Имперской фашистской лиги». Актуальность исследования объясняется необходимостью изучения причин появления фашистской идеологии в Британской империи и неоднородности этой идеологии. В исследовании проведен сравнительный анализ взглядов А. Лиза и О. Мосли как лидера доминирующей фашистской партии («Британского союза фашистов»). Лидер «Имперской фашистской лиги» проявлял себя, в первую очередь, как радикальный антисемит и разоблачал внутренние угрозы для Великобритании, тогда как лидер «Британского союза фашистов» в основу деятельности ставил необходимость создания корпоративного строя государства и противостояние внешним угрозам.

Ключевые слова: Арнольд Спенсер Лиз, Имперская фашистская лига, британский фашизм, британский колониализм, Освальд Мосли, Британский союз фашистов, теория заговора, корпоративизм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Осипов Е.А. «Имперский фашизм» британского политика Арнольда Лиза // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 116–127. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-116-127

E.A. Osipov

Vladimir State University,
Vladimir, 600000, Russian Federation

“Imperial Fascism” by British politician Arnold Leese

The article examines the views of Arnold Spencer Leese, one of the ideologists of the fascist movement of the “background”, the creator of the Imperial Fascist League. The relevance of the study is explained by the emergence of fascist ideology in the British Empire and its heterogeneity. The study provides a comparative analysis of A. Leese's views with O. Mosley's views who was the leader of the dominant fascist party. The leader of the British Fascist League manifested himself primarily as a radical anti-Semite and saw internal threats to Britain when, as the leader of the BUF, he based the corporate system of the state and opposition to external threats.

Key words: A.S. Leese, Imperial Fascist League, British fascism, British colonialism, O. Mosley, British Union of Fascists, conspiracy theory, corporatism

FOR CITATION: Osipov E.A. “Imperial Fascism” by British politician Arnold Leese. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 116–127. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-116-127

Фашизм – один из самых заметных общественно-политических феноменов XX в. Но главное внимание исторической науки все же приковано к итальянскому фашизму в узком смысле и германскому нацизму. Однако различные политические объединения, руководствовавшиеся типологически близкими системами убеждений, возникли и в ряде других стран. Кроме того, существует множество подходов к изучению фашизма и трактовки этого понятия. Э. Нольте видел в фашизме проявление антимарксизма, которое использует тождественные, но видоизмененные методы, действующие в рамках национальной идентичности. Подходы к изучению этого понятия также довольно многочисленны. Среди них представлены как идеологические (социалистический, либеральный, консервативный), так и неидеологические (социологический и психоаналитический) [1, p. 27–31].

Великобритания также относилась к числу стран, охваченных данным феноменом. Здесь был создан «Британский союз фашистов» (БСФ) под руководством сэра Освальда Мосли.

Авторитарные движения, будучи по характеру вождистскими, лучше исследованы со стороны деятельности их лидеров. В то время как большое влияние на формирование убеждений членов партии и сочувствующих им оказывали фигуры «второго плана». Появление этой идеологии в Великобритании было обусловлено ослаблением экономики страны в 1920-е гг., апогеем которой явилась Всеобщая стачка 1926 г. Кроме того, в 1927 г. английские дипломаты разорвали отношения с СССР. Консервативное правительство Великобритании видело в коммунистах угрозу стабильности собственной страны¹.

В Британии фашистское движение было неоднородным. Несмотря на то, что наиболее известной, популярной и крупной партией оставалась БСФ, существовали и другие организации фашистского толка. Одной из таких организаций была «Имперская фашистская лига» во главе с Арнольдом Спенсером Лизом. Согласно современной политической теории, никакая идеология не является монолитом. М. Фриден, к примеру, понимает идеологию как «мультиконцептуальный конструкт» с собственным ядром и периферией [1, р. 15]. Сравнительный анализ взглядов двух фашистских лидеров – О. Мосли и А. Лиза – позволит объяснить причины сложившегося соотношения различных версий британского фашизма.

А.С. Лиз родился в 1878 г. в Англии, в одном из городков Ланкашира. В начале XX в. он отправился в Индию работать ветеринаром, где стал впоследствии специалистом по лечению верблюдов. С возникновением фашизма в Италии в 1920-х гг. у него возник интерес к этой идеологии. Затем в 1923 г. он вступает в партию «Британские фашисты» [8, р. 57]. Однако взгляды Лиза и «Британских фашистов» отличались, и в 1924 г. он сформировал группу своих сторонников, которая насчитывала 80 членов. Позже, в 1929 г., эта организация переросла в отдельную партию, которая получила название «Имперская фашистская лига» [6, р. 156]. Даже после окончания Второй мировой войны А.С. Лиз продолжал придерживаться антисемитских и расистских взглядов, продолжая выпускать свои труды. Он умер в 1956 г. Хотя его организация также позиционировала себя как фашистская, взгляды участников партии на некоторые вопросы все же отличались. В связи с этим возникает необходимость более детально изучить основные тезисы и аргументы позиции А. Лиза.

¹ Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. М., 1971. С. 57–110.

Британскому фашизму посвящен ряд монографий зарубежных и отечественных историков. Особенностью первых является разработка проблемы преимущественно с точки зрения истории организации. Изучение идеологических вопросов концентрировалось, главным образом, на антисемитизме, а также на послевоенном влиянии публикаций Лиза [5, р. 61–64; 6, р. 288; 8, р. 219; 10, р. 101, 123–124; 11, р. 31–35]. Фундаментальный же труд российского автора А.Ю. Прокопова не обозначает специфику взглядов А. Лиза среди других политиков круга О. Мосли [2, с. 309].

Основу могущества Великобритании в XIX – начале XX вв. составляли не только торговля и военный флот, но и колонии. В 1930-е гг. обострилась колониальная проблематика. В 1931 г. был принят Вестминстерский статут, который уравнял в правах метрополии и колонии, тем самым положив начало Британскому содружеству². Идея расового превосходства скрепляла единство британской элиты на всем имперском пространстве. Поэтому расизм не был чужд британцам еще в Новое время. Одним из идеологов превосходства британской расы был писатель Х.С. Чемберлен (1855–1927). По его мнению, свобода не является естественным правом. Только сила дает право на свободу. Приобрести ее может лишь тот, кто готов к ней, а подготовленность дает право подчинять других. Властью же можно обладать только по праву рождения [3, с. 155].

Индия в XX в. оставалась «жемчужиной британской короны». Страну полностью контролировали британские власти. Для обогащения британских предпринимателей индийские территории предоставляли большие возможности, такие, например, как дешевая рабочая сила, выращивание экзотических трав и пряностей, которые затем продавались с огромной наценкой. Некоторые британцы приезжали в Индию ни с чем, а возвращались богачами. Однако Индия для британцев стала важна не только из-за ее территории и экономического значения, но также из-за ее морального воздействия на население. Контроль над ней стал символом могущества Британской империи в мире, откуда простиралось ее влияние на всю юго-восточную часть Евразии.

Несмотря на то, что с появлением М. Ганди и его политики ненасилия Индию становилось все сложнее контролировать, А. Лиз оставался сторонником полного британского господства в этой колонии. Основные его тезисы вполне характерны для типичного английского шовинизма. По его мнению, Британия принесла порядок, честность и цивилизацию

² Statute of Westminster 1931. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/22-23/4/data.pdf> (дата обращения: 29.03.2025).

туда, где раньше процветали хаос и коррупция³. Новое правительство установило контроль над преступностью, а также принесло в Индию современную медицину, благодаря которой удалось победить большое количество болезней. Великобритания инвестировала в Индию огромные средства, потраченные впоследствии на ее развитие. Торговый оборот, создавший 300 тыс. рабочих мест для индийцев, вырос в разы. Великобритания, по мнению Лиза, жертвовала собой ради процветания Индии. Причины хаоса в этой стране автор видел в почти полном исчезновении среди местного населения древней арийской расы, к которой принадлежат лишь некоторые аристократические роды, а также в наличии большого количества конфликтующих религий. Помимо индуизма, который исповедует большинство населения, в Индии присутствуют ислам, буддизм, а также сикхи. Между представителями различных конфессий возникают социальные конфликты на религиозной почве, в первую очередь, между мусульманами и индуистами. Несмотря на серьезное различие в численности, приверженцы ислама демонстрируют упорную борьбу и, по мнению А. Лиза, значительно превосходят своих соперников в возможностях этой «борьбы». Иными словами, каждый мусульманин значительно упорнее сражается за свои интересы, нежели индуист. Подобное противостояние порождает социальную нестабильность и угрозу британцам. Власти же с их политикой навязывания либеральных ценностей лишь провоцируют междуусобицы. Индийский национализм, по мнению политика, – обман. Его не существует как единого целого, имеют место лишь несколько фракций, которые стремятся подчинить своей воле друг друга⁴.

В 1922 г. британское правительство выпустило документ, названный «Белой книгой». Она была создана под руководством У. Черчилля, тогдашнего министра по делам колоний. Смысл документа сводился к созданию в Палестине арабского государства и ослаблению контроля над колониями, но документ не удовлетворил интересы еврейской diáspory. Их основной целью было создание собственного независимого государства. Они предполагали, что Палестина станет их территорией, но, т.к. получить ее пока не удалось, они распространяют свое влияние на другие части Британской империи. Следующим их шагом станет Индия. Это приведет к подрыву веры в «арийское» правительство и падению авторитета Великобритании. Именно «Белая книга», по мнению А. Лиза, являлась проявлением финансового влияния евреев на британское правительство и их стремления всячески ослабить империю.

³ Leese A. The destruction of India. Its cause and prevention. L., 1938. P. 4.

⁴ Ibid. P. 3.

Что же касается политики ненасилия в Индии, Лиз считал, что она обречена на поражение. Причина дробления народов лежит не только в большом количестве противоборствующих религий, но и в отсутствии «борющейся души». Именно эта душа позволяет людям относить себя к благородным личностям, быть выше других, жертвовать собой ради великой цели, такой, например, как оборона от внешних угроз, защита своей религии, принципов. Именно в этом разница между высшими и низшими расами, на которые Лиз предлагал делить индийское общество.

Расы, неспособные бороться, не имеют права на самоопределение и должны быть подчинены «арийскому» правлению. Индия же должна быть полностью подчинена напрямую британскому правительству, а не через наместника (генерал-губернатора), который обладает автономией от центральных органов власти. Само собой, в органах управления не должно быть евреев. Говоря о расах, способных бороться, Лиз считает, что их интересы нельзя игнорировать. Однако дать им самостоятельность необходимо лишь в области сельского хозяйства. Он предлагал осуществить раздачу земель, наделив общинами автономией и, тем самым, преобразовав Индию в основанное на сельском хозяйстве корпоративное государство.

Корпоративная структура не только позволит повысить производительность хозяйств, но и обеспечить более эффективный досуг как для работников, так и для владельцев земли. Благодаря британскому владычеству, Индия будет активно развиваться как в материальном, так и в культурном плане⁵. При этом А. Лиз не строил детальной экономической модели, в отличие от политиков из БСФ.

Таким образом, А. Лиз предлагал разделить все население Индии по принципу «сильных» и «слабых». Слабые являются, по своей сути, рабами и способны существовать только под руководством сильных. Сильные же под контролем британского правительства создадут новое корпоративное государство в составе Британской империи и встанут на путь экономического и культурного развития.

Подобные взгляды на колониальный вопрос высказывал и лидер БСФ Освальд Мосли. Однако он рассматривал эту проблему чуть иначе. Как и А. Лиз, Мосли считал Индию законной территорией Великобритании, которой она вправе полностью распоряжаться. В первую очередь, это право Британская империя получила за счет вложенных инвестиций. В результате, Индия стала значительно более развитым регионом с современной логистикой, системой образования и медицинского обслуживания. Однако у Мосли отсутствуют какие-либо антисемитские идеи

⁵ Leese A. The destruction of India. Its cause and prevention. L., 1938. P. 9.

в этом вопросе⁶. При этом однозначно обозначать А. Лиза как родоначальника антисемитизма в британском фашизме мы также не можем. Антисемитские идеи начали внедряться в идеологию Мосли в середине – второй половине 1930-х гг.

Еще одной составной частью «еврейского вопроса» была проблема принадлежности Палестины, родины иудаизма. Евреи всегда считали эту землю своей исторической родиной, ссылаясь на то, что их предки проживали на этой территории, значит, «богогибранный народ» имеет законные права на нее. Кроме того, на протяжении многих веков евреи не имели национального государства, а рассеянная по миру диаспора подвергалась притеснениям. Они пытались воздействовать на мировую общественность и убедить людей в своем историческом праве на эту землю.

Лиз считал, что евреи не имеют никаких моральных прав на создание своего государства в Палестине. В качестве аргументации он приводил ряд тезисов. Он указывал на то, что на протяжении всей истории эта земля находилась под властью евреев только 350 лет⁷. Они потеряли контроль над ней в результате многочисленных военных конфликтов в регионе, что говорит о призрачности притязаний на эту территорию. Христиане же, по мнению А. Лиза, имеют куда больше прав на нее. Религия Христа появилась там же, но, в отличие от евреев, его последователи пытались вернуть власть над регионом. Именно с этой целью были организованы крестовые походы против мусульман. Тысячи христиан отдали свои жизни во время сражений в Святой Земле. Однако Лиз подчеркивал, что идею возвращения Палестины евреям высказывают преимущественно ашкеназы – субэтническая группа европейских евреев. И главная причина, почему они не имеют права на Святую Землю, – местоположение их родины. Как утверждает Лиз, ашкеназы никогда не жили в Палестине, а пришли в Европу из Хазарского каганата и до сих пор проживают в Восточной Европе⁸.

Евреи предполагали вернуть контроль над Палестиной с помощью Великобритании. Еще в 1903 г. один из сионистских лидеров Макс Нордау говорил о будущей мировой войне, после которой евреи, наконец, смогут освободить Палестину. Им, разумеется, понадобятся средства для развития своей страны, и взять их можно у семьи Ротшильдов. В 1917 г. вышла декларация А. Бальфура, в которой говорилось о помощи сионистским целям евреев⁹. Бальфур обещал Уолтеру Ротшильду,

⁶ Mosley O. The Greater Britain. L., 1932. P. 140.

⁷ Leese A. Devilry in the Holy land by I.F.L.L., 1938. P. 1.

⁸ Ibid. P. 2.

⁹ Balfour Declaration 1917. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/balfour.asp (date accessed: 29.03.2025).

что Палестина сможет стать новым национальным домом для евреев после того, как Англия завоюет ее¹⁰. В своих построениях Лиз опирался на «Протоколы сионских мудрецов» – знаменитую фальшивку, опубликованную в 1903 г., где говорилось о господстве евреев над всем миром. Завоевание Палестины – лишь первый шаг.

Политик усматривал еврейское влияние в поведении отдельных представителей политической элиты Великобритании. Некоторые британские чиновники, по его словам, еще во время Первой мировой войны начали активно продвигать проект объединения евреев-сионистов. Позже, в 1936 г., Д. Ллойд-Джордж выступил с речью в Палате общин, где назвал евреев «замечательным», наиболее подходящим для сотрудничества сообществом. По мнению Лиза, именно еврейские деньги привели к такому развитию событий. Из-за них правительство Великобритании накануне Второй мировой войны склонялось к сотрудничеству с противниками Германии.

В брошюре «Наша еврейская аристократия» Лиз с тревогой писал о влиянии евреев на высшие слои британского общества, куда проникает все больше евреев, а «чистые» британцы постепенно исчезают. Смешение крови очевидно, и в скором времени еврейский народ станет неотъемлемой частью британской элиты¹¹. Автор также изучал историю всемирно известной банкирской семьи Ротшильдов¹². Главный вывод, который он сделал, заключается в том, что их деньги в значительной степени направляли политику ведущих европейских стран. Подобная позиция схожа также со взглядами А.К. Честертона (кузена известного писателя Г.К. Честертона), т.к., с его точки зрения, именно евреи владеют основным капиталом мира. Это могло бы привести к установлению «еврейской власти» на территории всей Европы и формированию мирового правительства.

Хотя автор памфлета находил и влияние «здравых сил» среди власть имущих. Ведь Бальфур «забыл», что Палестину уже пообещали арабам в обмен на экономическую помощь. И это обещание было дано Артуром Генри Макмагоном, верховным комиссаром Египта, за два года до обещания Бальфура. В результате чего еврейский анклав так и не был сформирован, несмотря на значительную миграцию евреев в эту область¹³.

¹⁰ Leese A. Devilry in the Holy land by I.F.L. L., 1938. P. 4.

¹¹ Leese A. Our Jewish aristocracy. L., 1936. P. 8.

¹² Leese A. Rothschilds. L., 1940. P. 4.

¹³ Leese A. Devilry in the Holy land by I.F.L. L., 1938. P. 4.

Несмотря на то, что Великобритания получила мандат Лиги наций на управление Палестиной, евреи, как полагал фашистский лидер, продолжали вести паразитирующий образ жизни и использовать британцев в своих целях. А идея создания «национального очага» в Палестине была всего лишь уловкой. На самом деле, по мнению Лиза, сионисты преследовали 5 целей, а именно: господство на всем Ближнем Востоке, двойное гражданство, которое позволяло евреям уклоняться от обязательной службы в армии, контроль над нефтяной трубой, которая идет из Ирака, контроль и эксплуатация нефтяных месторождений в Палестине, и, наконец, богатства Мертвого моря.

Главной составляющей господства евреев на Ближнем Востоке Лиз считал превращение Иерусалима в будущий центр мирового правительства. Контроль над нефтяной трубой из Ирака был стратегически важен для британской армии. Евреи могли бы таким образом манипулировать английским правительством с помощью создания препятствий для транспортировки топлива. Особенно эта артерия была важна для британского Средиземноморского флота. Двойное гражданство позволяло как евреям, так и арабам выбирать, к кому они принадлежат. Таким образом, евреи в Британии могли избежать службы в армии в случае какого-либо военного конфликта, если выберут палестинскую национальность. Нефтяные месторождения в самой Палестине только начинали разрабатываться. Они могли снабжать значительную часть всего Британского флота, за счет чего было бы достигнуто господство в Средиземном море. Однако права на эту нефть останутся за теми, кто ее добыл – евреями, которые, в таком случае, встанут на пути к английскому процветанию. Мертвое море особенно богато различными редкими минералами. План евреев, согласно Лизу, заключался в установлении монопольной цены на калий¹⁴. Этот элемент важен при изготовлении удобрений. Повышение объема добычи калия позволило бы увеличить их производство и значительно облегчить жизнь британским фермерам. Однако из-за финансовых и политических интриг права на разработку ресурсов Мертвого моря были отданы в частные руки. Компания “Potash Co. Ltd”, которая контролировала добычу, принадлежала евреям. Добыча приносила им огромные прибыли. Еврейские активисты и политические деятели всячески пытались уменьшить роль добычи калия в глазах английской знати, чтобы не создавать себе проблем и спокойно обогащаться.

При этом арабское население, по словам Лиза, было ущемлено. Евреи освобождались от налогов, получали торговые привилегии, у арабов же ничего этого не было. Правительство Великобритании также более

¹⁴ Leese A. Devilry in the Holy land by I.F.L. L., 1938. P. 11.

благосклонно относилось к сионистам. Вот почему его деятельность Лиз характеризует как предательскую. Власть предала арабов, которым обещали землю и которые сражались за Британскую империю в Первой мировой войне как союзники. Власть предала армию, скрыв, что Палестина отойдет евреям, а также отдала им добычу нефти, столь важную для флота. И, само собой, он указывает на намеренный обман английской элиты правительством в отношении реального значения Мертвого моря. Эта земля, согласно идее фашистского лидера, должна принадлежать Британии, т.к. она завоевана силой британского оружия. Что касается «национального очага» для евреев, он может располагаться на Мадагаскаре. И ни один еврей не должен покидать остров под страхом смерти. Настоящие же союзники для Британии как в Индии, так и за ее пределами – это мусульмане. Вместе с ними Британская империя составит самую могущественную силу в мире¹⁵.

Можно заключить, что в политических представлениях А. Лиза главным врагом Британской империи выступают евреи, которые пытаются реализовать свои цели путем проникновения в правящую элиту. Исходя из этого, можно сказать, что фашизм в Великобритании выступал и как оппозиционная сила, направленная против «внутреннего врага».

Мосли был не так радикален в колониальном вопросе. Главная проблема для него – сохранение экономической системы, где метрополия производит необходимые для жизни товары, а остальная империя поставляет ей продукты питания и сырье для производства. В корпоративном устройстве страны лидер БСФ видел источник процветания и стабильности всего мира. Для него в приоритете находились внешние угрозы, нежели внутренние, как для Лиза¹⁶.

Таким образом, спектр взглядов британского фашистского лидера А. Лиза не ограничивался только расизмом и антисемитизмом, хотя обе составляющие системы его политических убеждений имеют принципиальное значение. Для него был крайне важен и колониальный вопрос. Расширение институтов демократии, с его точки зрения, могло привести к ослаблению британской власти на местах и к полной потере колоний. Поэтому Лиз также выступал как сторонник тоталитаризма и противник демократии. Можно сказать, что колониальный вопрос составлял основной предмет его отличия от взглядов других идеологов британского фашизма, что сближает его со взглядами британских консерваторов межвоенного периода.

¹⁵ Leese A. Devilry in the Holy land by I.F.L. L., 1938. P. 13–14.

¹⁶ Mosley O. The Greater Britain. L., 1932. P. 145–147.

При этом, в отличие от Мосли, Лиз не выдвигал какой-либо экономической модели. Можно сказать, что он являлся сторонником корпоративизма, однако не раскрывал в деталях сущность этого понятия. На фоне развернутой концепции БСФ идеи Лиза, хоть и были более радикальными, не являлись чем-то принципиально новым и, следовательно, привлекательным для британского общества. Значительно большее акцентирование внимания на еврейском вопросе, чем у БСФ, также отталкивало общественность от группы Лиза. «Имперская фашистская лига» не вышла за рамки немногочисленной организации, оставшись в тени партии Мосли.

Библиографический список / References

- Нольте Э. Фашизм в его эпохе / пер. с нем.; предисловие Л. Гинцберга. Новосибирск, 2001. [Nolte E. Fashizm v ego epohe [Fascism in its era]. Transl. from German; preface by L. Gintsberg. Novosibirsk, 2001].
- Прокопов А.Ю. Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеологи и политика (1932–1940 гг.). СПб., 2001. [Prokopov A.Yu. Fashisty Britanii. Soyuz Osvalda Mosli: ideologи i politika (1932–1940 gg.) [Fascists of Britain. Oswald Mosley's Union: Ideologues and politics (1932–1940)]. St. Petersburg, 2001].
- Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ». СПб., 2003. [Sarkisyanc M. Anglijskie korni nemeckogo fashizma. Ot britanskoy k avstro-bavarskoj «rase gospod» [The English roots of German fascism. From the British to the Austro-Bavarian “master race”]. St. Petersburg, 2003].
- Freeden M. Ideology and political theory. *Journal of Political Ideologies*. 2006. No. 11 (1). Pp. 3–22.
- Griffith R. Fellow travellers of the right. British enthusiasts for Nazi Germany 1933–1939. L., 2015.
- Griffith R. What did you do during the war. The last throes of The British Pro-Nazi Right. N.-Y., 2017.
- Linehan T. British fascism, 1918–1939. Parties, ideology, and culture. L., 2021.
- Loughlin J. Fascism and constitutional conflict. The British Extreme Right and Ulster in the twentieth century. Liverpool, 2019.
- Lunn K., Thurlow R. C. British fascism. Essays on the Radical Right in Inter-War Britain. L.; N.-Y., 1980.
- Richardson J.E. British Fascism. A discourse-historical analysis. Stuttgart, 2017.
- Stocker P. Lost Imperium. Far right visions of the British Empire c. 1920–1980. L.; N.-Y., 2021.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025, принятa к публикации 30.06.2025
The article was received on 20.05.2025, accepted for publication 30.06.2025

Сведения об авторе / About the author

Осипов Евгений Андреевич – магистрант по направлению «История России XIX – начало XX вв.» Гуманитарного института, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Evgeniy A. Osipov – MA-student in the field of “History of Russia in the XIX – early XX centuries” of the Humanitarian Institute, Vladimir State University, Russian Federation

E-mail: oea-240302@mail.ru

Критика. Библиография

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-128-131

УДК 94

А.А. Орлов

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Британский «зритель» у замочной скважины русской дипломатии второй трети XVIII в.

Рецензия на книгу: Лабутина Т.Л.
Британские послы в России
в эпоху дворцовых переворотов. СПб., 2025

Эта монография – уже четвертая в издательском цикле проекта Института всеобщей истории РАН «Британская культура в России в XVI–XVIII веках. Восприятие, заимствования и отторжение»¹.

Новое исследование Т.Л. Лабутиной посвящено истории российско-британских дипломатических отношений в эпоху «дворцовых переворотов» в России 1728–1762 гг. с особым акцентом на деятельности десяти британских послов и посланников при царском дворе. Предметом изучения является дипломатическая переписка Томаса Уорда, Клода (Клавдия) Рондо, Джорджа Форбса, Эдварда Финча, Сирила Вейча,

¹ Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. СПб.: Алетейя, 2011. 272 с. (Серия: Библиотека Средних Веков); Она же. Британцы в России в XVIII веке. СПб.: Алетейя, 2013. 352 с. (Серия: Pax Britannica); Она же. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб.: Алетейя, 2019. 458 с. (Серия: Pax Britannica).

Джеймса Тироули, Джона Гиндфорда, Мельхиора Гая Диккенса, Чарльза Уильямса, Роберта Кейта.

Автор задается следующими вопросами: что представляли собой в личном отношении английские дипломаты, насколько плодотворной была их деятельность в России, как они отстаивали свои позиции в дипломатическом поединке с императрицами Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной и их министрами? Наконец, какие впечатления дипломаты составили о своем пребывании в России? (с. 6).

Книга состоит из введения, трех частей (восемнадцати глав) и заключения.

Проведя исследование заявленных проблем на основе значительно-го корпуса источников, в основном, переписки британских дипломатов с государственными секретарями, опубликованной в «Сборниках Императорского Русского Исторического общества», и комплекса научной литературы отечественных и зарубежных авторов, Т.Л. Лабутина пришла к следующим выводам. Английское правительство направляло в Россию наиболее опытных своих представителей, способных вести непростые переговоры с российскими министрами. За время пребыва-ния в России английские послы делали все возможное, чтобы добиться в переговорах (о торговом договоре 1743 г., оборонительном договоре 1742 г., субсидных конвенциях 1747 г. и др.) наибольших преференций для своей страны. При этом в ход шли все возможные средства, включая шантаж и подкуп высокопоставленных чиновников, приближенных к Анне Иоанновне и Елизавете Петровне.

Анализ депеш британских дипломатов дал возможность составить представление о том, как проходила не только их официальная миссия, но и тайная разведывательная деятельность. Правительство Великобритании ставило перед своими послами в России задачи, которые касались не только ведения переговоров и обсуждения договоров, но также сбора информации о стране пребывания: о главных должностных лицах; расстановке политических сил при дворе; экономическом потенциале и вооруженных силах России. Послы получали информацию из различ-ных источников, но, главным образом, от первых лиц в государстве: министров и высокопоставленных чиновников в армии и на флоте.

Отвечая на вопрос о том, что именно двигало теми из русских чинов-ников, которые сообщали секретную информацию британским дипло-матам, Т.Л. Лабутина обращает внимание не только на умение англичан заинтересовать своих информаторов материально (денегами и доро-гостоящими подарками), что было обычной практикой для того време-ни, но и на проявившуюся в изучаемый период времени в России политическую англоманию. По ее мнению, среди высокопоставленных

русских имелось немало сторонников английских интересов, тех, кто был готов действовать «согласно с[о] взглядами короля». К их числу дипломат (Чрезвычайный посланник и полномочный министр Великобритании в России в 1741–1744 гг.) сэр Сирил Вейч (Уич, Wyche) причислял не только канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, но и его брата М.П. Бестужева-Рюмина, кн. А.М. Черкасского, генерал-прокурора кн. Н.Ю. Трубецкого, кн. В.В. Долгорукова.

Итоговый вывод в монографии (с. 683) раскрывает заявленную цель. По словам автора, Великобритания в рассматриваемый период проводила по отношению к России далеко не дружественную политику. Начав с возобновления дипломатических отношений, заключения торгового и оборонительного договоров, англичане попытались втянуть Россию в войну за чужие интересы, а затем и вовсе предали ее, перейдя на сторону общего врага – Пруссии. Большую роль в проведении антироссийского курса внешней политики Великобритании сыграли ее дипломаты, которые использовали против своей «естественной союзницы» России такие методы «мягкой силы», как подкуп, шантаж и шпионаж. Российская сторона часто уступала британцам в переговорном процессе, но постепенно приобретала навыки ведения дипломатических дуэлей. Последующее поколение российских дипломатов возьмет на вооружение достижения своих предшественников и уже в правление Екатерины II научится не только противостоять своим противникам, но и побеждать их в дипломатических баталиях.

К недостаткам работы Т.Л. Лабутиной можно отнести, во-первых, бросающуюся в глаза диспропорцию текста между тремя частями ее новой книги. В частях 1 и 2 – по 8 глав, а в части 3 – только две. Впрочем, это объясняется тем, что о деятельности британских послов в России в период правления императрицы Екатерины II было подробно рассказано в одной из предшествующих монографий автора². Во-вторых, укажем также и на то, что, называя во введении периоды военного сотрудничества России и Англии (с. 5), Т.Л. Лабутина не упоминает совместную деятельность двух стран в переломный для Европы и всего мира период революционных и наполеоновских войн (1792–1815).

В заключение отметим, что секретная переписка британских дипломатов в России в эпоху «дворцовых переворотов», как и другие источники, проанализированные в новой монографии Т.Л. Лабутиной,

² Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб.: Алетейя, 2019. 458 с. (Серия: Pax Britannica). См. также рецензию на эту кн.: Орлов А.А. Британская дипломатия второй половины XVIII века: петербургский вектор (Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019) // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 230–233.

позволяют читателю составить объективное представление о своеобразной «кухне» подготовки и ведения переговоров британской стороной, а также позиции российских императриц и их министров в принятии важных внешнеполитических решений.

Сведения об авторе / About the author

Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Alexander A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of European and American Countries of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: arkigolkin@yandex.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2025.3

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность
приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале,
невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 27.09.2025 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 8,25 п. л. Тираж 1000 экз.